

ОСТРОВА
ОБЪЯТЫ
ТЬМОЙ

ЛАНГРЕЙН В.

Поездка в жаркий Таиланд обернулась катастрофой, и вы попали в руки островных пиратов? Не отчаивайтесь! Ведь их босс — ваш лучший друг по переписке и всё это случайное совпадение.

Только вот из-за него коллеги заперты в звериных клетках, а за вами охотится задумавший побег начальник, с которым ой какие непростые отношения в прошлом. Компанию ему составляет медведица Настенька — любимый, между прочим, питомец, который гуляет по джунглям сам по себе.

Тут уж не до красивых пляжей и кристально чистых вод Тихого океана. Хотя кто сказал, что среди взрывов гранат и звуков пальбы не найдется места романтике?

В сюрпризы

За четыре года работы Аня к этому так и не привыкла. Сначала такое поведение казалось забавным: ну, стоит за дверью директор — дядька-здоровенный лоб, пятьдесят плюс — ну, заглядывает в щёлочку, прежде чем войти в собственную приёмную, что тут такого? Прикалывается, наверное.

Или, может, ждёт, что она поднимет голову от груды бумажной работы, заметит его, улыбнётся широко и счастливо, поздоровается. Не тут-то было. Ни в тот, первый свой рабочий день, ни уж тем более теперь, Анна не собиралась вестись на странную провокацию собственного начальника. Да и дел, действительно, было невпроворот.

С утра уже забегали экономист Марго с нескончаемыми колонками цифр и вездесущая Марина Петровна, заместитель по вопросам, в которых вообще ничего не понимала. Да и много кто ещё хотел видеть непосредственного руководителя Театра русской культуры. Но не видел, потому как тот предпочитал приезжать после обеда, отоспавшийся, довольный жизнью и в шаловливом настроении. Последним фактом Аня объясняла его патологическую тягу время от времени простаивать под дверью и наблюдать за ней. В подобные моменты она чувствовала себя ужасно неловко, словно бы обезьянка в клетке питерского зоопарка.

— М-м-м, Анютка, ты сегодня прекрасно выглядишь! — произнёс вместо приветствия директор, широко распахивая дверь и впуская громкие звуки проходящей в соседнем зале репетиции.

— Здравствуйте, Максим Сергеевич, — дежурно улыбнулась девушка в ответ. — Подпишите документы?

— На-ка, разбери. — На стол ей тут же плюхнулась кипа каких-то журналов в ярких, зазывающих обложках. — И кофе мне сделай, будь добра.

— А документы? Там срочно!

— Ну, раз срочно, — усмехнулся начальник, проходя в кабинет.

Пространные его ответы Анна уже давно привыкла расценивать в свою пользу, поэтому, оторвавшись от составления очередного регламента и подхватив стопку бумаг, она направилась следом за Максимом Сергеевичем. Тот уже успел скинуть лёгкую олимпийку на спинку кожаного кресла и скрыться в дверях небольшой, совмещенной с гардеробом кухни, что располагалась в дальнем конце его кабинета.

— Вам со сливками или без? — уточнила Аня, кладя документы на директорский стол.

Ответа не последовало, и девушка недоуменно обернулась. Точно знала, что начальник мгновение назад стоял в дверном проёме и не мог не слышать вопроса.

И он действительно там стоял. Оценивающим взглядом проходил по её фигуре и широко ухмылялся:

— Очень сексуальное платье, между прочим.

Платье было обычным: строгим, белым, чуть выше колен, как раз самое то для приёмной руководителя, когда за окнами плюс двадцать пять, а летние сарафаны носить запрещено, ведь они не вписываются в офисный стиль.

— Максим Сергеевич, вам кофе со сливками или без? — с нажимом повторила Аня.

— Ну, допустим, без.

— Тогда позвольте мне пройти на кухню.

— Иди, кто тебе мешает? — Мужчина, сложив руки на широкой груди, облокотился о

дверной косяк. Проход он собою загородил полностью и стал пристально, с затаенным в уголках глаз издевательским интересом наблюдать за чужой реакцией. Девушка подошла чуть ближе, но Максим даже не подумал пропустить её.

— Максим Сергеевич! — воскликнула Аня, чувствуя себя полной дурой.

— Ты идёшь делать кофе или нет?

— Отойдите!

Начальник пожал плечами и нарочито медленно развернулся, оставляя мизерное пространство, чтобы девушка могла пройти. Габаритное тело его она ожидаемо задела бедром, но на кухню протиснулась, даже сделала пару торопливых шагов, когда в спину ей донеслось:

— Да ты истеричка, Ань.

Анне захотелось разбить любимую директорскую чашку об уже давно нелюбимую директорскую голову. Но она лишь глубоко вздохнула и щелкнула кнопкой небольшой кофемашины. Та затарахтела, выпуская из себя переработанную воду вперемешку с горячим паром. Светлая кухня наполнилась тягучим, чуть кисловатым ароматом перемолотых зёрен, что привнесло хоть какую-то приятную ноту в этот невыносимо долгий и, видимо, только начинающий набирать обороты рабочий день.

Кратко прогудел мобильник в кармашке платья, словно напоминая Анне о вот-вот грозившем переполнить края чашки кофе.

«Последнее твоё про бога, которому бы родиться девочкой», — высветилось на экране сообщение из мессенджера.

Тимур, её персональная энциклопедия, личная подушка для жалоб и лучший друг в одном лице, отвечал на предыдущий вопрос о том, какое из стихотворений ему больше всего понравилось. На днях Аня решила подать на конкурс, но всё никак не могла выбрать наиболее подходящее из своих произведений.

Другу в чат она отписалась кратким «спасибо», и вновь поймала себя на мысли, что хорошо бы им когда-нибудь встретиться, хотя бы разок. Интересно же увидеть человека живую после стольких лет общения в сети.

— Анна, ты там скоро? Что подписывать-то? — раздался нетерпеливый возглас из-за стены, и Аня поспешила вернуться в рабочую рутину.

Обычно документы директор просматривал быстро, благо столько лет работы довели это действие до автоматизма, но едва Анна успела выдохнуть, заметив, что стопка подошла к концу, как Максим Сергеевич замер с занесенной над очередным приказом рукой и уставился куда-то вбок. Там, на темной поверхности столешницы он заметил небольшую резную штатулку, тут же схватил её и победоносно воскликнул:

— Наконец-то!

Про себя девушка тихонько заскулила.

Мало того, что срочные задачи горели в приёмной уже синим пламенем, так теперь явственно стал слышен трезвон одного из трёх служебных телефонов. И если какой-либо из пропущенных звонков окажется важным, можно даже не гадать, кто именно первым делом начнёт возмущаться по поводу хреновой работы секретаря.

— Максим Сергеевич, давайте с бумагами закончим, нам отчетность закрыть надо, крайний срок, — почти жалобно попросила Анна.

— Нет, ты только погляди! — возмущенно заявил он. — Фиолетовый!

— Максим Сергеевич, подпишите...

— Это ж цвет женской неудовлетворенности!

Девушка перевела вопрошающий взор на усеянный мелкими лампочками потолок, но никакого адекватного ответа на происходящее не получила. Пришлось заглянуть в нутро шкапулки, куда так настойчиво указывал пальцем директор.

Когда Максим притащил эту рухлядь на работу впервые, она походила на форменное безобразие, которое вывернули наизнанку и вывали в грязи, на что Анна посоветовала выкинуть её в мусорку. Но директор отнёс шкапулку в бутафорский цех, и девочки, мастерицы на все руки, и без того заваленные подготовкой к гастролям, умудрились за каких-то пару дней сотворить ему чудо. Теперь дно шкапулочки ровно устилал нежно-пурпурный атлас, а некогда отсутствующая крышка сияла тонкими вензелями и искусственной позолотой.

— Очень красиво, — улыбнулась Аня.

— Да хрень какая-то, — недовольно буркнул директор, убирая шкапулку. — Ладно, где там ещё черкануть?

— Сейчас. — В желании забрать часть уже подписанных документов, она потянулась вперёд. Тут же ощутила, как по обратной стороне коленей что-то ползёт, и, едва не вскрикивая, резко отшатнулась в сторону. Подальше от директорского стола, а заодно и от директорской руки.

Встретившись гневным взглядом своих карих глаз с его смеющимися, Анна в который раз почувствовала себя полной дурой. Раздраженным клубком в голове пронеслась мысль, что Максим вновь взялся за старое. И угрозы уйти с работы ему по боку, и собственные же клятвенные заверения никогда так больше не делать, видимо, тоже.

— У-у-у, а взгляд-то какой, — усмехнулся начальник. — Я же просто шучу, Анютыч!

— Это не смешно! И не называйте меня так!

— Да ладно, чё ты как...

— Максим Сергеевич! — донесся звонкий возглас от входной двери. — А я к вам с отличными новостями!

В кабинет впорхнула Марго — главный экономист их театра, как всегда громкая и вся в лучах жизнерадостного энтузиазма. В руках своих она несла желтую пластиковую папку, на ходу уже начиная пояснять, что в ней содержится:

— Это сметы на наши гастроли! Комитет всё согласовал!

— А платить кто будет?

— Ну Максим Сергеевич, ну тайцы, конечно, принимающая сторона!

— Ой, не знаю, Марго, — ворчливо отозвался он, небрежно отодвигая от себя наконец подписанную стопку бумаг. — Мутно это всё как-то, вилами по воде, как говорится. Да и собрать труппу за две недели — тот ещё геморрой.

— Марина Петровна у нас по творческой части, вот пусть и активизируется, — начала увещевать Марго. — Только есть одна небольшая проблемка: тайцы требуют не менее пяти человек руководящего состава. Там выставка мирового уровня, им нужна не просто театральная труппа, а делегация от страны. Кого-то попросят быть спикером.

— Да какая ж это проблема? — хохотнул Максим. — В Таиланде-то на халяву отдохнуть! Вон, Аньку с собой возьмем.

— Нет! — едва сумев скрыть испуг, выдала девушка. — Извините, но я никак! Тут работы полно, да и...

— Давайте другую кандидатуру рассмотрим, — пожала плечами Марго. Бросила

любопытный взгляд в сторону Ани, которая забирала стопку документов с директорского стола на вытянутых руках, и, хмыкнув, поинтересовалась: — Может, я попозже зайду?

— Зачем? Сначала с гастролями разберёмся, — постановил директор, жестом показывая своему секретарю задержаться. И той ничего не оставалось, как замереть и начать отстраненно выслушивать чужую, совсем её не касающуюся болтовню.

Едва услышав про гастроли, Аня уже была не в восторге, потому что прекрасно понимала, кому придётся заниматься сбором загранпаспортов и покупкой билетов. Ко всему прочему летний квартал закрытия отчётности дышал ей в спину. Как обычно ни продавники, ни бухгалтерия ничего не знали и ничего не успевали, а желающие пожаловаться театралы задавали уйму вопросов, разрывая городской телефон, да и самого секретаря на части. И ещё был директор, который доставал неимоверно из одного лишь желания развеять собственную скуку. Каждый раз проходя мимо её стола, он пытался как-либо обратить на себя внимание: то громко хлопнуть в ладоши, то ни с того ни с сего спросить в шесть вечера обедала ли она, не особо вслушиваясь в чужой ответ.

Часам к девяти, когда Аня запоздало поняла, что пора бы высунуть голову из-за горы поручений, из кабинета директора шумной толпой вышла вся верхушка администрации. Марина Петровна и Марго весело щебетали, обмениваясь любезностями по поводу и без, а Максим Сергеевич молча плёлся следом за своим безопасником.

Должности такой в театре не предполагалось, поэтому круглобокий лысеющий Пётр Фомич был ещё одним заместителем по каким-то там вселенским задачам и нерешенным вопросам, но по части безопасности знал многое. И пытался сие сакральное до всех постоянно донести.

— Перед уходом не забудь включить камеру, — напомнил он Анне, как делал тысячу раз до этого.

— Кабинет сама закроешь, — тут же присоединился к нему Максим Сергеевич.

Аня подождала, когда женская половина их группки с объятиями и целованиями в обе щеки, наконец, покинет приёмную, а затем, потирая гудящие от боли виски, ответила на все поручения разом:

— Да, хорошо.

— Что, голова болит? — поинтересовался начальник. — Нужно записаться на томографию.

— Или к мануальщику, — предложил Пётр Фомич. — Это у тебя защемление, он быстро вправит.

— Нет, спасибо, это я заработалась, — с вымученной улыбкой выдавила она, желая только одного: поскорее бы остаться в тишине.

— Да, Анют, отдыхать нужно больше, — задумчиво протянул директор. — А химчистка завтра?

— Да, завтра.

— Не забудь костюм мой забрать.

— Конечно.

— Макс, так давай её с собой в Таиланд возьмём! — словно осенённый, воскликнул Пётр. — Там и отдохнёт!

— Точно, режиссёр же отказался, — кивнул Максим Сергеевич. — Придётся, Анютыч, тебе нас выручить.

— Но я не могу... — начала лепетать девушка, но слушать её, конечно же, никто не стал.

— Бронируй место и на себя! — приказным тоном заявил директор, и, подхватив Петра под руку, потащил того прочь из приёмной под неторопливое обсуждение дел насущных. Последним, что донеслось до раздосадованной Анны, была полная энтузиазма фраза Максима Сергеевича:

— Говорю тебе, Петь, это будут лучшие гастролы нашего русского народного!

— Народ, все собрались? Не теряемся, за нами скоро приедет автобус! — перекрикивая людской гул, Эдик, администратор труппы, встал на свой чемодан, и замахал алой папкой, призывая коллектив подойти к нему.

Теперь он, конечно, расхаживал с важным видом и сверялся со списками, которые собрала Аня буквально за ночь до отлёта, потому что Эдуард сделал всё не так и всё неправильно. О чём ей в одиннадцать вечера гневно сообщила Марина Петровна, кляня администратора на чём свет стоит и умоляя переделать.

Невыспавшаяся, уставшая до предела за всю двухнедельную подготовку к этим гастролям Анна, тем не менее, уже успела сбегать за кофе для начальства и вместо Эдика уточнить, к какому всё-таки терминалу им выходить, чтобы не пропустить автобус.

Всемирная выставка культуры и искусств проходила не в столице Таиланда, а где-то на побережье, в бизнес-центре крупного города, название которого всё никак не задерживалось в голове. Туда ещё предстояло доехать и не потерять их русско-народный коллектив по дороге, вместе с постоянно слоняющимся по залу ожидания директором, бегающим по туалетам членам вокального ансамбля и неугомонной Марго, которая так и норовила выйти из здания тайского аэропорта и скрыться в неизвестном направлении.

— Хочу красивые фотки, Ань, — ответила она, когда девушка отыскала её и попросила пройти к автобусу.

Снаружи был удивительно густой воздух и какое-то бескрайнее в своей величине светло-голубое небо. Чуть поодаль едва качались под легким ветерком невысокие пальмы. Вдохнув полной грудью, Анна почувствовала, как плечи тянет усталость и тяжело опустилась на свой чемодан. Подумала, что делающую селфи Марго она все равно насильно никуда не потащит.

В кармане звякнул телефон, видимо, каким-то чудом подключившись к вай-фаю аэропорта, и Аня прочла сообщение от Тимура:

«Как добралась?»

«Отвратительно», — напечатала девушка и вставила несколько блюющих смайликов. Морская болезнь не давала ей покоя весь долгий перелёт до Таиланда. Друг об этом знал, поэтому тут же прислал слова сочувствия в ответ.

«Не хотел говорить раньше времени, но...»

«Что?»

«Мои парни подготовили сюрприз. Тебе понравится»

Аня засмеялась, уткнувшись носом в экран телефона. Тимур, несмотря на замечательную привычку поддерживать её в трудные моменты, порою вёл себя довольно странно. Они познакомились много лет назад в сети, на каком-то кинофоруме, где сошлись во мнении, что вышедший в российском прокате фильм — полное дно. И уже тогда, рассказывая о себе в личной переписке, Тим создал образ компьютерного гения, эдакого

хакера криминального мира, который зарабатывает на жизнь тем, что торгует информацией. А критика кино — так, хобби.

Поначалу она вела себя настороженно, ожидая, что он начнёт просить внести деньги на какой-нибудь счёт или окажется извращенцем, и в чат посыплются непристойные фотки члена. Однако ничего страннее хакера мирового уровня за Тимуром не наблюдалось, поэтому Аня предпочитала не вдаваться в подробности (у самой за плечами было немало скелетов в шкафу) и продолжала общение.

Отсмеявшись, девушка хотела напечатать, что у друга её дурацкие шутки, но вдруг заметила, как позади Марго выплывает до боли знакомая фигура.

Эдик пока их не видел, лишь воровато озирался по сторонам в поисках удобного места для курения. Остановился у дальней стены, вытащил тонкую сигаретку из мятой пачки, да так и застыл, подняв глаза. Аня с улыбкой помахала ему рукой.

— Девушки, ну что за хрень?! — тут же заорал Эдик, как можно незаметнее пытаюсь засунуть курево обратно в карман. — Я вас минут десять ищу уже! Идите в автобус, пора отправляться!

Марго, от взгляда которой также не укрылась выходка их администратора, всем известного проповедника здорового образа жизни, лишь обменялась с Анной понимающими смешками. И со вздохом проговорила:

— Ну, поехали?

Резкий визг тормозов. Болезненный удар. И небо, рассекаемое автоматной очередью. Это всё смешалось для Ани в одну жуткую какофонию криков, неприятных ощущений и размытых картинок. Она не могла понять, когда всё пошло не так? В какой момент её сознание отключилось, чтобы через мгновение вновь вернуться и увидеть с десятков людей в пёстром камуфляже с оружием наперевес.

И почему Максим Сергеевич оттаскивает своего окровавленного безопасника Петра куда-то за автобус, а вокалисты кто как положены с заломленными руками на землю?

— Анечка, — тихо всхлипнула Марго и потянула за рукав, — ты в порядке?

Но Аня не услышала. Сильный удар о стекло оглушил её, и головная боль набатом разнеслась внутри черепной коробки, от чего звуки стали доходить как-то притуплено, замедленно.

Ещё этот алый туман повсюду, то ли дымовые шашки, то ли со зрением тоже приключилась беда. Девушка осторожно коснулась раны на своей голове, затем опустила руку и с трудом поняла, что кровь на пальцах — её.

Кто-то заговорил на классическом английском, так чётко и размеренно, что даже слабо соображающая Анна уловила смысл едва долетающих до сознания фраз.

— Юстас.

— Йа? — донёлся нервный ответ сквозь дым.

— Дорогой мой Юстас. Ты меня слышишь?

— Йа.

— Я хочу, чтобы ты внимательно меня послушал, Юстас. Гут? Славно. Так вот, Юстас. Моё сугубо субъективное мнение, конечно же, ни в коем разе не отражает полноту картины этой реальности. И я вполне могу проецировать свои чувства и эмоции на других людей, на события, происходящие вокруг. Пока улавливаешь?

— Й-йа?

— Я вот что хочу отметить. Мои проекции, они же... — говорящий на миг умолк, будто хотел подобрать наиболее точные слова. — Вот смотри, Юстас. Могу ли я переносить свой личный опыт на других людей? Могу, конечно. Но это не значит, о, нет... — в чужом голосе послышался вздох сожаления, — ни в коем случае не значит, что человек думает точно так же, как я, чувствует так, как я. Правильно, парни?

— Да, босс.

— Ага.

— Йа.

Анна, всё ещё силящаяся понять, что здесь происходит, попыталась привстать. Но трясущиеся ноги отказывались держать её, поэтому девушка с тихим болезненным стоном, опираясь на крышу перевернутого автобуса, вновь осела на асфальт. Перед едва сфокусировавшимся зрением расступились клубы тумана. Из них сначала показались джоггеры цвета хаки и чьё-то туловище в иссиня-черной толстовке с изображением алого черепа посередине.

— Проекции, да, Юстас? — Человек присел перед Анной на корточки и протянул руку к её подрагивающему подбородку.

— Йа!

— Хуй-на! — ругнулся он, переходя на чистый русский. Чужие черты лица показались девушке смутно знакомыми. — Я, блядь, явственно могу отличить «пустышку» от взрыва полноценной гранаты, Юстас, тупое ты мудло!

— Тимур? — удивленно прошептала Аня, с трудом вспоминая единственную присланную другом фотографию. Оттуда смотрели такие же бесцветные глаза за стёклами круглых очков, которые едва прикрывала челка с выкрашенными в черно-белую полосу прядями волос.

— Прости, Ань, — проговорил он. — Никогда не умел в сюрпризы.

Пределы нормы

Все её любимые героини начинали свои лучшие приключенческие романы с лучей утреннего солнца, беспощадного зова будильника или же, на худой конец, просто нового дня. У Ани глаза распахнулись ближе к полуночи, потому что резко накатил очередной приступ рвоты. Первый случился ещё на катере, который увозил их вместе с театральной труппой куда — то в открытый океан. Мозг, претерпевший сотрясение, не выдержал непрекращающейся качки.

— Ань, моя помощь точно не нужна? — донеслось из — за двери, после того как девушка вывернула остатки своего желудка в унитаз и нажала на резной рычажок слива воды.

— Ох, бедная, бедная кляйне, — причитал уже знакомый голос Юстаса где — то под окнами. — Йа виновайт.

— Сюр какой — то, — пробормотала Анна, опираясь рукой о раковину розового мрамора и стараясь собрать воедино расплывающиеся мысли. — Фу — у-ух.

Умывальник действительно был в форме ракушки, очень похожей на ту, что принесла Венеру с картины Боттичелли к берегам Кипра. Аня сосредоточила всё внимание на этой внезапно всплывшей информации, простой, понятной и доступной, а затем сделала упражнение на глубокий вдох — выдох. Ничерта оно, конечно, не помогло. Взгляд поднялся к зеркалу, то отразило её пепельно — бледное измученное лицо и лихорадочно блестящие глаза. Аня сдержала рвотный позыв. Из — за двери снова донесся вопрос, но девушка, не обращая внимание на посторонние звуки, попыталась набрать в подрагивающие ладони воды, чтобы умыться.

— Ань? — В чужом голосе послышалось беспокойство.

— Да, Тимур.

— У тебя всё в порядке?

Она застыла с мокрым полотенцем у лица на несколько долгих минут, а после развернулась и, пошатываясь, направилась к выходу из ванной комнаты.

— Да зашибись! Всё просто охренительно! Спасибо, что спросил! — начала орать Аня, едва распахнув дверь. — А ты сам, блядь, как думаешь? Тимур, что вообще за хрень происходит? Что за мужики с оружием? Где мы?!

— У меня дома, — тут же ответил парень, явно ошарашенный её резким появлением.

— Чего?!

— Не думал, что у тебя настолько живая мимика... — В замешательстве он указательным пальцем поправил очки на переносице и как — то неуверенно улыбнулся. — Ань, я всё объясню, ты только ляг, пожалуйста, если уже не тошнит, сотрясение лучше не переносить на ногах.

— Нет уж, ты мне объяснишь всё сейчас же, или...

— Или? — Улыбка ещё блуждала на его тонких губах, но за ней явственно читался ответ хотя бы на один вопрос: кому тут подчиняются упомянутые мужики с оружием.

Анна, игнорируя предложенную руку, сама прошла вдоль стеночки к широкой кровати, с которой не так давно поднялась.

— Пойми, я ни в коем случае не угрожаю, — поспешил заверить Тимур. — И я не хотел,

чтобы так вышло.

— Моя перебинтованная башка говорит об обратном, — проворчала Аня, опускаясь на кровать. — У тебя дома — это где?

— Я не могу сказать точного местоположения, ради твоей же безопасности.

— Ты представляешь, насколько тупо это звучит?

— Ну, давай по — другому скажу. — Тимур сел рядом. — Мы сейчас на одном из островов Тихого океана.

— Да я не об этом! — возразила она. — Кто ты, Тимур? Зачем ты всё это устроил?

— Я же говорил тебе, я...

— Так, стоп. Да, ты говорил. Ты хакер, крутой спец по сбору информации, ты продаёшь её всяким богатым дядькам.

— Ну, если сильно обобщать, то да. Но...

— Да, блядь, да... хах... — забормотала Аня со странными, против воли возникшими меж слов смешками. — Да кто в такое поверит, ты вообще в своём уме?!

— Аня, у тебя истерика.

— У меня? Да ты что! С чего бы это, Тимур? Не с того ли, что... ах — хах... что меня чуть гранатой не убило?

— Ань, Аньют...

— Нет? А может, потому, что мой друг на самом деле мафиози какой — то? Боги мои! Что за бред...

— Смотри мне в глаза, Аня! — голос его вдруг стал жестче, прямо как тогда, у перевернутого автобуса, когда в дымном мареве аварии парень объяснял некоему Юстасу о проекциях.

Тимур аккуратно взял Анино лицо в ладони и заговорил так, что сразу захотелось сделать всё, чтобы он не потребовал, только бы никогда больше не встречаться с этим леденящим кровь взглядом, сквозящим через стекла очков:

— Ты сейчас ляжешь в кровать. Проревёшься как следует, отоспишься, поняла?

Анна едва заметно кивнула. Он продолжил:

— Стресс к утру станет меньше, ты придёшь в норму, и мы спокойно поговорим. Хорошо?

— Да.

Тимур не стал наблюдать за тем, как находящаяся словно бы под гипнозом девушка покорно кладёт голову на подушку. Осторожно поднялся с кровати и направился к выходу из комнаты.

— Извини. За всё, — негромко произнёс он, притворяя дверь за собой.

Позади виллы, у дальних хозяйственных построек располагалась своеобразная зоологическая аллея с огромными стальными вольерами, некогда предназначенными для содержания крупных диких животных. Прошлый владелец острова имел весьма специфические представления об экзотике и, видимо, лелеял какие — то заводчиские планы. Увы, им не суждено было воплотиться в жизнь.

Когда Тимур впервые прибыл сюда, клетки уже пустовали довольно долгое время. Куда подевались львы и гориллы, он не знал, да и не особо горел желанием узнавать. Вольеры бередили старые воспоминания из детства, того далекого времени, где человек, называемый отцом, склонялся к чёрным прутьям и выдыхал табачный дым пленникам в лицо.

«И чем я отличаюсь от тебя?» — пронеслась в голове хмурая мысль.

Аллею стоило бы снести уже давно, но сейчас она пришлась как нельзя кстати. Тим отдал приказ разместить в вольерах всех Аниных коллег, которых его ребята прихватили с собой, возвращаясь на остров.

— Послушай...

— Тимур, — представился парень, облокотившись о железные прутья крайней клетки. К полудню металл стал настолько горячим, что к нему невозможно было прикоснуться, но Тимур словно бы этого и не замечал. Не отводил уже порядком покрасневшее плечо, не морщился, лишь изредка бросал взгляд на свою кожу, проверяя, не разъело ли его там до кости. Боль была адской, но она помогала остудить собственный, плавящийся внутри гнев.

— Послушай, Тимур, мы же цивилизованные люди, — негромко произнёс Максим Сергеевич. Он сидел на устланном деревянными дощечками полу, уперев локоть о согнутую в колене ногу, и доброжелательно улыбался. Весь его вид будто бы приглашал присоединиться к дружеской беседе. — Меня зовут Максим, я директор этой труппы. Ты выглядишь здоровым человеком, Тимур, уверен, мы сможем с тобой договориться.

Максим Сергеевич окинул взглядом худую фигуру парня, замершую по ту сторону прутьев. На чужой матово — бледной коже, обильно усеянной мелкими пигментными пятнами, не было и капли пота, чёрная майка — борцовка выглядела идеально свежей. Сам же Максим, в мокрой насквозь рубашке, чувствовал, что ему катастрофически не хватает воздуха в этих дышащих полуденным зноем тропиках.

— Моим людям нужна ещё вода, а Петру требуется квалифицированная медицинская помощь. — Мужчина кивком указал в сторону грузного тела, бессознательного лежащего в тени клетки.

Тимур молча взглянул на раненого и подумал, что вояку Петра никто не просил лезть под пули. Кроме того, наёмники совершенно точно стреляли в воздух, поэтому задело его лишь по касательной, и угрозы жизни, как сообщила Мишель (а та, будучи личным врачом Тимура, в таких вопросах никогда не ошибалась), не было никакой.

— Максим Сергеевич, — раздался жалобный голос, — тут Марине плохо.

Директор поднялся на ноги, и, бросив Тимуру укоризненный взгляд, должный, видимо, пробудить хоть какую — то совесть, направился к дальнему концу вольера. Там он опустился на колени, протянул руки сквозь прутья и погладил по голове тихо всхлипывающую Марину Петровну.

— Вы узнали, что им нужно? — прошептала Марго, сидящая с ней рядом.

— Выкуп, что же ещё, — невесело усмехнулся Максим.

— Господи — боже, какой выкуп... — тут же запричитала одна из вокалисток, — у меня нет таких денег...

— Маш, ни у кого их нет, — ответил ей Эдик из соседней клетки.

— Не беспокойтесь, я обо всём позабочусь, — заверил их Максим Сергеевич. Вновь встал и, вернувшись к прутьям, возле которых все ещё задумчиво зависал Тимур, убежденно заговорил:

— Я же вижу, что ты адекватный парень. У меня есть деньги, связи. Петя вообще отставной КГБ — шник, его свои искать будут. Зачем нам проблемы, да, Тимур? Просто скажи — сколько?

Тим не торопился с ответом. Он неспешно снял свои круглые очки, потёр переносицу и взглянул на мужчину пронизывающим взглядом бесцветных глаз.

— М — а-а — акс, Максик, Максим Сергеевич, — медленно, с едва угадываемой угрозой протянул парень. — Понимаешь, дружище, ты апеллируешь к здравому смыслу так, словно жонглируешь мячиками в цирке. Вот скажи мне, Макс...

— Слушай...

— Нет. Стоп. Закрой рот! Не перебивай меня, Макс! — рыкнул Тимур и тут же поморщился, едва понял, что начинает повышать голос. — Спокойно. Я объясняю, будь добр, умолкни. О какой адекватности ты говоришь, если я насильно привёз вас сюда и запер в клетках? Ты сам понимаешь, какой бред сейчас сморозил? А?

— Эй, парень, ты чего завёлся? — улыбнулся в ответ Максим. Спокойно и примирительно, в излюбленной своей манере пытаюсь показать, что собеседник совершенно зря растрачивает на него агрессию.

Тимур завис буквально на мгновение. И, чуть склонив голову набок, вдруг тоже расплылся в дружеской усмешке, правда, гораздо больше напоминающей оскал.

— Ты действительно всегда на своей волне, да, Максим Сергеевич?

— Мы договоримся? — спросил тот.

— О, конечно, — с готовностью закивал парень. — Только у меня будет одно небольшое условие.

— Какое?

— Максим Сергеевич? Тимур?! Почему все в клетках?

За каких — то несколько секунд Анна пересекла грунтовую дорожку аллеи и в удивлении застыла у самых вольеров. Хотела было вцепиться в прутья, но Тим резко перехватил её руки. Тут же осторожно отвёл их в сторону и отпустил.

— Извини за грубость, — спокойно проговорил он. — Металл горячий.

— Это всё, что тебя сейчас волнует? — изумленно уточнила она.

— Пожалуй.

— Я просто поражаюсь... — язвительно начала Анна, но кто — то позвал её по имени, и девушка вновь обратила внимание на запертых в клетках коллег. — Вы там как? Все живы?!

— Анечка! — со всхлипом пробормотала Марина Петровна.

— Ань, мы думали ты погибла! — присоединились к ней остальные.

— Почему ты держишь их здесь? — спросила она, взглянув на Тимура.

— У меня мало людей, чтобы следить за каждым, — ответил тот.

— Зачем за ними следить, они что, дети малые? — возмутилась девушка. — Или заложники?

— Остров небезопасен. Здесь дикие животные и ядовитые растения. За пределы виллы посторонним лучше не выходить.

— Думаешь, они настолько тупые?

— Я не думаю, Ань, я делаю.

— И давно вы знакомы? — вклинился в их диалог сидящий у самых прутьев Эдуард.

— Мне вот тоже очень интересно это узнать, — поддакнула ему Марго.

— Так, может, мы из — за неё и вляпались в эту задницу? — выкрикнул кто — то из вокалистов.

— Вытащи нас отсюда!

— Это ж какого хрена я в этом виновата? — возмутилась Анна, пытаюсь вставить хоть слово в свою защиту, но коллеги и не думали слушать. Перепуганные произошедшими

событиями, загнанные точно зверье в огромные вольеры и подгоняемые некоей первородной злобой, они принялись наперебой обвинять девушку едва ли не во всех смертных грехах. Кто — то даже умудрился выкрикнуть парочку проклятий, но никому, почему — то, не пришло на ум предложить разобраться в сложившейся ситуации. А сама Аня просто не представляла, есть ли у неё хоть малейшая возможность оправдаться.

Где — то с час назад, когда она очнулась от лихорадочного полузабытья, не с первой попытки встала с кровати и с мурашками перед глазами добралась до ванной, в голове начал прорисовываться хоть какой — то план дальнейших действий. Для начала, Аня хотела отыскать остальных. И ей нужен был чемодан с вещами, чтобы сменить заляпанную кровью и грязью футболку.

— Гутенморген, — отозвался Юстас, когда Анна, окончательно придя в себя, выглянула за пределы комнаты.

Высоченный и тяжеловесный, он стоял напротив двери, криво, но радостно улыбаясь. При всём его обмундировании: патронаже вдоль груди, нескольких ножен на бёдрах и короткого пистолета — пулемёта в руках, от него так и разило простодушной доброжелательностью.

С трудом прорвавшись сквозь двойной языковой барьер (собеседник, то ли немец, то ли австриец по происхождению, не понимал и слова по — русски, к тому же имел слабые представления об английском) Аня узнала, что её чемодан безнадежно утерян, а выходить ей разрешается только в непосредственном сопровождении самого Юстаса.

— Клейфиг? — не поняла девушка, когда он попытался пояснить, где разместили её коллег. — Можешь меня отвести?

— Йа, натюрльих, — согласился Юстас.

И действительно отвёл.

Теперь Анна, что пару минут назад была готова требовать от Тимура либо выпустить всех, либо засунуть её в клетку к остальным, стояла с опущенной головой. И совершенно не понимала, что делать дальше. А коллеги, тем временем, всё продолжали требовать от неё какой — то справедливости.

— Анна, — с укоризной позвал Максим Сергеевич.

— Что? — хмуро отозвалась девушка.

— Не думал, что ты способна на такое предательство.

— Какое ещё предательство?!

Притихшая труппа ожидала от начальника каких — то дальнейших слов или действий, но тот лишь удрученно покачал головой, всем своим видом показывая, насколько разочарован поступком собственного секретаря.

Голосить принялись с новой силой, но как гром среди ясного неба прозвучала пара — тройка коротких автоматных очередей. И резко повисла напряженная тишина.

— Ну вот и заткнулись. — Тимур в знак благодарности кивнул опустившему оружие Юстасу и повернулся к Анне. — Да, за это тоже прости, — со вздохом продолжил он. — Можешь остаться здесь и дальше выслушивать необоснованные обвинения от любимых коллег. Все уяснили? — повысил голос парень, обращаясь к остальным. — Не — о — бос — но — ван — ны — е. Это значит ровно то, что она тут действительно не при чём... И нет, Ань, клетки я не открою.

— Понятно, — поджав губы, угрюмо проговорила Анна. — А ещё варианты?

— Ну, можешь присоединиться ко мне за... что у нас сейчас, обед?.. Нет, судя по

солнцу, у нас ещё поздний завтрак, да. Можешь присоединиться ко мне за завтраком.

— И чем мы там займемся? Пожрём и светски побеседуем?

— Да. Мы, наконец, поговорим, — отозвался он, не скрывая скользнувшую по губам презрительную усмешку, — как блядские цивилизованные люди.

— Предложение просто отпад, Тимур.

— Выбор за тобой.

Аня бросила краткий взгляд в сторону вольеров. По лицам её коллег сразу становилось ясно, что если бы не громила, возвышающийся за спиной девушки с оружием наперевес, они бы без промедлений вылили на неё весь свой страх и накопившийся гнев.

Наверное, нужно было как — то поддержать людей. Узнать, что им необходимо из вещей, кормят ли их? Вон, девчонки — вокалистки совсем перепуганные, а у заместителя Марины Петровны, кажется, форменная безостановочная истерика. Марго смотрит волком, Пётр Фомич без сознания, хоть и перебинтован. Эдик с хористами, игнорируя всех, о чём — то тихо переговариваются в противоположном углу вольера. А Максим Сергеевич...

— Анна, мне все равно, какие отношения между вами, — негромко произнёс директор, когда спина Тимура виднелась уже где — то в конце аллеи. — Но ты обязана вытащить нас отсюда.

— Вечно вы про свои сраные отношения! — гневно ругнулась Аня и сама же устыдилась своих слов.

Спускать собак на Максима она не видела смысла, тот тоже был не виноват в сложившейся ситуации. С другой стороны, вместо того, чтобы встать на сторону девушки, он, конечно же, предпочёл оставаться рыцарем — защитником в сияющих доспехах, что обещает свободу своим подданным и ничего для этого толком не предпринимает.

Нет, он предпринимал. Да ещё как.

Будучи запертым, истекающим потом и явно измотанным, Максим умудрялся давить на неё даже сквозь железные прутья вольеров. И взгляд его, всё высматривающий в лице девушки нечто недоступное пониманию, будто сверлил нервы. Она не выдержала и отвернулась с ощущением жгучей неприязни внутри. И если ещё совсем недавно Анна размышляла над тем, чем действительно может помочь этим людям, то сейчас явственно поняла, что единственное, чего ей хочется, так это сбежать от них. Но куда?

Она каким — то невероятным образом оказалась на безымянном тропическом острове посреди Тихого океана, с одной стороны осуждаемая невесть за что собственными коллегами, с другой же окруженная мордоворотами с огнестрельным оружием в руках. И единственный человек, который хоть как — то мог объяснить происходящее, сейчас преспокойно сидел на своей вилле и лопал каких — нибудь лобстеров (или что там у него сегодня на завтрак), тогда как сама Аня...

— Какого ж чёрта! — раздосадовано ругнулась девушка, и, бросив ни к кому особо не адресованное "я вернусь", направилась вслед за Тимуром.

Поднимаясь по узким деревянным ступеням, что с заднего двора виллы вели наверх, к небольшой крытой террасе, она задумчиво наблюдала за маячившей перед собой спиной Юстаса. Чуть пониже, на кожаном поясе как какие — то брелоки болтались колечки от гранат, штук сорок, не меньше. Да и сама граната, округлая и вытянутая, точно правильной формы авокадо, висела тут же, только с другого бока.

"Охренеть", — подумалось Анне.

В их бесконечной переписке Тимур не раз упоминал, что вынужден пользоваться услугами телохранителей. Называл он их, правда, наёмниками или (что проскальзывало чаще) тугомордыми придурками, если те в чём — то косячили. Однако Анна и подумать не могла, что эти так называемые косяки выходили на уровень "подорвать не тот автобус".

Впрочем, раз девушка оказалась здесь, автобус был явно тот. Но и Тимур, её лучший друг, с которым она общалась на протяжении почти десяти лет, он ведь был тоже. И повадки эти, и интонации голоса, и просто до чёртиков Аню вымораживающее его железобетонное "я решил", когда переубедить Тима в чём — то оказывалось той ещё непосильной задачей. Отчасти, она знала, как с ней справиться, но для этого им действительно стоило хотя бы нормально поговорить.

Когда Анна вслед за Юстасом поднялась на террасу, первое, что овладело её вниманием, был открывающийся отсюда вид. Сочно — зелёные макушки пальм, белесая прибрежная линия и океан. Он шелестел прибоем и слизывал крупинки пляжного песка мягко набегающей волной, а у далёкой полосы горизонта сливался с небом, отчего мир выглядел каким — то нескончаемо — огромным, пугая до оторопи и завораживая одновременно. Строчки стихов пришли в её голову словно сами собой, однако запомнить она их попросту не успела.

— Красиво? — долетел до слуха вопрос Тимура, словно бы возвращая в реальность.

— Очень, — прошептала Аня в ответ, но, опомнившись, тут же заговорила более требовательным тоном: — Давай мы сразу перейдём к той части, где ты всё обстоятельно объясняешь. Или где я открываю глаза в тайской больнице и мне сообщают, что автобус случайно занесло, я ударила головой, а всё вот это вот, — девушка неопределённо помахала в воздухе рукой, — придумало моё воспалённое сознание.

— Есть одна загвоздка.

— Какая?

— У меня таких галлюциногенов нет, — усмехнулся Тим. — Но, если очень надо, знаю, у кого достать.

— Смешно тебе? — возмутилась Аня. — Нет, ну, конечно, это же не ты ходишь с сотрясением! И не твоих коллег держат в клетках, как каких — то зверушек!

— Ну, они у тебя тот ещё зоопарк...

— Тимур!

— Ань, — со вздохом произнёс он. — Тебе проораться на меня надо?

— Надо! — сложив руки на груди, буркнула девушка. — Но прежде всего мне надо знать, что тут вообще происходит.

— Ладно. — Тимур жестом пригласил Анну к расположенному в глубине террасы столу, низкому, окруженному плетеными креслами и столь же невысокими, обитыми белоснежной тканью диванчиками. — Я всё объясню, только дай мне минутку на разрешение одного вопроса, окей?

— Кто я такая, чтобы тебе что — то запрещать, — проворчала она, усаживаясь в ближайшее кресло.

— Вот и славно. Юстас!

— Йаволь, фюрер! — тут же отозвался наёмник.

Ещё пару мгновений назад он со скучающим видом переминался с ноги на ногу у верхних ступеней лестницы, а теперь весь словно бы подобрался и видом своим показывал, что с готовностью исполнит любое из озвученных поручений.

— Английский, Юстас! Мы с тобой стараемся переходить на английский, помнишь? — устало потирая переносицу под дужкой очков, произнёс Тимур на том самом английском, о котором столько раз талдычил подчиненному. — Чувствую себя сраным фашистом, честное слово... Ты выучил азы первой помощи пострадавшим при взрыве?

— Н — найн... э — э—э... ноу?

— Если до завтрашнего утра не справишься, мне придется вышибить тебе мозги. Иди учи.

— Гут, — хмуро пробормотал разом как — то присмиривший Юстас, и, позвякивая своим обмундированием, покинул террасу.

— Вышибить мозги? — с изумлением переспросила Аня.

— Воспитательные меры, не обращай внимания.

— Ты человеку только что угрожал!

— Я? Ему? Ты его вообще видела?! — наигранно воскликнул Тим. — Гора мышц, напичканная взрывчаткой! Поугрожаешь такому, как же...

Внутри у неё уже поднималась волна возмущения, чтобы осадить эту очередную вожжу, попавшую Тимуру в одно место и заставляющую его вновь сводить всё к дурацкому осмеиванию происходящего. Но открыв было рот, Анна вдруг отчётливо осознала, что перед ней сейчас человек, которого она знает как облупленного. Человек, в чьём характере шутить по поводу и без оно, и даже без разделения на допустимую или недопустимую ситуацию. Это не значило, что Тимур несерьёзен. Да, возможно, плевать он хотел на адекватность своего поступка, когда решил засунуть труп целого театра в клетки, но Аня не могла припомнить ни одного момента, чтобы ему не было дела лично до неё самой.

Оставалось напомнить этот факт Тимуру.

— Ты сейчас угрожал человеку, — терпеливо повторила она. — И мне крайне важно понимать, можешь ли ты привести эту угрозу в исполнение или нет.

С ответом собеседник явно не торопился. Спокойно взял в руки небольшую глиняную пиалу и пригубил тонко — пахнувший травяной настой, покатав во рту его вязкую пряность. Затем окинул Анну внимательным взглядом, словно бы примериваясь, какие именно слова ей придется по вкусу, и, наконец, серьёзно произнёс:

— Я не хочу тебя пугать. И даю слово, что здесь, на моём острове, тебе никто не причинит вреда.

— Но?

— Но Юстас наёмник и убийца, я разговариваю с ним на его языке. Поверь мне, другие такие, как он, не понимают.

— Боги мои, Тимур! — не выдержала Анна. — Но ты — то должен понимать, что это всё вообще ненормально!

— А что нормально, Ань? — нахмурившись, ответил он. — Директор твой, который всех стравливает сплетнями, а остальные на это только улыбаются? Безопасник, что прослушки в чужих кабинетах устанавливает? Или игры эти ваши подковёрные, когда каждая крыса пытается подсидеть другую ради мизерной прибавки к зарплате?

— Да я... — Аня на мгновение умолкла, понимая, что просто напросто вдохнуть не может из — за накрывшей её волны возмущения. — Я же просто жаловалась тебе! Если бы я знала, что ты мне мои жалобы вот так в лицо бросишь!..

— Я не бросаю, — как можно спокойнее произнёс Тимур. — Просто пытаюсь пояснить, что я здесь тоже начальник, но у меня, в силу специфики коллектива, свои нормы. И они

разительно отличаются от ваших.

— Ни за что не поверю, что ты можешь вышибить человеку мозги!

— Ты тоже можешь. И коллеги твои могут. Дело, опять — таки, в пресловутой общепринятой норме. И ещё в тех обстоятельствах, когда она перестаёт действовать. Как любит повторять один человек: «Если тебя не сожрут джунгли, это сделаю я».

— Отец? — тихо спросила Аня.

При последних его словах гнев её как будто бы весь разом сдулся. Невозможно было злиться, зная, по старой их переписке, сколько всего скрывается недосказанного и страшного в семейных историях и воспоминаниях из детства друг друга.

Тимур умолк и отвёл задумчивый взгляд в сторону. Аня же, чувствуя, что они случайно коснулись довольно — таки болезненной темы, в смятении принялась рассматривать чистую тарелку перед собой. По краю той витиевато шли какие — то совсем простые островные узоры, явно сделанные умелой рукой. Рядом стояла такая же расписная миска с ярко — зелёными листьями, маленькими помидорками и нашинкованным крупными кубиками сыром внутри. К нелюбимым ею оливкам, что совершенно точно проглядывали сквозь салатную смесь, Аня придирается не стала. Тем более желудок предательски свело голодным (благо не очень громким) спазмом, и девушка решительно потянулась к еде.

— Возьми рыбу, — подал голос Тим, заметив, как она накладывает себе в тарелку салат, стараясь ложкой отделить охристые кружочки оливок. — Она у малайцев получается просто обалденная, такую в Питере не попробуешь.

— Вот эти кусочки в ананасах?

— Да.

— О, класс.

— Извини меня, — вздохнул он, решив продолжить предыдущий их разговор. — Изначально я планировал просто пригласить тебя погостить, ну, пока все эти твои коллеги на гастролях. Ты же знаешь, я часто зову к себе друзей, но сам вообще стараюсь не светиться на материке. Что в крупных городах, что у аэропортов полно камер слежения.

— Ты реально вф розышке? — невнятно из — за полного салатом рта спросила Аня.

— Нет, — как — то неловко улыбнулся Тимур. — Просто, если засвечусь, они поймут, кого ищут... В общем, единственный вариант встретить тебя был где — то по дороге, и я решил вместе с парнями остановить автобус на трассе. — Он протянул стакан воды вдруг закашлявшейся Анне. — Признаю, план так себе. Да ещё и исполнение хреновое. Юстас отлично разбирается во взрывчатке, но почему — то вместо обычной хлопушки он закинул гранату. Водитель должен был подумать, что у него спустило шину, и остановиться. Но получился взрыв и автобус перевернуло. Ваш этот Пётр Фомич начал палить по чём зря, естественно, мои в долгу не остались.

— И всех повязали, — тихо добавила Аня.

— Ты с сотрясением, этот вояка — безопасник с ранением, у кого — то вывихи... по — хорошему, людей надо было бы отвезти в больницу, но, повторюсь, ни мне, ни моим ребятам попадать под наблюдение ни к чему. И без того накосячил. — Тимур поставил локоть на стол, подложил кулак под щеку и вновь внимательно посмотрел на Анну. — Мне правда жаль, что ты пострадала.

— Что ты с нами намерен делать? — настороженно вымолвила она.

— Блин, Ань, ну я же не террорист! — воскликнул парень в ответ. — Погостишь у меня недельку, я давно думал с тобой встретиться. Поболтаем, остров тебе покажу, если захочешь.

Можешь купаться, загорать, отдыхать сколько влезет. А этих твоих коллег осмотрел мой врач, ничего там серьезного нет. Через несколько дней мимо пройдет грузовое судно, всех туда ссадим и спокойно отправим обратно.

— То есть ты их реально в клетках держать собрался?

— Этот вопрос я точно не обсуждаю, — отрезал Тимур. — Вода у них есть, еда тоже, матрасы выделим. Здесь теплые ночи, так что не вижу причин для паники.

— Мне бы твоё хладнокровие! — раздраженно отозвалась Аня. — Нас же искать будут!

— Не найдут.

— А как ты уговоришь целую кучу народа молчать о том, что на самом деле произошло?

— А кто им поверит?

— Тимур, в России меня первым делом сдадут на руки каким — нибудь ФСБэшникам или, чего хуже, сослуживцам Петра Фомича! Те даже разбираться не станут, кто прав, а кто виноват, сразу всю дурь на допросах выбьют. Об этом ты подумал?

— Подумал, — как можно серьезнее кивнул головой Тим. — Есть проверенные средства, помнишь никто ничего не будет, это я тебе гарантирую.

На край тарелки Анна аккуратно положила вилку с наколотым на её короткие зубцы кусочком рыбного филе. Смерила уставшим, недоверчивым взглядом Тимура и постаралась спокойно выдохнуть.

Какие у неё вообще были варианты? Продолжать орать и требовать отпустить коллег, а затем вернуть всё на круги своя? Во — первых, Тимур и так сказал, что отпустит всех, даже вполне себе чётко обозначил время. Во — вторых же, пресловутое "вернуть всё на круги своя" он уже не сможет. Да и куда? К чему возвращаться? К истеричным артистам и требовательному, в любую минуту готовому поджать хвост начальнику? Чтобы по приезду в Россию из чувства вины метаться по больницам, обзванивать чужих родственников и прогибаться под лавиной бессмысленных поручений от заместителей и директоров? Это всё, конечно же, ждёт её впереди. Через пару дней трупка вновь окажется на родине, и Анна с головой погрузится, если не в ад, то в круговерть чистилища уж точно.

А сейчас перед её взором до небес поднимался океан, стелился голубеющим покрывалом и наверняка у самых своих берегов был на ощупь словно парное молоко. Аня никогда в жизни такого не видела. И не купалась в столь теплых водах.

И если ей предстояло провести без малого неделю в этом первозданном тропическом раю, а цена тому всего лишь риск довериться чьей — то сдвинутой морали, то она, в общем — то, была совсем не против.

— Тим, — тихо позвала Аня.

— М?

— Обещай моей совести, что никого твои бандиты не тронут.

— Если ваше высочество того пожелает...

— Тимур. — Анна перевела на него строгий взгляд и внутренне удивилась той мягкой смешливой улыбке, с которой он смотрел на неё в ответ. В переписке и редких разговорах по телефону они часто шутили, но ей и в голову не приходило, какое у него в этот момент выражение лица. Оказалось, что вот такое: немного лукавое и одновременно заразительное.

— Я обещаю тебе, что мои бандиты никого не тронут, — уже серьезнее произнёс Тимур. — Даже если твои коллеги сами нарвутся. Не будем забывать и про такое развитие событий.

— Спасибо.

Спирит Душа Прерий

— Ну и что ты здесь забыл, Сеймур? — донесся недовольный вопрос из — под днища автомобиля.

— А что, — тем же ворчливым тоном отозвался Тим, — не могу провести время со своим братом?

Позади виллы, у обочины грунтовой дороги располагался небольшой крытый старым шифером навес. Этакое парковочное место, как раз на тот случай, когда кому — то ленивому понадобится поставить здесь машину, смысл которой на таком маленьком клочке земли, в общем — то, отпадал как — то сам собой. Потому что за каких — нибудь пятнадцать — двадцать минут остров можно было объехать по кругу. Раза два. А то и все три, если наподдать газу и молиться мелким малайским божкам, поскольку лишь на их благосклонность и оставалось уповать мчась на таких скоростях по единственной дороге, необъезженной, да ещё и обрывающейся где — то у прибрежных скал. А дальше — первозданный тропический лес, что невозможно пересечь на тачке будучи в здравом уме и трезвой памяти.

«А вот пьяными...», — со смешком подумалось Тимуру. Он вспомнил их давнюю поездку на спор, в результате которой пришлось вправлять ключицу, а кому — то и перебинтовывать пробитую голову. Однако остров они действительно объехали по кругу. Пусть и с пятой попытки, зато за рекордные семь с половиной минут. Мишель тогда ругалась так, что Тимур выучил парочку новых слов в родном малайском, но даже после этаких приключений ума лично у него, казалось, не прибавилось ни на йоту, а вот желания влезть в какую — нибудь дикую авантюру — это, пожалуйста. Этого всегда хватало с лихвой.

Тим со скучающим видом облокотился о капот некоего подобия машины, что стояла здесь под гаражным навесом уже несколько месяцев. Без дверей, но с парочкой добротных кресел от джипа, странная конструкция тачки напоминала то ли раздолбанный драндулет, то ли внедорожник без крыши, а, может, и их общее дитя. Его брат собрал машину так, от безделья, пока всё это время жил на острове. Заказал наёмникам доставить с материка нужных железок, лобовое стекло, подержанный движок и кассетную магнитола. Когда Тимур спросил, на кой чёрт ему сдалась такая древняя примочка, брат ответил кратко и непривычно умно: "Для аутентичности". Каркас тачки взял всё от того же старого джипа, что давненько догнивал тут, оставшись от прошлого хозяина. Как и вольеры без зверья.

— У тебя на вилле гостя, приезда которой ты ждал с нетерпением, — вновь послышалось из — под машины. Следом что — то брякнуло и раздавалась длинная матерная конструкция на китайском, сопровождаемая звонким дребезжащим грохотом. Так, словно бы кто — то кулаком вмял нежелающую вписываться деталь в железное днище автомобиля, прямо туда, где ей (по мнению горе — механика) было самое место. Только Тим хотел поинтересоваться всё ли нормально, как его брат спокойно докончил мысль: — И ты хочешь провести время со мной?

— Вот видишь, как я тебя люблю.

— Дарма, подай — ка мне ключ. — Из — под днища показалась рука с вьющейся по загорелой коже запястья чёткой татуировкой глаза.

Тут же, сидя на корточках у левого заднего колеса, меланхолично попыхивал папиросой

один из наёмников, с коротким темным ершом волос на округлой голове и шрамом, что рассекал лицо наискось.

— Какой? — усмехнувшись, спросил он.

— Я, по — твоему, в них разбираюсь? Какой —нибудь вытащи из ящика, мне тут одну хрень прикрутить нужно.

Пока Дарма неторопливо рылся в облезлом, некогда ярко — красном кейсе для инструментов, Тимур шустро вынырнул из — под навеса и в пару шагов дошёл до ближайшей пальмы. Подобрал небольшой кокос, валявшийся у основания её толстого ствола, он также быстро вернулся, чтобы тут же сунуть находку в растопыренную пятерню брата.

— Сеймур. — Рука его с подозрительно грозным хрустом сжала ворсистый бок кокоса.

— Да, Ян? — невинно откликнулся Тим.

— Я сейчас выберусь из — под тачки.

— Так.

— И знаешь, что сделаю?

— Что же?

— Позову твою Анну.

— Это зачем?

— Пусть посмотрит, как я её лучшему другу кокос в задницу засовываю.

Дарма всё — таки не сдержал хриплого, больше похожего на хрюканье смешка, а затем, когда его командир одним ловким движением (что и ожидалось при такой — то сноровке) выскользнул из — под машины и молниеносно вскочил на ноги, расхохотался уже взahlёб.

— Ты мою задницу защищать должен! — орал Тимур, прячась за багажником от просвистевшего мимо коричневого ядра. Следом в него полетели гаечные ключи и парочка с виду болючих ломиков.

— Правда, что ли? — удивился Ян, взвешивая в руке грязно — ржавую, длинную железку домкрата так, словно это был воздушный шарик. — С чего бы?

— Ты на него работаешь, — хмыкнул Дарма. — По контракту.

— А, точно, подписывал какую — то дерьмобумажку, — закивал головой он. Помню — помню.

— Она электронная была! — возразил Тимур, за что тут же получил гайкой в лоб.

Домкрат его брат всё — таки положил обратно на капот, предостерегающе близко к себе, и вместо тяжелой артиллерии решил использовать пригоршню гаек. Более мелких, но в меткости от того не уступающих.

Вокруг машины они носились минут десять, обкладывая друг друга шутивными ругательствами, а заодно пытаясь увернуться от летящих друг в дружку подручных предметов. Кончилось всё капитуляцией Тимура, который с одышкой сообщил, что из белого у него только трусы, но ими размахивать он не станет, хотя и великодушно сдаётся первым.

— Как же, — со смешком проговорил Ян, поднося к зажатой в губах сигарете огонёк, неспешно прикуривая и с благодарным кивком возвращая зажигалку Дарме. — Я даже не вспотел. Может, ещё кружок?

— Ага, — пробормотал Тим, — как —нибудь после обеда.

— Ты тут до обеда торчать собрался? — удивился Ян. — Это из — за того, что вчера вечером случилось?

— А что случилось вечером?

— Сеймур...

— Ну да, да, да... — протянул Тимур со вздохом, полным унылой безнадежности, — я такой придурок, у меня нет и шанса!

— Поэтому прячешься здесь?

— Я не прячусь! Я хочу исправить ситуацию, и почти придумал — как.

Ян хмыкнул и выпустил колечко дыма в знойный тропический воздух. До полудня оставалась ещё парочка утренних часов, но солнце поднялось уже достаточно высоко, чтобы попробовать поджарить на металлической крыше виллы яичницу. Они как раз развлекались чем — то подобным на прошлой неделе.

Не то чтобы Ван Хэ Ян частенько вёл себя как десятилетний мальчишка, в силу характера и образа жизни он себе и позволить такого не мог, но его старший брат был тем самым человеком, от чьих выходов ты либо вешаешься, либо принимаешь в них непосредственное участие.

— А что всё — таки произошло вчера вечером?

— Чего? — возмущенно воскликнул Тим. — Я думал, ты в курсе!

— Нет, — Ян скосил взгляд на вновь не сдержавшего громкого смешка Дарму. — Мишель лишь обмолвилась, что ты выставил Анну за дверь.

— Не выставил, просто попросил не отвлекать от работы.

— Чем она тебя отвлекала? — ухмыльнулся собеседник. — Собой?

— Вот тебе смешно, а она пришла и потребовала выдать ей футболку и шорты, потому что наёмники просрали её чемодан с вещами!

— Я тут не при делах, босс, — поспешил заверить Дарма.

— Мне не жалко, — проигнорировав его, продолжил Тимур, — я полез в шкаф и вытащил оттуда несколько своих тряпок.

— А она? — спросил Ян.

— А она решила переодеться прямо при мне... Нет, ничего такого, Аня в купальнике была, что я, девушек в купальниках не видел?! Но это же мои шорты и моя любимая футболка... на ней...

— Я так и не понял, ты в итоге вещей зажлобился? Или...

— Или. — Хмурый и смущенный Тим отвёл взгляд в сторону, словно бы не хотел показывать брату, насколько его всё это взволновало до крайней степени.

И если Дарма, оказавшийся тут невольным слушателем, так ничего и не понял, то Яну пришлось для этого приложить некоторые усилия. Потому что тактичным он бывал нечасто, а вот выдать так и просящийся на язык язвительный комментарий по поводу чужого глупого поведения считал своим долгом. Но смолчал. На этот раз.

Его осмотнительный и вечно скрытничавший брат успел за несколько дней натворить столько, что по законам той же Австралии (близлежащей к ним) хватило бы на парочку тюремных сроков с лихвой. Но не запертые в клетках люди волновали Хэ Яна. Ему, профессиональному наёмнику, приходилось наблюдать вещи и похуже, и куда как кровавее, чем это. Скорее беспокоил тот факт, что причина всего происходящего, рыжеволосая такая и длинноногая, расхаживала сейчас по вилле в мужских шортах, а их обладатель вёл себя как оголтелый пятнадцатилетний пацан, хотя давно уже таковым не являлся.

Советов брат не слушал, от предостережений отмахивался, поэтому Яну ничего другого не оставалось, как молча выполнять возложенные на него обязанности, которые всё больше начинали походить не на обеспечение безопасности, и даже не на работу тюремного надзирателя, нет. Похоже было на чистой воды фарс, и конечная цель его, если Ян всё

правильно понимал, вряд ли кому — нибудь из присутствующих придётся по вкусу.

Если бы не Тимур, вчерашний день был бы по — особенному ублюдским. О таком не пишут в романах. С такими выражениями в раскальвающейся надвое черепной коробке не валяются в постели до полудня. Но Аня страдала, ворочалась на широкой кровати среди роскошных темно — алых простыней, мирилась с головной болью и не очень — то жаловала жару за окном. Хотя в выделенной ей комнате, небольшой, но довольно светлой, во всю мощь работал кондиционер.

На ночь она приняла травяные пилюльки, выданные очаровательным врачом по имени Мишель, и не то чтобы быстро уснула, скорее, провалилась в какую — то зыбкую пустоту без сновидений и прочих насущных проблем. Времени подумать о происходящем особо не было, зато поутру его появилось с лихвой, и очнулась девушка в препоганейшем настроении.

Дернул же чёрт вчера вечером сходить проведать изнывающих в клетках коллег. Они же такие бедняжки, а она такая бессовестная...

Но бедняжки, мало того, что ничуть не поменяли своего мнения, и всё не смолкающие требования выволить их сыпались на неё градом, так ко всему этому потоку прибавились и бессмысленные угрозы. Прав был Тимур, когда высказал предостережение, что очередной поход к вольерам Аниной совести ничем не поможет. Как в воду глядел.

«Тоже мне, соглядатай долбаный, — ворчливо подумалось девушке, — по чьей оно всё вине, скажите, пожалуйста...»

Черта эта его, дар даже какой — то, был Ане давно знаком: будто друг заранее умел предугадать людские реакции, мысли и поступки, а заодно предвидел, чем оно может обернуться впоследствии. Тимур так часто оказывался прав, особенно в тех вещах, когда действительно понравившийся Ане человек по итогу был тем ещё подонком, что девушка в какой — то момент разозлилась и перестала рассказывать вообще хоть о каких — то новых лицах в своём окружении.

Гордая, предпочитала набивать шишки сама, а год назад так сильно споткнулась об уже приевшиеся грабли, так больно стесала колени и локти, что пережить случившееся не хватило никаких душевных сил. И на долгие шесть месяцев она потеряла контакты с внешним миром. Даже с Тимуром они вновь начали переписываться не столь давно, и, кто бы мог подумать, Аня наконец — то встретила с ним вживую.

Изумляться было чему. Друг сам по себе всегда казался ей удивительным и ни на кого не похожим, а уж внешность его... люди такое притягательным не называют. Но Аня, знавшая цену собственной кукольной красоте, подобными категориями мыслить перестала уже очень давно. И Тимур, с его алебастровой кожей, всей будто бы крапчатой, обсыпанной пигментными островками пятен, от основания шеи и по плечам забитый татуировками, понравился ей сразу. Будто она всегда знала, что к нему, умному, чудаковатому и сумасбродному, с этими картинно — театральными движениями, когда шутит или на эмоциях много говорит, прилагалась именно такая внешность.

А ещё вот такой необычный стиль.

Девушка со вздохом перевернулась на спину. С ткани натянувшейся на груди футболки на неё взглянула стайка диснеевских принцесс. И всё было при них: блёстки, короны, платья. У Золушки в руках зажата хрустальная туфелька, а Русалочка держит маленький трезубец. Только вот бороды и явно накачанные банки бицепсов говорили о том, что ожидаемые девочки совсем никакие не девочки, а их brutальные мужские версии.

— Креативно, — с улыбкой пробормотала Аня, вновь разглядывая вроде как знакомых с детства героинь и думая, что ярко — розовые в ультрамариновых клубничках шорты как нельзя лучше дополняют весь этот образ.

Валяться дальше не имело смысла. Головная боль как будто бы отошла куда — то в затылок, да и осталась там вместе с зудящей мыслишкой, что отлеживать бока столь долго — это хамски по отношению к чужому гостеприимству. Тут же к размышлениям снова присоединились воспоминания о коллегах, которым, в отличие от Анны, такой радушный приём оказан не был, и настроение вновь ухнуло в дыру.

С очередным полным уныния вздохом она поднялась с кровати. Сходила в ванную, застелила постель, попялилась в окно (вид на макушки высоких пальм и океан за ними был изумительный). На самом деле, дико хотелось есть и не чувствовать за собой такой поглощающей, ничем, по сути, не обоснованной вины, но справиться Аня могла лишь с собственным голодом.

Минут через десять, едва вспомнив, где в этой королевской резиденции местного деспота по имени Тимур находится огромная, выложенная жемчужным кафелем кухня, Аня уже грабила холодильник. Тот, мерно урчащий и занимающий целых две широких секции встроенных стенных панелей, был забит под завязку всем подряд: начиная от безглютеновых батончиков заканчивая кусками мраморной говядины. Складывалось впечатление, что вкусно поесть тут любят, но в ингредиентах этих самых вкусных блюд совершенно не разбираются. И на всякий случай скупают весь ближайший малайский (или какая там вчера была рыба?) рынок.

Густой, окутывающий тёплыми волнами воздух проникал внутрь сквозь оставленные нараспашку стеклянные двери кухни, что вели на небольшую уличную веранду. Там, под тенью навеса из пальмовых листьев потягивала терпко — пахнувший кофе Мишель.

— Энни, милая, ты одна? — донесся её мягкий голос.

— Одна, — отозвалась Анна, вытаскивая пару баночек с йогуртом и направляясь к собеседнице.

Сегодня врач блистала не столь ярким макияжем, и в отличие от вчерашних алых теней, что плавно уходили в оранжевые стрелки, сейчас на её глазах была лишь лёгкая сиреневая дымка.

Они познакомились, когда Аня находилась не в самом адекватном состоянии. После перевернутого автобуса девушка едва ли была в силах понять, кто там перебинтовывал её многострадальную голову, но отчего — то стойкий запах дорогущих шанелевских духов запомнила отчётливо. Помимо них и броского макияжа, Мишель, как выяснилось, обожала открытые коктейльные платья, которые неизменно выглядели из — под её коротенького белого халата.

— Мой купальник произвёл фурор? — со смешком спросила врач, когда Анна приземлилась рядом, на мягкое сиденье небольшой плетеной софы.

— О чём ты?

— О том, что вещи Сеймура тебе почти в пору.

— Угу, — ответила девушка, зачерпывая йогурт ложкой, — не кормите вы его тут.

— Это последствия...

— Зависимости, да, я знаю.

— Ещё бы, — хмыкнула Мишель. — Где провожатого потеряла?

— Юстаса? — уточнила Аня. — Он, кажется, наказан за неудачную попытку меня

угрожать.

— О, и тебя оставили без охраны?

— Я клятвенно обещала, что не покину пределы виллы и не уйду шляться по джунглям в одиночку... а?..

— А коллеги твои здоровы и полны энергии, — поморщившись, отозвалась Мишель, — по крайней мере, у них хватает сил громко переругиваться с наёмниками у клеток, а заодно костерить и меня, когда прихожу осматривать их ссадины.

— Извини за это, — пробормотала Аня.

— Ну что ты, птичка, при чём тут ты? Люди, загнанные в угол — это мне знакомо, ничего нового. Этим ещё позволено довольно дерзко себя вести. — Она поднесла чашку к губам и осторожно пригубила всё ещё горячий кофе. — Сейчас не то что раньше, насилия в мире становится меньше и всё такое... вон, видишь, даже к заложникам теперь отношение особенное...

— Они не заложники.

— Как скажешь, — пожала плечами Мишель, вовремя вспоминая, что хозяин виллы был весьма убедителен, когда рекомендовал всем держать язык за зубами и не рассказывать его госте ничего такого из их криминального прошлого, что могло бы её испугать, расстроить и прочее, прочее, прочее. Хотя Анна совсем не походила на ту самую нежную барышню, которая падает в обморок от пары капель крови... или от занимательной истории о том, как Мишель однажды помогла туристам из Аргентины сбежать от одного полоумного пиратского главаря.

Аня задумчиво поскребла ложкой доньшко пластикового стаканчика и, не найдя там ничего интересного, по — русски проговорила:

— Оладушек бы.

— Что?

— Хочу на завтрак сделать... как же их... а, панкейки! — пояснила девушка уже на английском, указывая взмахом руки куда — то назад, в сторону кухни: — Только чёрт пойми, где среди всех этих полок и шкафчиков мука и масло.

— О, — улыбнулась Мишель, — на меня не надейся, здесь готовит только Дарма. Ну, или Ян, если есть настроение.

— Ян? Его младший брат?

— И про нашего Хэ Яна ты тоже слышала, ну надо же...

— Да, — кивнула Аня, — Тим много рассказывал про всех вас.

— Прямо... про всех? — уточнила Мишель, явно насторожившись.

— Да ладно тебе, я и без того уже поняла, что у меня друг мафиози какой — то.

— И тебя это не пугает?

— Скажем так, — задумчиво протянула девушка, — я пока вообще не поняла, стоит ли пугаться. Будь это кино, то сейчас был бы тот самый момент, когда зритель должен понять — вытащит ли маньяк нож или здесь вовсе нет никакого маньяка, а вся ситуация сложилась так из — за комичного стечения обстоятельств.

— Ну надо же! — вдруг обрадовано воскликнула собеседница, едва ли не хлопая в ладоши. — Какая прелесть!

— Что? — удивилась её реакции Аня.

— Вы с Сеймуром очень похоже приводите примеры из фильмов.

— А... ну, мы не первый год знакомы... Кстати, ты не в курсе, где он?

— Конечно, в курсе, — расплылась в загадочной улыбке Мишель. — И меня как раз просили тебя к нему торжественно сопроводить.

— Доброго утра, — поздоровалась Аня, с удивлением наблюдая, как на одной из высоких поперечных балок, пересекающих потолок гаражного навеса, интенсивными подходами подтягивается парень. С абсолютно голым, идеально накачанным торсом.

— Здрасьте, — раздалось откуда — то сбоку на ломаном английском.

Сделав над собой некоторое усилие, Аня перевела взгляд и увидела одного из тех мордovorотов, что исполняли роль охраны на вилле Тимура. Лет мужчине на вид было довольно много, но первое впечатление обманчиво скрадывал шрам на лице да застывшие, словно подёрнутые вечной ухмылкой губы. В них, темных и растресканных, то и дело мелькала пованивающая самокрутка. Сам охранник сидел в дуге здорового корабельного якоря, прислонённого к одной из стен навеса. Рядом друг на дружке громоздились деревянные ящики с трафаретными надписями TNT, парочка проржавелых газовых баллонов и жестяные канистры, наполненные, судя по едкому запаху, бензином.

— Мишель. — Аня осторожно подёрнула свою спутницу за рукав халата.

— Да, птичка?

— Мне кажется, — тихо забормотала девушка ей на ухо, — или курить здесь не очень безопасно?

Врач смерила курящего наёмника выразительным взглядом своих оливково — карих глаз, но тот как ни в чём не бывало продолжил смаковать самокрутку да заодно вести негромкий подсчет за подтягивающимся командиром. Кажется, число уже перевалило за сотню.

— Кхм — кхм, — вновь попыталась обратить на себя внимание Мишель.

— Чего? — не понял Дарма.

— Не напомнишь, — ласково начала она, — кто у нас заведует кухней?

— Я. А что?

— Да так, ничего особенного. Просто уточнила.

— Ага.

— Дарма, — вдруг донеслось из — под балок навеса, — обед скоро.

— Жрать будем?

— Дарма.

— Окей, понял, — тут же подобрался мужчина, туша остатки курица о якорь.

В обманчиво — спокойном тоне командира жирным восклицательным знаком звучала далеко не шутливая угроза хорошенько навалить физически, если Дарма продолжит валять дурака умозрительно. В метафорах наёмники понимали плохо, потому, чтобы не запутаться ещё больше, а заодно и не получить по шее, мужчина поднялся с насиженного местечка, и, засунув руки в карманы, поспешил в сторону виллы.

— Надеюсь, сегодня без моллюсков, — отозвалась Мишель, провожая его удаляющуюся фигуру задумчивым взглядом.

— Ты права, — хмыкнул Хэ Ян, — готовить он их ни хрена не умеет.

— О, ты просто привередничаешь, дорогой.

— Не я начал этот разговор.

— У меня аллергия, ты же знаешь.

— Знаю. Поэтому на обед у нас сегодня мясной ранданг.

— О, благодарю за заботу.

За мимолетным их диалогом Аня наблюдала с плохо скрываемым любопытством. Хотя поначалу даже не поняла, в какой момент Ян успел спрыгнуть вниз, а заодно и натянуть на своё, кажется, вообще не вспотевшее тело, черную майку, что мгновением назад валялась на капоте стоящей тут тачки. Хотя теперь девушку больше интересовало, что такое этот их ранданг и куда, всё — таки, запропастился Тимур.

— Тебе по тропинке, чуть дальше, — проговорила Мишель, словно бы угадав ход чужой мысли. Она указала рукой куда — то сквозь гаражный навес, по другую сторону которого среди кустистой зелени скрывалась едва приметная, поросшая кочками истоптанной травой дорожка.

— Сама доберусь? — на всякий случай уточнила Аня.

— Да, минут десять быстрой ходьбы и выйдешь на полянку.

— Полянку?

— Полянку — полянку, — закивала головой врач. — Не бойся, птичка, не заблудишься. Хотя, — она стрельнула ставшим вмиг каким — то хитрющим взглядом в стоящего рядом Хэ Яна и смешливо предложила: — Но если так уж переживаешь, то Ян может проводить.

— Конечно, — отозвался тот с каменным выражением лица, — на руках понести?

— Шутки у вас, — буркнула Аня, всё же заметив на чужих губах тень усмешки. — Сама дойду. Ножками.

— Ну так топай, — улыбнулась Мишель. — Тебя там явно заждались.

— Угу.

Когда за Аниной спиной сомкнулись листья разлапистого папоротника, а шаги стали столь неосязаемы, что даже Ян, со своим сверхтонким чутьем перестал улавливать их поступь, Мишель вдруг обеспокоенно проворковала:

— Как твоё плечо дорогой?

— Всё в порядке, — произнёс он, спокойно поворачиваясь чуть боком вслед настойчивым касаниям чужих рук, что тут же деловито принялись ощупывать свежие шрамы на его коже.

— Да уж, — скривилась в недовольстве Мишель, — если бы не твоя регенерация, здесь бы было месиво из глубоких царапин и выдранных кусков плоти. Эти русские женщины просто дикарки какие — то.

— Ну не знаю. Сеймуру вон нравится.

— Энци мне тоже нравится, славная малышка. А ты увливаешь от темы.

— Какой ещё темы?

— Ты же мог увернуться, когда эта бестия на тебя набросилась, но по непонятным мне причинам позволил себя изодрать! — воскликнула врач

— Не было возможности заломить ей руки, — нехотя пояснил Ян. — Сеймур просил не применять силу и не причинять вреда никому из гостей. Тем более женщинам.

— Он просил? — задумчиво повторила Мишель. — Надо же, его отец поступил бы совершенно иначе.

— Подвесил бы всех заложников вверх ногами к пальме и поджог бы им бошки.

— Хэ Ян!

— К примеру, — легко пожал плечами парень. — Ты не хуже меня знаешь, кто на что в нашей семье способен.

— Но от Сеймура я совсем не ожидала такого, — мягко возразила врач. — Он кажется

Таким...

— Дураком?

— Я хотела сказать "окрыленным". А ты, видимо, настроен весьма скептически.

Ян едва заметно выдохнул, впервые за это утро позволив себе своё обычное состояние, не насмешливое, не командирское, а всего лишь нормальное. С той толикой усталости, присущей молодым людям, которые не разменяв и третьего десятка успели повидать на своём веку столько, что хватит на три жизни вперёд.

— Шесть лет назад мы его едва не потеряли, — негромко проговорил он, прислоняясь задом к высокому багажнику машины и протягивая Мишель вынутую из кармана пачку сигарет. — Я не хочу проснуться однажды утром и вновь получить сообщение на телефон, что у моего брата передоз. А виной тому блядское разбитое сердце.

— Но я не вижу поводов для беспокойства, дорогой. Сейчас он вполне стабилен, — отозвалась собеседница.

— Гостей в клетках давно проверяла?

— О, это такие мелочи.

— Мне бы твою уверенность.

Спустя десяток — другой шагов она вышла на небольшую открытую поляну, обрамленную тонконогими высокими метелками каких — то кустов с большими сердцевидными листьями. За ними виднелись пальмы и приземистые, все в сочной зелени деревья Аглайи, название которых Аня когда — то давно запомнила, проведя смешную параллель с женским именем.

Тимур сидел на корточках у изгиба широкого, но мелкого ручья, который брал своё начало в каменистой насыпи по другую сторону поляны. Там земля уходила в возвышенность холма и стелилась дальше, к прибрежным скалам на противоположной оконечности острова.

— Это что вообще такое? — возмущенно выдала девушка, подходя ближе и шутливо стучая парня по плечу.

— Чего? — не понял он.

— Почему ты не говорил, что твой брат выглядит как азиатский Аполлон?

— Кто? — со смехом переспросил Тимур. — Аполлон?

— Ну у него реально внешность фотомодели! — воскликнула девушка. — Или как у актёра из какого — нибудь крутого боевика.

— Уж извини, Ань, но у тебя нет шансов.

— Да я же не об этом, — мягко возразила Анна, но тут же, повинувшись лёгкому любопытству, с лукавой улыбкой поинтересовалась: — А что? Лицом не вышла?

— Лицом ты очень вышла, правда, — с едва заметным смущением пробормотал Тим. — Но ему все равно.

— А-а-а, точно, ты же говорил.

— Расстроилась?

— Нет, — легко пожала плечами она. — Это разве мешает мне искоса пялиться на его накачанные мышцы? Чистая же эстетика.

— Тебе нравились парни с такой внешностью, — без особых эмоций выдал Тим. — Я помню.

— Это правда только эстетика, да и они всем нравятся. Вряд ли бы я стала с таким

встречаться.

— Почему?

— Дело ведь не во внешности, — Аня вновь улыбнулась ему. — Только в том, что тебя цепляет в самом человеке, да, Тим?

Он отвернулся, с трудом выговаривая тихое «да» и делая такой вид, будто нечто в салатных листьях папоротника завладело его пристальным вниманием. Как нельзя кстати там раздался едва различимый шелест, и что-то шустрое юркнуло на ближайшую ветку дерева.

— Вот ты где! — воскликнул Тимур, словно того и ждал. В ответ листва подозрительно затихла. — Я тебя видел, давай спускайся!

Аня проследила за направлением чужого взгляда, но так ничего и не высмотрела, однако на всякий случай понизила голос до шёпота:

— Там кто-то есть?

— И кто-то очень вредный! — кивнули ей в ответ и грозно продолжили: — Я с кем разговариваю?!

«А действительно: с кем?» — изумленно подумалось девушке. Тут же до слуха донеслось негромкое, но полное недовольства то ли пищание, то ли тонкое порывивание.

— Иди-иди, — поторопил Тим.

Ветки легко зашелестели, и, описав дугу вокруг поляны, с соседнего дерева прямо им под ноги спрыгнул длиннохвостый, весь в леопардовых пятнах зверёк. Размером с большую кошку, он был более приземист и не столь плавен в движениях. На узкой вытянутой морде застыло выражение, будто призванное показать людям, насколько он раздосадован тем фактом, что его любопытный нос так некстати заставили высунуться наружу. Поводя им из стороны в сторону, словно бы ловя новые запахи, животное осторожно покосилось на Аню, а затем с глухим шелестом прошипело в сторону Тимура, потянувшего к нему пальцы. К удивлению девушки, зверёк покорно принял чужие поглаживания и не стал сопротивляться, когда его взяли на руки.

— Чей это хитрющий зад стащил мой завтрак, а? — умилительно проговорил Тим. — Что вякаешь? Нет, не ты? А-а-а, это я ещё должен «спасибо» сказать за дохлого птенца в моих тапках?

— Боги мои, это вообще что? — всё ещё пребывая в лёгком изумлении, спросила Аня.

— Тангалунга.

— Как?

— Ну, циветта островная, не знаю, как ещё их называют.

— На помесь гиены с куницей похожа.

— По характеру так и есть, — отозвался Тим, с негромким «ауч» отдергивая надкушенный палец.

— О, теперь я точно не попрошусь её погладить.

— Да не, это любя. — Он склонил лицо к мордочке зверька и заглянул в карие бусины настороженных глаз. — Если я прикажу, то будет паинькой.

— Она дрессированная?

— Он. И нет, не дрессированный, просто меня слушается.

— Офигеть можно.

— Погоди-погоди.

— Что? — не поняла Аня.

— Офигевать, — улыбнулся парень. — Тебе предстоит увидеть кое-что удивительное.

— Да я уже...

— Это? — он кивком головы указал на вытянувшее лапки животное, что внимательно следило за их диалогом, также, видимо, как и Анна, не очень понимая происходящее. — Да нет, — усмехнулся Тимур, — на моих родных островах цивет как кошек держат, обычное дело.

— Тогда зачем он тебе?

— Поможет кое в чём.

— В чём же?

— Сейчас увидишь, — ответил Тим. — Только отойди, пожалуйста, к началу тропинки.

Да, вот туда, откуда ты вышла пару минут назад. А мы пока пошушукаемся.

Спрашивать, о чём её друг собрался шушукаться с дикой островной полукошкой, полу — непойми — чем, Анна не рискнула. Тимур выглядел странно и одновременно с тем ужасно мило, когда принялся нашептывать в маленькое ухо зверька какие — то указания и даже, кажется, спрашивать совета. Девушка поймала себя на мысли, что уж точно не удивилась бы, закивая циветта мордочкой в ответ.

Закончив импровизированное совещание, Тим поставил животное на землю и слегка подтолкнул ладонью вперёд, на что получил очередной недовольный взгляд.

— Манго? — уточнил парень, но в ответ раздалось фырканье, и пришлось предложить плату за услуги куда как весомее: — Яйца всмятку? Серьезно? Ничего не треснет?

Судя по очередному вякающему рыку, трескать зверёк собрался только щеками и то только от удовольствия, поэтому Тимур со вздохом согласился на такие условия. Циветта посмотрела на него пристально, словно бы соображая в какой степени можно доверять этому чудаковатому человеку, и, наконец что — то для себя решив, побежала в сторону ручья.

Только сейчас Аня обратила внимание, что вся влажная глинистая поверхность прибрежной линии была усеяна торчащими вверх черными треугольниками то ли камней, то ли тончайших раковин.

Так ей сначала показалось. Но когда зверёк добрался до них и приготовился к прыжку, в нетерпении смешно подергивая кисточкой хвоста, один из треугольников внезапно раскрылся огромными ярко — синими крыльями.

Бабочки поднимались в воздух неспешно, целым сонмом разноцветных огней, величественными, почти сонными взмахами рассекали влажный в своей плотности воздух. Потревоженные беспорядочными метаниями циветты, что не позволяла им сесть обратно, они принялись хаотично кружить по всему пространству поляны. Одна из таких красавиц, изумрудная, с черными прожилками узоров на крыльях, села Тимуру на руку. Он осторожно отвёл пальцы в сторону, неторопливо, чтобы не спугнуть, поднялся на ноги и приблизился к Анне.

— Вот это да, — проговорила она, заморожено наблюдая, как на его бледной ладони бабочка плавно поднимает и опускает свои большие крылья.

— Поселились у меня год назад, не знаю теперь, что с ними делать, — сказал Тим.

— Любоваться?

— Это с удовольствием, — улыбнулся он. — Но гусеницы у них прожорливые, а островная флора не так чтобы огромна. Да и некоторые виды кирказона здесь ядовиты.

— Кирказон? — переспросила девушка.

— Лианы позади тебя с лиловыми цветами.

— Эти? — уточнила Аня, обернувшись. — Жуткие какие.

— Ещё и мясом тухлым пованивают.

— Ой, блин, чувствую, — морща нос, пробормотала она. — Это чтобы насекомых привлекать?

— Чтобы туристов отпугивать, — пошутил Тим.

Анна хотела было иронично поинтересоваться, многих ли туристов видели эти лианы, если у хозяина острова тяга к запиранию людей в клетках, но мысли эти тотчас сменились удивлением. Почувствовав, как пальцы Тимура аккуратно коснулись её плеча, девушка затаила дыхание, чтобы ненароком не потревожить бабочку, которая принялась неуклюже переставлять лапки в попытках перебраться к ней на футболку.

Когда Анна с улыбкой подняла взгляд, лицо парня оказалось неожиданно близко, и она изумленно выдала:

— Твои глаза...

— Опять покраснели?

— Нет, — качнула головой Аня, — ты говорил, что они практически бесцветные, но это же что — то с чем — то.

— Да уж, — протянул он, отстраняясь, — то ещё зрелище.

— Очень красиво.

— Что?

— У тебя красивая радужка, Тим, очень необычная.

— Спасибо, наверное... — он неловко потёр рукой позади своей шеи и подумал, что обескуражен не столько её словами, сколько тем чувством обычности происходящего, какое сложилось у них за долгие годы общения. Это ведь было в Анином духе: среди одного из самых удивительных на свете зрелищ, на поляне полной исполинских размеров и невиданных расцветок бабочек, не растерять своего человеческого отношения. И больше изумиться его глазам, чем диким лианам с цветами инопланетной какой — то формы или ручной пятнистой кошке, свободно разгуливающей по джунглям.

— Почему сейчас? — вдруг задала вопрос Аня, не без сожаления наблюдая за тем, как бабочка всё же улетает с её плеча. — В смысле, почему я не додумалась попроситься к тебе в гости раньше?

— Обошлось бы, по крайней мере, без взрывов, — со смешком выговорил Тимур. — Извини.

— Да ничего. Я почти уже не сержусь.

— О, я рад.

— А вольеры?

— Не — а, всё ещё не тема для обсуждения.

— Упёртый, — вздохнула девушка. — Так почему, Тим?

— Да, стоило встретиться раньше, — легко согласился он. — Но мне довольно далеко добираться до России, да и не то что бы хотелось туда возвращаться. Слишком много там осталось...

— Неприятного?

— Скорее, пережитого. А звать тебя к себе... — с ироничной улыбкой Тимур развёл руки в стороны, — ну, как видишь, приглашения в гости — не мой конёк.

— Я бы сказала, что не твоя лошадь, — отозвалась Аня.

— Ага, судя по масштабности косяка — целый не мой табун.

— Знаешь, я все равно очень рада нашей встрече, даже несмотря на перебинтованную голову и коллег...

— Да — да, я понял, — нетерпеливо перебил Тим. — Всё исправлю. Пара дней, помнишь?

— Помню.

— И я держу обещания.

— О, ладно, — заулыбалась девушка в ответ, — ну, тогда покорми кота.

На его недоуменный взгляд Аня пальцем указала куда — то чуть левее головы Тимура, и, повернувшись, он увидел сидящую на ветвистом суку циветту. К её привычно недовольному виду прибавилось ещё и требовательное шуршание, переходящее в писк.

— Вряд ли у нас есть готовые яйца всмятку, — с сомнением в голосе проговорил Тим.

— Да ладно тебе, — пожалала плечами Анна, — пять минут сделать.

— Сделаешь?

— А тот бугай — наёмник... Дарма, кажется, да? Он меня за свою плиту пустит?

— Плита моя, как и кухня. И всё это полностью в твоём распоряжении.

— О — о-о, — шутливо протянула девушка, — ты не понимаешь, на что подписываешься!

— Ну и на что же я подписываюсь? — со смехом отозвался он.

— Я же русская женщина, — начала пояснять Анна, — сначала тыпустишь меня на свою кухню, потом разрешишь наводить порядки в комнатах, и, в конце концов, оглянуться не успеешь, как я сяду на твою шею и заставлю отдавать мне всю зарплату.

Мысль, что это меньшее, что он мог бы отдавать, проскользнула как — то сама собой, принесла тоскливость, от которой хотелось лишь глубоко вздохнуть и зажмуриться в попытке изгнать ощущения нереальности происходящего. С Аней ему всегда было легко. На серьёзные ли темы они общались, шутили ли, поддерживали друг друга, откровенничали... Но не все секреты стоили того, чтобы лишаться такой дружбы, тем более, если ты и без того уже достаточно наделал глупостей, втянув в них близкого тебе человека.

— Всё бы ничего, — отозвался он, стараясь скрыть истинные чувства за комичностью тона, — но зарплату ты не дождёшься.

— Это чё это? — С наигранным нахальством девушка упёрла руки в бока, чтобы выглядеть повнушительнее, но прорывающихся наружу смешинок сдержать не смогла, уж очень дурацкой казалась ситуация. — Любовнице всё отдавать будешь?

— Не буду. — Тимур отвернулся и снял с дерева легко давящуюся в руки циветту, тихо сообщая той, что сейчас они пойдут за обещанным лакомством.

— А куда деньги денешь? — всё не унималась девушка.

— Лошадь куплю.

— Лошадь?.. — переспросила Анна и тут же вспомнила об их недавнем разговоре про неудачные приглашения и табуны коньков. — О, боги...

С поляны они уходили под её громкий смех и подколки на тему того, что Тимура она теперь будет называть не иначе как Спирит Душа Прерий.

Металл океана

Она легко перегнулась через белые перекладины перил, кое-где выщербленные тонкими полосками, словно бы царапинками от коготков. Внизу, за пушистыми темно-зелеными кустами китайской розы, театральную труппу в полном составе, добром здравии и почти благодушном настроении возвращали из душевых. Шли по парам, как в детском саде, едва ли не держась за ручки, только что воспитатели были крепко сбитыми, загорелыми головорезами. Через их мускулистые, покрытые испариной шеи протянулись лямки оружейных ремней, но ни ожидаемой свирепости, ни излишней агрессии охранники не проявляли.

Анна настороженно наблюдала за тем, как её коллег жестами просят вновь пройти в распахнутые двери клеток, а тех, кто больше всего упирается, подпихивают дулами автоматов. Аккуратно, надо сказать, подпихивают, даже с некоторой осторожностью и явной неохотой. То ли наёмникам Тимура не очень нравилось выступать в роли няnek для капризных и сварливых гостей; то ли громилы попросту не умели ничего другого, как применять грубую силу, и вместо "а не соизволите ли вы пройти", пинками бы под зад да прикладами об затылок утихомирили бы всю толпу разом. Но её друг действительно держал обещания, а наёмники, по всей видимости, действительно беспрекословно ему подчинялись и никого не трогали.

Не то чтобы Аня смирилась с таким положением дел. В цивилизованном мире людей в клетках не держали, это выглядело не просто неправильно, а даже дико. Но она бы слукавила, если бы сказала, что внутри неё алым пламенем разгорается огонь борьбы за поруганную человеческую свободу. Нет. Просто Анне, однажды сумевшей вырваться словно бы из другого мира, пришлось выучиться жить в этом. А здесь всеми правилами предписывалось быть законопослушным гражданином, соблюдать какие — никакие моральные нормы. Она бы хотела соблюдать их в полной мере, всё ещё чувствовала себя чем — то обязанной и коллегам, и начальству... хотя кому — кому, а некоторым скотам за железными прутьями было самое место.

О своей работе на месте помощника директора она могла бы рассказать превеликое множество вещей, начиная от смешливых лайфхаков, как управиться с неустойчивыми, полными горячего кофе чашечками, когда ты на высоких каблучищах и с неровным подносом в руках шествуешь по скользкому ворсу ковра; заканчивая пространной лекцией на тему, что такое харассмент и моральное насилие от одного всеми уважаемого, любимого и в целом очень доброго человека, руководящего целым театром. И как те, кто работает с тобой бок о бок каждый день, всё видят, но с недоуменной улыбкой отворачиваются в сторону, не особо желая знать, что вообще происходит.

— Ань, осторожней, — позвал Тимур, нежданно вырывая её из потока тревожных мыслей.

— Что? — поначалу не поняла она, но парень кивком указал куда — то вниз, и Аня увидела присевшую возле своих ног циветту. По недовольной мордашке было понятно, что зверька вновь отогнали от стола, на который он всё порывался запрыгнуть, чтобы добраться до миски, где в холодной воде остывали маленькие перепелиные яйца (куриных в холодильнике не нашлось). Одно из них циветта успела выхватить прямо из кастрюльки, едва ту убрали с кухонной плиты и слили в раковину кипяток.

— Мыши плакали, кололись, но продолжали жрать кактус, — неодобрительно произнес Тимур, когда зверёк с шипением обжег себе нёбо, раскрошив большую часть яйца на пол.

— Он просто голодный, — вступилась за животину Аня, предусмотрительно отодвинув кастрюльку подальше.

— Он просто жадный.

Конечно же, Тим оказался прав. Пока Дарма готовил, да и сейчас, когда расставлял на стеклянной поверхности стола плоские деревянные блюда, циветта то и дело путалась у него под ногами в надежде выпросить еды. И её постоянно кто — нибудь подкармливал. Мишель, развалившись на белоснежной обивке уличного диванчика, протягивала ей мягкие кусочки папайи, а Ян, что отошёл покурить к дальнему концу террасы, вытаскивал из кармана орехи каждый раз, когда наглое животное подходило и к нему.

Звуки длиннохвостый зверёк, всё напоминавший Анне чахоточного гепарда, издавал странные: то сипло мяучил, почти как самая настоящая кошка, то шипел где — то на уровне утробно — глухого шелеста. Тимур говорил, что такой стиль общения вполне нормален для представителей виверровых, к коим причисляли и циветт. Впрочем, конкретно эта наглая животина общалась с людьми порывками просто потому, что еду он не выпрашивал, а натурально требовал.

Кошак снова тоненько вякнул, привлекая внимание Ани. Дернул пятнистым хвостом в сторону Тимура, который стерёг миску с яйцами, и попытался на своём циветьем объяснить девушке, что всё уже давно остыло, а этому пусть скажет (тут в сторону парня снова неодобрительно зыркнули), чтобы делился. Аня заулыбалась — до чего забавным показался ей зверёк — и склонилась в намерении погладить жёлто — серую шёрстку, но оклик Мишель заставил её руку замереть в паре сантиметров от вмиг насторожившейся циветты.

— Не стоит, дорогая, — пояснила врач. — Этот кошак может поцарапать тебя, и довольно сильно.

— А Тим на руки спокойно брал, — удивленно сказала Аня.

— Он не считает меня человеком, — ответил Тимур, ловя на себе любопытный взгляд Мишель и внимательный Хэ Яна. Конечно, им обоим было интересно, насколько много знает Анна, и если не знает ничего, то как он собирается пояснять эту будто бы невзначай брошенную фразу.

— Ну, хотя бы шкура пятнистая. Всё же лучше, чем олени рога, — тут же развеяла все сомненья девушка, и хотя выразилась не менее туманно, но понять, о чём идёт речь, им обоим труда не составило.

— Не припомню, чтобы тебя слушались олени, — с улыбкой подхватил Тимур.

— Не припомню, чтобы хоть раз видела живого оленя.

— А зоопарк?

— Ты опять о моих коллегах?

— Разве? — наигранно удивился парень.

— Да, — смешливо кивнула она, — есть там парочка рогатых.

— Так это ж козлы, Ань.

— А вы всегда так... — изумленно пробормотала Мишель, но сама себя оборвала на полуслове. При виде их искрящихся смехом взглядов, направленных друг на друга, вопросов у неё, в общем — то, не осталось. Вместо этого она с довольной улыбкой подмигнула подошедшему к столу Хэ Яну и посторонилась, когда тот решил присесть на диван рядом с ней.

Аня тем временем, поддавшись на нетерпеливое ворчание циветты, запустила руки в миску и начала ноготками счищать скорлупу на едва теплых перепелиных яйцах. Самого зверька, по — свойски рассеявшегося у Тимура на коленях, пришлось придерживать обеими руками — тому не терпелось выхватить угощение прямо из мокрых Аниных пальцев, заодно потоптавшись лапами по чистой поверхности стола.

— Дай ему одно, — сжалилась девушка, опуская Тиму на ладонь желтоватый шарик очищенного яйца. Не успел парень поднести его к жадной мордочке, как добыча тут же была сцапана, и, не жуя, проглочена целиком.

— Обожрётся, — усмехнулся на это зрелище Ян.

— Н-да, — задумчиво хмыкнул Тим, — прошлый раз его знатно так рвало.

— И позапрошлый тоже.

— А я чёрт знает, можно ли зверушке те противорвотные, что есть у меня в аптечке, — отозвалась Мишель.

— Он и их сожрёт.

В мисочке у Ани ещё оставались яйца, и несколько из них она даже успела очистить, но судя по располневшему брюху зверька, с него действительно было достаточно. Сам он так не считал, и хотя вновь играть в попрошайку ему не позволили, опустив на пол и в строгом тоне приказав вести себя тихо, все равно предпочёл дожидаться подачи. С обиженным на весь свет видом он плюхнулся тут же, у их ног, прямо на бок. Покрытый светлой опушкой живот расплющился по поверхности пола, а лапки вытянулись во всю длину. Словно бы назло зверёк сначала хвостом стегнул голые лодыжки Тимура, а после с фырканьем уложил голову на пальцы Аниной стопы. Она как раз сбросила легкие плетеные шлёпки и хотела было подобрать под себя ноги, но замерла, чувствуя на своей коже щекочущие прикосновения.

— Надо же, — улыбнулась девушка, опуская взгляд вниз. — Пальцы мне не отгрызёшь?

— Я ему тогда сам что-нибудь отгрызу, — пригрозил Тимур, за что вновь ощутимо получил кисточкой хвоста.

Аня с мягким смехом прислонилась к округлой спинке своего кресла и ленивым расслабленным взглядом окинула пространство террасы, на которой они все собрались к обеду.

Послеполуденный жар обдавал тяжелым дыханием солнца, заставляя звонких цикад трещать ещё громче и даже будто бы пригибая ниже легкие, искрящиеся изумрудной зеленью листочки вьюна, что обвивали столбики крыши. Но здесь было по-особенному хорошо. Терраса удобно выходила на ту подветренную сторону, откуда океан приносил порывы легкого ветра, солоноватого и освежающего. Вдобавок под потолком вертелись лопасти нескольких вентиляторов, украшенных цветистыми ленточками и, почему-то, стодолларовыми купюрами.

«Есть в русском языке такое сленговое слово «вписаться», — подумалось Анне, когда в Тимура через стол полетела одна из тех палочек для еды, которую ещё мгновением назад Хэ Ян преспокойно сжимал в пальцах. «И вот это «вписаться» не про войти с размаху в столб, нет, скорее...» — попыталась продолжить мысль Аня, но тут Тим со смехом поймал вторую летящую в него тонкую деревяшку и обозвал Яна «тапиром одноногим», что в переводе на русский на памяти девушки равнялось фразе «свиньюха косорылая». И тут началась просто неистовая бойня. Кружочки нашинкованных овощей, косточки от фруктов, даже какие-то шкурки — весь мусор, который парни сумели найти в своих тарелках, был приравнен к статусу бронебойных снарядов и тут же отправлен на вражескую сторону. Поскольку в

меткости они друг другу не уступали, никто из соседей по столу от их баталии не пострадал. Мишель лишь раз с легкостью отмахнулась от прилетевшей ей в руку редиски, и продолжила преспокойно просматривать на своём мобильном новостную ленту.

Аня, с интересом наблюдая за шутливым препирательством парней, продолжила размышлять над тем, что в эту часть семьи Тимура, о которой он правда очень много и с огромной любовью рассказывал, в общем, в неё даже вписываться не пришлось. Не ощущалось той нескладной неловкости при их первом более или менее осознанном знакомстве, не чувствовала Аня себя лишней и сейчас.

Они все были жутко разнообразны, иначе не скажешь. И к яркой внешности Мишель, а уж тем более к идеально выверенным чертам Хэ Яна так сразу привыкнуть казалось сложно. Но это не помешало Анне перекинуться с тем же Яном парочкой фраз по поводу того, сколько времени потребуется для варки перепелиных яиц, чтобы получились всмятку и скорлупа сошла полегче. Кто бы мог подумать, что брат Тимура тот ещё эксперт в кулинарии.

Мишель же постоянно сыпала уменьшительно-ласкательными словечками. При общении закадычных каких-нибудь подружек такое услышишь и считаешь чересчур слащавым, но у врача выходило произносить их так, будто бы ты правда была для неё дорогая, милашка и самая что ни на есть маленькая птичка, которую взять бы в руки да ворковать.

— Не беспокойся, Энни, — обратилась она к девушке, когда мимо просвистела кем-то в отместку брошенная вилка. — Эти двое часто ведут себя как драчливые щенята.

— А-а-а, — с улыбкой протянула Анна, — ну, теперь всё стало на свои места.

Ей в тарелку как раз плюхнулась крупная винограда, предназначавшаяся Тимуру. Буквально мгновение назад он отбил её палочкой, на что Ян уже готовился запустить другую, чуть левее и повыше, чтобы точно в лоб, и соперник при этом не успел сориентироваться.

— На свои места? — в легком недоумении переспросила Мишель.

— Да, — кивнула девушка со всей серьезностью, на которую была сейчас способна вопреки прорывавшемуся наружу смеху: — Понятно, почему Тим постоянно называет Яна ворчливым псом.

Над столом вдруг повисла настороженная тишина. В голове у Ани уже табуном успели проскакать едкие сомнения на тему того, что она могла неправильно понять царящую здесь атмосферу; и вообще не стоило ей лезть со своими глупыми шутками, тем более выдавать их с Тимом личную переписку; да и как-то надо было сгладить всё, извиниться, что ли... но тут Ян повернулся к девушке и, похлопав ладонью по мягкой обивке диванчика, совершенно спокойно проговорил:

— Пересядь-ка сюда.

— Это зачем это ей пересаживаться? — возмутился Тимур.

— Чтобы твои пущенные по ветру кишки не мешали человеку спокойно обедать.

— С вами пообедаешь, — с облегчением выдохнула Аня, перекладывая в пустую тарелку Тима виноградину. Её он тут же подхватил пальцами и закинул себе в рот. Неторопливо прожевал, хотя жевать там, в общем-то, было нечего, а после принялся рассказывать задумчиво оглядывающей стол Анне, что из всего многообразия блюд ей стоит попробовать в первую очередь. В их болтовню то и дело вклинивался комментариями Ян, потому как действительно гораздо лучше знал состав и способ приготовления, к примеру,

того же ранданга, чьи крупные, в буром кляре мясные кусочки горкой возвышались на расписной тарелке в центре стола. На вкус они оказались сладко-пряными и очень сочными, с легким оттенком кокосового молока, в котором, как Ане поведали, ранданг обычно и томили.

Всё то время, что они провели за столом, девушку не покидало удивительное ощущение своего места, описать которое или назвать одним словом не хватало ни тех самых слов, ни средств хоть какой-нибудь выразительности. Как если бы ты наконец приехал к давно зазывавшим в гости друзьям, жившим где-то очень-очень далеко, а те не просто приняли тебя с радушием, но ещё с искренней любовью и толикой ностальгии начали рассказывать о своей земле, культуре и быте, не кичась, не восхваляя, а лишь желая поделиться этими ощущениями и с тобой. Чтобы ты тоже чувствовал себя как дома.

В итоге ей пришлось попробовать все расставленные на столе блюда, иначе бы парни просто так не отстали. Тем более каждый раз, когда Ане приходилось по вкусу то, что советовал Ян, Тимур, заметно раздосадованный, обещал жестоко отомстить подшучивающему над ним брату. Мишель, потягивая темное, охлажденное кубиками льда виски, смотрела на всё это соревнование с едва заметным удовлетворением во взгляде.

— В бар с ними тоже лучше не ходить, — мягко усмехнулась врач, когда Анна, вновь откинувшись на спинку кресла, приложила ладонь к животу и громко заявила, что в неё больше ни кусочка не влезет.

— Здесь их постигнет разочарование, — с улыбкой отозвалась девушка. — Алкоголя в меня помещается в два раза больше, притом я не пьянею ни на грамм.

— Звучит, как вызов, — проговорил Ян, вытягивая из ближайшей к нему салатницы веточку кориандра и забрасывая себе в рот.

— Вот кому-кому, — хмыкнул Тим, — а тебе лучше на спор не пить.

— Чьи бы рога мычали.

— Меня с одного бокальчика не выносит.

— Когда это меня с одного бокальчика выносило, брехливая твоя морда? — с ленивым каким-то ворчанием отмахнулся Хэ Ян. — Да и потом, Анне правда стоит попробовать настоящий ямайский ром.

— А у вас есть? — с любопытством спросила девушка.

— Насколько я помню, мы вылакали последнюю бутылку на прошлой неделе, — нахмурился Тимур. — А твои, Ян, бакланы...

— Мои бакланы, — перебил его брат, кивая на небольшую рацию, стоящую на столе антенной вверх, — как раз привезли новый ящик.

— О! Съездишь забрать? — тут же воодушевился Тим.

— Один? Нет, там твои посылки тоже есть.

— И что?

— А то, — ответил Ян, поднимаясь из-за стола. — Кое-кто прошлый раз назвал нас с парнями самой дерьмовой из всех дерьмовых курьерских служб на свете только из-за какой-то там неподошедшей к ноутбуку железки.

— Это был процессор! — возразил парень. — И вы умудрились раздолбать полностью герметичный контейнер из манаска и титана, прочнейшего, мать его, сплава на этой планете, это как вообще?

— Вот и шуруй теперь за своим процессором сам, — спокойно пожал плечами Ян.

— Вот и пошурую! — Тимур встал вслед за братом, не заметив, как потревожил

уснувшего на полу зверька. Тот приподнялся, издал нечто вякающее-недовольное и опять опустил голову на Анину ногу. Девушка же перевела полный осторожного любопытства взгляд с одного собеседника на другого и, набравшись смелости, поинтересовалась, можно ли ей поехать вместе с ними. Ян с Тимуром почти синхронно переглянулись. Молчаливое их совещание длилось буквально пару мгновений, по истечению которых Тим проговорил:

— Я не думаю, что...

— Сеймур, — вдруг лукаво улыбнулась Мишель, — а что под гаражным навесом делают ящики со взрывчаткой?

— Ящики... — пробормотал он в ответ так задумчиво, будто что-то пытался припомнить. Осенило его буквально тут же, а сопоставить в голове остальные факты не составило большого труда. И, собственно, если Анна видела даже это и до сих пор не шарахалась от него, как от чокнутого террориста, то ничего её на северном причале ужаснуть уже не могло. Наверное.

— Обещаю вести себя прилично и ничего руками не трогать, — попыталась разрядить обстановку девушка, но заметив на себе чужой внимательный взгляд, тихо добавила: — Ну пожалуйста, Тим.

— Ладно, — выдохнул он. — Поехали.

Вопреки его ожиданиям ничего ужасного не произошло. Обратное, правда, пришлось добираться пешком, так как выяснилось, что даже непродолжительная поездка по трясущемуся бездорожью для Аниной травмированной головы то ещё испытание.

Впрочем, она сама ничуть не жаловалась, а уж когда вживую увидела удлиненный, скроенный из старого листового железа навес причала, так вообще пришла в восторг:

— Тимур, это ж прямо как в кино!

— Ага, в низкобюджетном, — ворчливо отозвался он.

По старой памяти его наёмники устроили здесь нечто вроде боевого аванпоста, используя сколоченную среди пляжа хибару как перевалочный пункт, склад, а заодно и заваливший игорный зал местного пошиба. Дорога сюда, на северную, покрытую скалами оконечность острова вела всего одна. Обрывалась она у тонконогих пальм прямо на границе иссушенной песком травы. Тут же брала начало прибрежная линия небольшой бухты, что по обе свои стороны обрамлялась невысокими каменными выступами и раз в пару дней впускала в свои спокойные воды неторопливые моторные лодчонки и более шустрые катера.

Под Аниными ногами доски причала, жесткие, дубленые солеными водами океана, едва слышно поскрипывали. Она заглянула сквозь щели меж ними и увидела как нечто темное, с острым хребтом плавника, скользнуло на верхушке легкой волны.

— Здесь есть акулы?

— Нет, — отозвался Тимур, извлекая из деревянного, полного пенопластом ящика маленький контейнер. — Они не заплывают в бухту.

— А... — Аня перевела взгляд на его руки и вдруг решила спросить не о том, о чём собиралась: — Ты сказал, что он из манаска?

— Контейнер? Там больше титана, чем манаска.

— Но что это? Металл? Я никогда такого названия не слышала.

— И не должна была.

Тим протянул ей прямоугольную коробочку. Та умещалась на раскрытой ладони почти полностью, и, казалось, что на солнце грани её, не будучи матовыми, все равно поглощают

свет, сохраняя устойчивый сизо-серый оттенок своего покрытия. Аня коснулась гладкой поверхности, провела по выбитому в самом центре треугольнику, рассеченному ровной линией наискось, и тут же почувствовала странную, отдающую в пальцы вибрацию.

— Манаск — мономер, — пояснил Тимур на её удивленный взгляд. — Довольно неустойчивый. Его практически невозможно синтезировать, но кое-кто нашёл способ, и выяснилось, что сам по себе он почти бесполезен, однако в сцепке с другими, к примеру, металлами, усиливает их свойства в десятки, а то и сотни раз.

— Прорыв в науке, — хмыкнула девушка. — Почему об это ещё не раструбили по всем новостям?

— Потому что это мистика. Такого природного мономера нет, его существование тяжело доказать, а добыча и последующая обработка может производиться только через специальные установки, сконструированные из самого же манаска. И, как ты понимаешь, этих установок в мире единицы, а люди, ими владеющие, держат всё в строжайшей тайне.

— Все равно не пойму...

— Эта технология нестабильна и опасна, — ответил Тимур, пряча контейнер в карман своих широких, всю в тигриную полоску шорт. — Хорошо уже то, что никому из её создателей не нужна была ни нобелевка, ни революционный сдвиг в мировой экономике, ведь манаск такой же ресурс, как и прочие. Как, к примеру, пластики и этилены, из полимеров которых делают вообще всё подряд: от мусорных пакетов до внутренней обшивки космических кораблей.

— Ты так говоришь, будто манаск может нефть заменить, — с сомнением в голосе сказала Аня.

— Кто знает, — пожал плечами он. — Структура этого мономера настолько податлива, что нефть, с её сложным углеводородным составом, дороговизной и экологическим следом, вполне может отойти на второй план. При том, конечно же, условии, что из манаска действительно удастся создать новый вид топлива. Представь, какая жесть начнется, если появится такой конкурент? И что предпримут мировые державы, имеющие львиную долю дохода от продажи энергетического сырья?

— Захотят прибрать к рукам?

— Было бы что прибирать. Для начала нужно хорошенько вложиться в толковые исследования, геодезический поиск и разработку месторождений. Но, повторюсь, тем, кому это по силам, деньги корпораций не нужны, а уж их амбициозная жадность и подавно. Поэтому, при такой явной угрозе для бизнеса, я бы на месте тех же корпораций поступил совершенно определенным образом.

— Уничтожил? — догадалась Анна.

— О, да, — усмехнулся Тим. — И закопал бы поглубже даже самые мизерные упоминания о манаске, чтобы никто никогда не узнал, что у нас может быть более дешевое и экологически чистое топливо.

— А как же сделать мир лучше и всё такое?

— Хорошая сказка.

— А я верю в сказки.

— Неа, не веришь. Любить, быть может, и любишь, а верить — точно нет.

— Как хорошо ты меня знаешь, — улыбнулась она в ответ.

— Как и ты меня. — Тим плечом прислонился к одной из жестяных труб, что служили здесь вертикальными опорами для навеса, и смешливо поинтересовался: — Ну что,

насмотрелась? Пойдём обратно?

— Да, пойдём.

— Ян, — тут же позвал Тимур, выискивая брата взглядом, — мы прогуляемся.

— Не заблудитесь, — шутливо отозвался тот.

Стоял Хэ Ян как раз рядом с прямоугольником пляжной хибары, чьи деревянные доски для верности были в нескольких местах обшиты листами проржавелой жестянки, а на плоской крыше торчала парочка кривых антенн и одна здоровенная спутниковая тарелка. В распахнутую настежь дверь наёмники затаскивали выгруженные с только что причалившего катера темно-зеленые ящики. Ян же, шутливо переругиваясь с парнями, распорядился на счёт их расстановки.

Недлинную полоску пляжа Аня с Тимуром пересекли быстро. Миновали каркас старой, изъеденной временем лодки, и с любопытством заглянули в стоящие чуть поодаль просмоленные бочки, жестяное нутро которых было забито обугленными деревяшками и каким-то мусором. Наёмники сбрасывали сюда всё, что так или иначе могло пойти на растопку, чтобы в темное время суток разжигать огонь, а не растрачивать топливо в бензиновом генераторе позади хибарки ещё и на освещение.

Тим рассказывал ей об этом так, как если бы речь шла о быте какого-нибудь народа, со своими особенными устоявшимися порядками и каким-то полукочевым образом жизни.

— То есть наёмники не постоянно у тебя тут живут? — спросила девушка, когда маленькая бухта скрылась за поворотом дороги. — Что-то типа посменной работы?

— Кто как, — произнёс он в ответ. — Юстас, к примеру, предпочитает торчать здесь круглый год, у него из родни особо никого не осталось, поэтому на континент он навещается довольно редко. Остальные иногда мотаются домой, к семьям, но выходные им обычно Ян раздаёт, я в это не лезу. Хотя он сам у меня тут не так уж давно обосновался.

— Я вообще не ожидала, что прямо так сходу с ним познакомлюсь. Ты ведь говорил, что у него дом в Перу?

— Да, он жил там какое-то время. Но не с его работой оставаться где-то надолго.

— Наёмники вообще чем занимаются? — поинтересовалась девушка. — В целом?

— Тем, чем никто больше заниматься не будет, — неопределенно как-то пробормотал Тимур в попытке уйти от неудобной ему темы, но Аня в своём любопытстве оказалась непреклонна:

— Явно не про работу на мусорной свалке говоришь, да?

— Я говорю про военные операции в горячих точках, — сдался он. — И не только про них. Но зачастую законного во всём этом довольно мало.

— А здесь, у тебя?

— Безопасность обеспечивают, так, частный случай.

— То есть Ян бывал в горячих точках?

— М-м-м, — протянул Тимур, стараясь аккуратнее подбирать слова, — не так, как можно предположить. Он терпеть не может политику и дележки чужих территорий, поэтому нет, с автоматом наперевес он по Сирии не носился. Да и не в его статусе.

— О, боги! — В смешливом удивлении Аня прикрыла рот ладонью. — Сейчас ты скажешь, что он как какой-нибудь Джеймс Бонд!

— Если бы у служб безопасности мировых держав и у всяких арабских шейхов реально были настолько крутые агенты, к наёмникам уровня Яна они бы не обращались.

— То есть он всё-таки выполняет какие-то там особые задания?

— Если сильно упрощать, то да, типа того, — нехотя согласился Тим. — Только романтичного в этом и приключенческого ничего нет. Ему вообще как рутина, а по мне — сплошное кровавое насилие.

— Надо же, — проговорила она, явно над чем-то задумавшись. — Не каждый, наверное, на такое способен.

— Но нас с ним и воспитывали в других условиях, я, по-моему, как-то тебе рассказывал.

— Не поверишь, — остановившись посреди поросшей жухлой травкой дорожной колеи, произнесла Анна, — я все эти годы думала, что это мало похоже на правду. Ну, твои истории из детства.

— Ах, вот оно что! — деланно возмущившись, но ничуть не обидевшись, воскликнул он. — То есть твои истории про деревню культистов — это прям у вас в России на каждом шагу?

— Блин, Тимур, но взрослеть на островах с пиратами, древним племенем и контрабандой оружия?

— Да уж, мы с тобой прямо-таки нашли друг друга, — смешливо покачал головой он, запоздало понимая, как это могло прозвучать.

Но Аня, кажется, совсем не обратила внимания на чуть глубже спрятанный смысл его слов. Приложив ребро ладони ко лбу, она задумчиво оглядела рябую рыже-стальную полосу, что стелилась по тихим водам океана от самого закатного солнца до гряды прибрежных скал. Дорога вывела их на небольшой пригорок, откуда вновь стал виден краешек бухты, с её каменистыми выступами и негромко тархтевшими, отчаливающими катерами.

Тимуру подумалось, что к ночи эти суденышки вновь придут в один из материковых портов. Проскользнут незамеченные ни прожекторами береговой охраны, ни навигационными устройствами и замрут где-нибудь под монолитами старых корабельных доков.

Люди, что держали свои катера на плаву даже в самых убийственных штормовых котлах, считали океан домом и в нём же проводили большую часть жизни. Лучших мастеров своего дела было ни сыскать. К счастью ли или к сожалению, здесь, в Полинезии, заниматься им приходилось тем, что приносило хоть какой-то способный прокормить многочисленную семью доход.

И речь шла отнюдь не о рыболовстве.

Орёл с головой кота

— Ого! — выдала Аня, завидев, как райские птицы стайкой взмывают в небо, теряя в воздухе несколько легких, с синим отливом перьев. — Мы их спугнули.

— Спугнешь этих зараз, как же, — отозвался Тим и поправил съехавшие с переносицы очки.

— Тоже еду крадут?

— Бывает ещё и блестяшки, вороны сраные... Видишь у меня ухо пробито?

— О, действительно, — подавшись ближе к собеседнику, она рассмотрела небольшой след от отверстия на мочке. — А серёжка где?

— Вот спроси об этом ворьё пернатое! — Он помахал кулаком вслед улетающей стае, но, заметив, что Анна смеётся, с улыбкой спросил: — Что?

— У тебя всегда такие отношения с местной фауной?

— Это они пользуются тем, что я добрый!

— Ты очень добрый, Тимур, но как можно было позволить птице свиснуть серьгу прямо из уха?

— Они налетели толпой и избили меня!

— Да ладно? — вновь расхохоталась Аня. — Прямо-таки толпой?

— Кучей просто!

— А в лапках у них были маленькие цепи и кусочки арматур?

— Как ты догадалась? — Он состроил донельзя удивленное лицо, но тут же, не удержавшись, засмеялся вместе с ней.

Когда у них закончились шутки про «крылатую гопоту», Тимур наконец поделился историей о птице, с которой всё началось. И то ли вечно голодная циветта попыталась её сожрать, то ли она сама каким-то образом повредила крыло, но нашли молоденькую перепуганную самочку на одном из островных пляжей. Жалобно чирикающую и в неуклюжих, безуспешных прыжках всё пытающуюся взлететь. Один из наёмников, обожавший всякого рода живность, взялся её выхаживать, а заодно учить разного рода фокусам, как, к примеру, незаметно таскать мелкие, плохо лежащие предметы. В скором времени пернатая и сама поняла, каким образом лучше всего втираться к людям в доверие. Балансируя на здоровом нежно-золотистом крыле, птица спокойно подсаживалась на чужие плечи, пила разбавленный водой ром из блюдца, даже выучилась тоненько посвистывать в такт «Oops!.. I Did It Again», а потому никто из немногочисленных жителей острова уже и внимания не обращал на её воровские наклонности. Тем более что украденное она прятала в одном из своих тайничков, под деревяшками гаражного навеса, и, если уж очень хотелось вернуть пропажу, всегда можно было пойти поискать там. Однако своей серьги Тимур так почему-то и не нашёл.

— Да и ладно, — легко пожал плечами он, завершая рассказ.

— А что с ней в итоге стало? — спросила Аня.

— К сожалению, позарилась на добычу покрупнее.

— Всё-таки плохо кончила?

— Как и любой не самый положительный персонаж в истории.

— Все равно жаль.

— Не огорчайся, у неё осталось наследие, — с загадочной улыбкой проговорил парень,

наблюдая за тем, как в стремительно темнеющем небе заходит на третий и последний на сегодняшний день небольшая птичья стая.

Обычный пеший путь от причала на севере до виллы на юго-востоке занимал у Тимура полчаса, не больше. Но на этот раз он был не один, да и шёл задом наперёд, прямо перед своей спутницей. Смешливо отбивал её подколки по поводу всяких шуры-муры с тропическими птицами, которым по доброте душевной раздаривает серьги, да с едва скрываемым любопытством ловил каждую из ярких эмоций, отражавшихся на чужом лице.

Аня всё опасалась, что Тим рано или поздно споткнётся, но такой способ передвижения хоть и порядком замедлял их, однако давался ему с видимой легкостью. В итоге прогулку они растянули настолько, что солнце, ухнув за далекую полосу горизонта, уступило место чуть менее жаркому вечеру. Темно-сливовые его краски легли на небо в первых крупинках звёзд, окутали прибрежную линию, сливаясь с почерневшим прибоем, и вот-вот грозились стать налитыми беспросветной тьмой сумерками.

— Тихо как, — произнесла Аня, вдыхая насыщенно-сладкий аромат крупных цветов гибискуса, что оплетали живую изгородь по эту сторону виллы. Они как раз подошли к её освещенным тропинкам, минуя гаражный навес и парочку меланхолично покуривающих у дальней стены наёмников.

— Это перед сумерками, — задумчиво откликнулся Тимур. — Ближе к ночи джунгли вновь наполнятся звуками.

— О, теми самыми, которые чёрт пойми кто издаёт?

— То есть?

— Ну вот к примеру, смотришь ты какой-нибудь фильм про приключения на острове, — начала пояснять Анна. — Там герои обязательно останавливаются переночевать прямо посреди тропического леса, костерок разводят, перевязывают раны, болтают о том о сём... а на фоне кто-нибудь непременно свистит, ухает и побрякивает.

— Ночные птицы и летучие мыши, — ответил он, пропуская спутницу вперёд, по выложенной крупным камнем аллее. — Цикады ещё, лягушки какие-нибудь и ящерицы типа гекконов.

— Гекконы? Не шутишь?

— Да, они в брачный период очень говорливые.

— Просто невероятно, — заулыбалась девушка. — Ты столько знаешь о своём доме, Тим.

— Да что тут! Вот на родных островах... — мечтательно протянул он. — Там такие водопады, Ань, пещеры, древние храмы, и живности в два, а то и в три раза больше! Я бы тебе всё на свете там показал... — парень вдруг осёкся, буквально на секунду, а затем продолжил свою полную эмоций речь более скомкано: — Ну, это вряд ли, конечно.

— Почему? — удивилась Аня. — Я бы хотела побывать в тех местах, где ты провёл детство.

— Потому что там опасно.

— Не расскажешь?..

В ответ он лишь хмуро покачал головой и вмиг сделался каким-то отстраненным. Ощущение натянутых, словно бы звенящих нитей, что появилось меж ними там, на проложенной вдоль прибрежной линии дороге, истончилось, и Ане, совсем не хотевшей вот так заканчивать вечер, подумалось, что она всё испортила.

— Извини, — пробормотала девушка, — моё неуёмное любопытство...

— Оно удивительное, — отозвался Тим. — Тебе ведь правда интересен мир вокруг.

— Мне интересен твой мир, Тимур.

— Даже те его стороны, которые могут ужаснуть?

— В том числе.

— Не стоит в это лезть, Ань, — всё же проговорил он спустя несколько мгновений задумчивого молчания. — Я и без того многое... в общем, давай тему сменим?

— Как скажешь, — хмыкнула Аня, с нарочитым каким-то безразличием пожимая плечами.

— А звучит так, будто я тебя расстроил.

— Ну, чуть-чуть, — не стала лукавить она.

— Как мне это исправить?

Девушка окинула взглядом его замершую фигуру. Он стоял в распахнутых настежь дверях полутемного холла, из которого не доносилось ни звука. А позади Ани, ещё не сделавшей шаг внутрь, прибоем шуршал океан и переливчатым стрекотом вновь оживали вечерние джунгли. На дикую тропическую природу она сегодня насмотрелась сполна, поэтому переполненный впечатлениями разум мысли ворочал медленно, почти сонливо. Ей бы отказаться от всего, и пойти, как советовала Мишель, пораньше лечь спать, но ждущий ответа Тимур, казалось, тоже не желал заканчивать их прогулку на такой ноте, потому Аня проговорила:

— Если у тебя нет никаких дел...

— Вообще никаких, — с готовностью откликнулся он, в мыслях отметая всё несрочное, а более важное оставляя на глубокую ночь.

— Тогда есть у меня одна давняя мечта, и для её исполнения как раз кое-чего не достаёт.

— Чего же?

— Твоего непосредственного участия.

Аня не припомнила бы и раза, чтобы повела себя как-то особенно скверно. Озлобленно принималась обсуждать чужой внешний вид, походку, манеру говорить или же прицельно строила козни особо не понравившемуся коллеге. Это не было выше неё, не было и ниже. Она просто никогда не задумывалась над тем, как другому человеку лучше прожить свою жизнь. Поэтому, наверное, впервые столкнувшись с чем-то подобным, была страшно удивлена, а после сильно расстроена.

Казалось бы, что же такого нужно сделать, чтобы другие люди начали пускать о тебе слухи и перемывать многострадальные кости?

«Ничего», — ответил на ту её старую ещё жалобу Тимур.

Они как раз возобновили переписку после того, как Аня пропала на целых полгода, и без некоторых (хоть и не всех) объяснений не обошлось. Ей не хотелось вываливать на друга все накопившиеся переживания, тем более что она чувствовала себя ужасно виноватой, но кроме извинений ничего больше выдать так и не смогла.

Именно в тот разговор речь шла об озлобившихся коллегах. О девчонках из бухгалтерии, чьи сплетни случайно долетели до её слуха; о Марине Петровне, которой девушка тоже чем-то не угодила и которая ядом просто сочилась каждый раз, когда видела Анну... хватало проблем и с остальными. Причём песочили так громко, не стесняясь в критике, словно бы никто и знать не знал, что помощница Максима Сергеевича постоянно носится по

коридорам театра то по бесчисленным поручениям начальника, то ради стопок бесконечных подписанных и возвращенных на доработку документов. И проходит мимо их полуприкрытых дверей по нескольку раз на дню.

— Я бы и рада их не слушать, Тим, но как? — В искреннем возмущении, но с толикой иронии Аня возвела руки к потолку, словно бы прося у неведомых богов совета: — Как, блядь? Мне ведь им бумажки эти треклятые нужно занести, в конце концов!

— У тебя не театр, а помойка какая-то, — проговорил он, осторожно придерживая её под локоть. — Аккуратнее, здесь споткнуться можно.

Они поднимались по подсвеченной неоновыми огнями лестнице на третий этаж, где с каждой ступенькой интерьер богатой виллы всё больше начинал походить на сюрреалистичные картины из фильмов «Матрица». То тут то там валялись древние пузатые мониторы, поблескивали отчего-то рабочей ещё подсветкой разных форм клавиатуры и тянулись провода от мышек. Зачем Тим развёл склад старой компьютерной техники, Аня не спрашивала. Знала, что ему частенько нужны какие-нибудь детали, которые он извлекает из валяющегося здесь хлама, да и вообще считает подобный творческий беспорядок весьма аутентичным. Кто-то из друзей-художников в порыве вдохновения закрасил ему лестничные стены яркими граффити, что действительно придавало общей обстановке некоторый отголосок киберпанка с таким заходом на научную фантастику.

— Вообще сплетни для театра — это нормально, — сказала она, разглядывая рисунок глаза. Тот, разросшийся до гигантских размеров, состоял из двух небрежно начертанных дуг, широкого зрачка и черных лучиков-ресничек. — Меня ещё минует закулисье, где каждый уважающий себя артист своим долгом считает поднасрать другому.

— И это — нормально?

— Ну, если считать нормой тот факт, что живёшь ты в постоянной грызне, но по-другому и не желаешь, то да.

— Такое определение меня устраивает, — усмехнулся он.

— Ума не приложу, что им всем не так, — удрученно вздохнула Анна. — Я же ничего плохого не сделала, вообще ничего.

— Вот и у них ничего. — Тим остановился у двери и приложил к гладкой, мерцающей кислотно-зелеными огоньками поверхности ладонь.

— Что значит это твоё «ничего»? — не поняла девушка.

— Причина не в тебе, — ответил он. — Если нам что-то не нравится в другом человеке, то проблема всегда в нас самих. Ты правда ничего им не сделала, просто жизнь у них слишком нормальная, аж до тошноты, а тут ты: яркая, красивая, на каблуках, ещё и вечно активная. Бегаешь по всему театру и успеваешь при этом разобраться с большим объемом задач. Параллельно решая проблемы директора, заместителя, недоумков из отдела продаж и вон той кривой собаки. — Тим смешливо указал рукой куда-то в открывшийся дверной проём. — Я, конечно, восхищён такой работоспособностью, но, Ань, куда бы ты не гналась, устроит ли тебя результат?

— Спорный вопрос, — отозвалась она, проходя вслед за Тимуром. — Но я всё ещё не понимаю, к чему ты тут расписываешь мой обычный рабочий день. Хочешь сказать, они тупо завидуют, что не могут перерабатывать также?

— Может, и завидуют. Никто в головы к твоим коллегам не заберётся. Может, ты им как бельмо на глазу, а, может, дело просто в плохом настроении, ссоре с близким с утра пораньше, перенесенной болезни, изначально говнистом характере — причин масса и ни

одна из них не важна.

— Почему?

— Потому что, если тебе плохо, неудобно или больно жить эту жизнь, другой человек в этом не виноват. Ни его внешность, ни его манера выражаться и уж тем более ни его способность трудиться не покладая рук не заслуживают критики. Ты понятия не имеешь, как он ко всему этому пришёл и как ему самому спится по ночам. Обсудить кого-то за спиной — это лишь способ сбросить накопившуюся злобу, только копишь её ты сам. Никто тебе тут насильно лопатку с дерьмом ко рту не подносит.

— Мы с тобой, кстати, занимаемся ровно тем же, — сказала Аня, усмехнувшись после фразы про лопатку и дерьмо.

— Крысятничаем по поводу твоих коллег?

— Угу.

— А, — отмахнулся Тимур, — это так, размышления на тему. Вот если бы я сказал, что твой начальник тупой кусок...

— Тим, — предостерегла она, не то чтобы не думая про Максима Сергеевича ровно теми же словами, но всё же не желая сейчас говорить о нём.

— Ладно-ладно. В любом случае вот тебе мораль... м-м-м, как это, про мартышку и очки?

— Басня Крылова?

— Да, — кивнул он, — вот тебе мораль басни: все мы кого-нибудь да обсуждаем, это, если хочешь — нормально, потому что мир никогда не будет идеальным. Но твой театр я бы нахер сжёг.

— Что ж... спасибо, — пробормотала Аня. Даже после всего увиденного она бы не поверила, что Тим способен устроить пожар таких масштабов, но внутри будто бы потеплело от чужой, пусть и столь своеобразной, поддержки. — А я, кстати, однажды разбирала архив и нашла там схемы прокладки противопожарных и вентиляционных систем.

— О, да, помню, — со смешком ответил Тимур. — И теперь ты точно знаешь, чей кабинет сгорит к чертовой матери первым.

— Разве я писала тебе про это?

— Писала, Ань. Это вообще последнее, что ты писала, прежде чем пропасть на полгода. Прозвучавшие слова были настолько неожиданными, что девушка поначалу даже не поняла их смысл. Так и замерев вполоборота, она недоуменно смотрела на Тимура несколько долгих мгновений, пока, наконец, просто не пожала плечами:

— Но я же вернулась спустя эти полгода.

— Не поделишься? — в голосе его прозвучала мягкая осторожность, словно бы тема, которую он поднял, для обоих могла вылиться в не самое приятное выяснение отношений, и парень, как мог, старался это сгладить.

— Ну, Тим, — отозвалась Аня с натянутой улыбкой. — У меня тоже есть вещи, о которых я не хочу рассказывать.

— Ладно, — выдохнул он. — Извини.

— Ничего. — Девушка огляделась по сторонам почти с ребяческим каким-то любопытством и восхищенным полусшепотом выдала: — Обалдеть!

В целом, пространство третьего этажа, схожего по своей планировке с просторным лофтом, было полностью отделано под рабочий кабинет Тимура. И хотя первое её посещение длилось не дольше пяти минут, Аня успела запомнить, что если пройти чуть

вглубь, то перед тобой вырастет высокая деревянная перегородка, тонкие решетки которой обвивают ярко-зеленые листья плюща. А за ними утопленная в пол кровать и спрятанный в стене гардероб, откуда Анне не далее как вчера выдали футболку с шортами.

Центр же комнаты занимали с дюжину закрепленных друг на другом мониторов разной величины (сейчас на них отражалась только чернота спящего режима с бегающей от экрана к экрану надписью «insanity»). Под ними же располагался длинный идеально чистый стол.

— У тебя клавиатура сенсорная? Сюда встроена? — Девушка уселась в глубокое компьютерное кресло и провела ладонью по хромированной столешнице, едва касаясь, точно пыль смахнула. Поверхность отозвалась ощутимой вибрацией, оранжево-синие линии внутри неё мигнули неонами, чтобы тут же погаснуть. — Или такое ещё не придумали?

— Придумали, просто нужны мои отпечатки.

— И как же мы играть будем?

— Как захочешь, — легко пожал плечами он. — Только не с компа.

— Почему?

— Меня раздражает, что кнопок много.

— А у меня наоборот, только с компа и получается, — с улыбкой отозвалась она. — О, только не говори, что я голодранец и ничего другого не видела.

— Конечно, не скажу, — ответил Тимур. — Хотя уверен, что мою установку виртуальной реальности ты ещё нигде не видела.

— Выделяешься?

— А как же.

— Круто, мистер Старк, — хмыкнула Аня. — А что-то попроще, для бедных крестьян, у вас, случаем, не завалилось? Ну, типа плейстейшен?

— Возможно... — Задумчивым взглядом он окинул её тонкую фигурку, утонувшую в его мягком ярко-синем синем кресле, уже успевшую как-то по-домашнему подобрать под себя ноги и опереть согнутую руку о плавную дугу одного из подлокотников. Подложив кулак под щеку и чуть склонив рыжую свою голову на бок, Аня смотрела на него в ответ с лукавым интересом. Словно кошка хитрющая. Тимур и представить не мог, что она умеет так смотреть. Смутился отчего-то, промычал скомканное: «Дай-ка подумать» и отправился в дальний конец комнаты. Не за решетку из плюща, а в противоположную сторону, туда, где на стене, сплошь сделанной из стекла, висела просто гигантских размеров панель экрана. На ковре под ней кучей был свален разного рода хлам, состоящий из проводов, маленьких лопастей вентиляторов и тонких, темно-зеленых плат компьютерной памяти. Там Тиму пришлось изрядно покопаться, и Анна, ведомая неутомимым своим любопытством, хотела уже подняться, чтобы подойти поближе, но парень внезапно воскликнул: «А! нашёл», и поспешил вернуться. Под мышкой он нёс небольшую белую коробку, а в руках держал разноцветные игровые контроллеры. Не совсем джойстики, как вспомнилось Анне, те были на древних ещё компьютерах и походили на торчащий кверху ручник автомобиля. Эти же, матовые, по форме своей напоминавшие хлебные рогалики с выпуклостями-кнопками, назывались геймпадами. Хотя, в общем-то, служили для тех же нужд: управляться с происходящими на экране игровыми событиями.

— По-моему, не сдох ещё. — Тимур боком опустил на стол прямоугольный корпус приставки, тут же принимаясь проверять её работоспособность.

— О-о-о, иксбокс, — одобрительно закивала головой Аня. — Ну, что, можно играть?

— Можно.

— Отлично! Давай сюда!

— Уверена? — уточнил с улыбкой Тим, опуская в её протянутую руку ярко-оранжевый, весь изрисованный смайликами геймпад.

— Милый, — со смешком проговорила девушка. — Перед тобой замороженный чемпион фаталити. И я разделаю тебя под орех!

Сперва Максим принял тварь за кошку. Крупноватую и с довольно-таки вытянутой мордой, но всё же достаточно любопытную, чтобы обнюхать прутья вольера, не опасаясь ни находящихся внутри людей, ни стоящих поодаль головорезов с огнестрелом в руках.

— Ой, какая, — тут же затаили девчонки-хористки. — Кис-кис, поди сюда.

Животное на их призывы никак поначалу не откликнулось, то ли демонстративно игнорируя, то ли просто не понимая, что обращаются именно к нему. Но когда сквозь прутья кто-то догадливый просунул оставшиеся с ужина кусочки рыбы, зверёк не побрезговал сцапать всё: и нежное филе, и листья салата к нему прилипшие, и даже кожуру от печеных долек лимона. Из рук, правда, ничего не брал, предпочтя осторожно дожидаться пока люди опустят еду на землю.

Максим Сергеевич наблюдал за умилявшимися подчиненными с неодобрением, но потечески снисходительно. Пусть они, рассеявшиеся на удобных чистых матрасах и раздобренные сытным ужином, на мгновение и позабыли, в какой ситуации оказались, но он-то был начеку. Следил за сменой охранников у их клеток; определял время суток по движению солнца (довольно давно скрывшееся, сейчас оно явно свидетельствовало о наступающей ночи); и, что самое главное, он цепко подмечал расположение всех хозяйственных построек, которые попадались на пути до уборных и душевых, куда их водили несколько раз в день.

— Отлично, Макс, — сдержанно похвалил Пётр Фомич, когда очнулся и был кратко введён директором в курс дела.

Состояние его уже не вызывало опасений, но посоветовавшись с Максимом и другими мужчинами в вольере, они решили пока не выдавать тот факт, что Пётр пришёл в сознание. Не сказали даже женщинам, потому как те первым делом принялись бы ахать и охать, привлекая ненужное внимание охраны. Которая, естественно, доложит хозяевам виллы, и Пётр с Максимом, уже набросавшие кое-какие намётки к плану по освобождению, останутся без козыря в рукаве.

— Сколько их? — шепотом спросил безопасник.

— Не больше дюжины, — отозвался Максим. — Но я могу ошибаться, пересменка за два дня была лишь несколько раз.

— Справимся.

— Да как...

— Вот зараза! — донесся вскрик из соседней клетки.

Максим тут же встрепенулся и взглядом выискал источник громкого звука.

— Макс, что там? — На матрасе Пётр лежал ничком, с полуприкрытыми веками, что мешало ему наблюдать за происходящим вокруг. — Что случилось?

— Марину кошка поцарапала, — хмуро ответил директор.

Заместитель его — Марина Петровна — по всей видимости, сунулась погладить жующего остатки ужина зверька, и теперь плаксиво прижимала к своей груди изодранную до крови руку. Марго всё пыталась осмотреть повреждение, уговаривала женщину

успокоиться, но та пока только и могла, что материть пушистую прожорливую тварь да вновь со слезами вспоминать все те беды, которые настигли их из-за этих проклятых гастролей.

— Пойду помогу, — сказал Максим, приподнявшись с матраса, но Пётр вдруг крепко ухватил его за руку и сквозь зубы процедил:

— Зови врача.

— Тебе плохо?

— Нет.

— Царапину мы и сами перевяжем.

— Макс, — прошипел Пётр, как можно незаметнее поворачиваясь к нему. — Ты, блядь, меня слышал? Зови чёртового врача!

Взгляды их встретились, и Максиму понадобилась лишь доля секунды, чтобы, наконец, сообразить, что именно задумал его безопасник.

На широком экране прямо перед ними персонаж в тёмно-синих доспехах вырывал своему врагу позвоночник. Прodelывал он это с ловкостью киношного боевика, в один длинный, растянутый замедленной съемкой приём. Фонтаны кислотной крови вместе с остальными конечностями драматично разлетались по разным концам боевой площадки, тогда как на первый план плавно выступала объемная надпись «Flawless victory».

— Тимур! — ругнулась Аня, едва ли не ткнув парню геймпадом прямо в нос. — Ты поддаёшься!

— Не-а, — отозвался он с самым честным выражением лица, на которое был способен.

— Пять раз обыграть профессионального киберспортсмена! — воскликнула девушка. — Какая, блин, удача!

— Это я в тетрисе хорош.

— Ага, и в тамагочи!

— Не, в тамагочи у меня постоянно кто-то мрёт.

— Ой, всё! — Аня лёгким тычком попыталась отпихнуть от себя смеющегося Тимура, но он вдруг перехватил её запястье и несильно сжал в своих теплых пальцах. На мягком кресле в форме то ли мешка, то ли огромной груши они сидели довольно близко друг другу, поэтому ему ничего не стоило склониться к лицу девушки и негромко произнести:

— Если я сейчас выиграю, ты шуруешь за колой для рома.

— Нечестно, — пробормотала Аня, чьё сердце успело пропустить пару ударов. — И с моей головой мне лучше не пить.

— А кто сказал, что ты будешь пить? Проигравшим и не положено.

— Когда это я успела проиграть?

— Как только вошла в эту комнату, — загадочно улыбнулся Тимур, кивком головы указывая Ане на геймпад.

Та с готовностью щёлкнула по кнопкам, но не успела даже сосредоточиться, как была разгромлена за каких-то жалких три минуты.

— Ну, не расстраивайся, — сказал Тим. — Против меня обычно даже столько не выстоять. Ты хороший игрок.

— А ты опять поддавался!

— Каюсь, — без тени сожаления произнёс он. — А теперь поднимай свой прекрасный зад, mon cheri, и топай к торговым автоматам на первый этаж. Если помнишь, они справа от

входа. И не ищи там отверстий для монет, выдача производится от пинка.

— Вот что мне в тебе нравится, Тим, так это нестандартный подход к вещам, — рассмеялась девушка, направляясь к выходу из комнаты.

Тимур осторожно проследил, как за её спиной съезжается автоматическая дверь. Выждал ещё пару минут, а после достал уже давно вибрирующий где-то под правым бедром телефон. На экране высветились несколько пропущенных от брата, следом за которыми шли уведомления о новых сообщениях в их личном чате.

Ян бесстрастно отчитался по поводу несостоявшегося этим вечером побега, довольно коротко описав, как сидящие в клетках гости зачем-то попросили привести врача. И пока один из охранников ходил за Мишель, второй был оглушен прицельным ударом по темечку. Дальше драпать решили организованным строем, и большего идиотизма при побегах Яну видеть не доводилось, но и выловить такую толпу оказалось проще простого. Поэтому на данный момент инцидент был исчерпан, а театральная труппа возвращена в вольеры почти в полном составе. Пётр и Максим Сергеевич, благополучно миновав остальную охрану на территории виллы, поспешили скрыться в джунглях.

«Великолепно», — открыв китайскую раскладку, напечатал Тимур.

«Мне их поймать?», — тут же пришёл ответ.

«Нет. Слей топливо с катеров и предупреди ночную смену. Пусть будут начеку»

«А со сбежавшими что?»

«Джунгли обожают непрощенных гостей»

«Они могут не пережить ночь»

«Очень на это надеюсь». — Тимур хотел было отложить телефон в сторону, но сзади, словно тихий шёпоток совести, послышался звук отъезжающей двери. Парень чертыхнулся и нехотя дописал:

«Утром отправишь людей на поиски».

— Это иероглиф «жен» — человек? — спросила Аня, с любопытством заглядывая ему через плечо.

— Ты разве знаешь китайский? — насторожился Тимур. Он не особо был бы рад, пойми девушка тон переписки. Более того, сообщать, что её начальство устроило побег с последующей партизанщиной по тропическому лесу, парень пока не собирался.

— Ну, у меня была парочка занятий с репетитором, — улыбнулась Аня. — А ты знал, что у них сова дословно переводится как «орёл с головой кота»?

— А панда как «кошачий медведь».

— Ну, да, о чём это я, с твоим-то уровнем владения... — Девушка протянула ему открытую бутылочку колы. — Держи, последняя. Я, правда, отпила немного, но тебе для рома должно хватить.

— Спасибо, — проговорил заметно расслабившийся Тимур. — Сыграем ещё разок?

Кивок в ответ у Ани вышел запоздалый, потому что именно в этот момент парень поднёс к губам бутылочное горлышко, коснулся округлого края и сделал один долгий неторопливый глоток.

От которого она почему-то не смогла оторвать взгляд.

Домашние любимцы

Мало кто знал, что он с трудом понимал только две команды: «не ломайся» и «кто там?», первая из которых означала «взять», а вторая — «домой».

Сквозь дымку утренней полудрёмы Анне почему-то пригрезился их давний с Тимуром разговор. Один из тех, когда после этапа шапочного знакомства вы решаете перейти к редким созвонам по вечерам.

— ...да, у меня всё детство были коты. И ещё морская свинка. Недолго, правда. Вообще, я бы и сейчас хотела завести котёнка.

— А что мешает? — из динамика донесся приглушенный вопрос Тимура.

— Не до этого. После работы прихожу совершенно вымотанная, за собой лоток убирать не хочу, а за кошкой уж точно не стану, — отшутилась Аня в ответ. — А у тебя кто был в детстве? Или не разрешали заводить?

— Уж лучше бы не разрешали.

— Почему?

— Я рос среди целой толпы наглых мартышек и не менее хамоватых попугаев. Но они ни в какое сравнение не шли с Настенькой.

— Необычная кличка.

— Да, её ещё отец воспитывал. Здоровенная такая медведица.

— Что-то вроде алабай или ньюфаундленда?

— Энни!

— Думаю, покрупнее будет.

— Энни, проснись! — Звенящая тонкими золотыми браслетами рука коснулась её оголенного плеча и легонько потрясла. — Пропустишь самое интересное!

— Ещё пять минут, — буркнула Анна, с головой накрываясь тонкой простынёй и переворачиваясь на другой бок. Тягучее и томное, ощущение от недостаточно долгого сна возвращало её сознание обратно, в зыбкую темноту, туда, где всё-таки хотелось услышать окончание разговора и вспомнить породу пса, который был у Тимура в детстве.

— Энни.

— Угу-м.

Мишель окинула спящую внимательным взглядом, уже жалея, что этот свернувшийся клубок из подушек, комканного постельного белья и рыжей, едва проглядывающей макушки придётся разбудить. Но, по её скромному, далеко не врачебному и чисто женскому мнению, предстоящее зрелище стоило того, чтобы пожертвовать полноценным сном. Поэтому Мишель набрала в грудь побольше воздуха и, как-то внезапно перейдя на ломанный русский, зычным басом проорала:

— Подъём, красавица, проснись!

— Чего? — Аня, перепуганная и встрепанная, мигом подскочила на постели.

— Открой сомкнутой негой взоры!

— Навстречу мне несутся горы, — тут же подхватила девушка, — прошу, зараза, отъебись!

— Да ты поэт!

— Самый настоящий! Но я сильно сомневаюсь, что стихи Пушкина и есть та самая причина, по которой ты меня разбудила!

— Это сюрприз, — ответила Мишель.

— Ненавижу сюрпризы. — Анна попыталась опустить тяжелую ото сна голову на подушку, но ту безжалостно отобрали, как и тонкую простыню, под которой девушка хотела спрятаться вновь.

— Энни, ты просто обязана пойти со мной!

— Мишель, при всём уважении, иди ты сама с собой, — проворчала она, всё же поднимаясь с кровати, но только для того, чтобы сходить в туалет. — Я часа два назад только легла!

— И чем это вы вдвоём всю ночь занимались?

— Ха-ха, — послышалось вместе с хлопком закрываемой двери.

Мишель сдаваться просто так не собиралась. Дождалась, пока девушка посетит ванную комнату по всем неотложным делам, после заставила её причесаться, заодно осмотрев рану на голове и перевязав бинт так, чтобы выглядело, как скромная белая повязка с небольшим бантом посередине. Аня не сопротивлялась только потому, что во время всех манипуляций со своей рыжеволосой макушкой пыталась урвать остатки сна.

— По-моему, очень мило, — бодро заявила Мишель, подведя Анну к большому настенному зеркалу.

— А по-моему, — зевнула девушка, — ты надо мной измываешься.

— Энни, дорогая, ну как я могу?

— Действительно, — раздалось хмыканье в ответ. — Поведай же мне, о, госпожа, ради чего я поднялась в такую несусветную рань?

Мишель загадочно улыбнулась и в приказном порядке сказала следовать за ней.

Минут пять спустя они стояли на заднем дворе виллы, сокрытые от посторонних глаз высокими кустами гибискуса. Алые чашечки его цветов, с бахромой по волнистым краям, источали густой, сладковатый запах, а сквозь светлую зелень листьев виднелась небольшая квадратная площадка, грунт на которой был неровно утрамбован, словно бы от частых ударов чьих-то сильных ступней.

Пока Мишель восторженным шепотом комментировала происходящее, Анна всё никак не могла взять толк, действительно ли её привели сюда только ради того, чтобы лицезреть, как первые лучи рассветного солнца ласкают оголенный, покрытый испариной торс Ван Хэ Яна.

— Чистая эстетика, — улыбнулась Мишель.

— Не то слово, — поддакнула девушка в попытке скрыть ладонью очередной зевок.

Отойдя к дальнему краю площадки, Ян начал выбирать из расположенных там деревянных стоек длинные бамбуковые палки. Какие-то предпочёл отбросить в сторону, а две самые неприглядные на вид, потемневшие то ли от времени, то ли от частого использования, пришлось ему сразу по руке. Он легко взвесил одну из них, ловко покрутил в пальцах, а после в мгновение ока описал позади себя дугу. Тонкая жердь оказалась уже по другую сторону от него, застыв в идеальном балансе на раскрытой ладони так, словно её кому-то протягивали.

— У нас зрители, — негромко сообщил Ян.

— И это тебя веселит? — отозвался Тимур, забирая у брата гладкую на ощупь палку.

— Просто теперь я понял, почему ты решил вернуться к тренировкам именно сегодня.

— День благоприятный.

— Ну да, — усмехнулся Ян. — Первый за этот год.

Из-за обилия листвы, закрывающей половину обзора, Анна не сразу увидела, с кем разговаривал командир наёмников. Только когда оба переместились на середину площадки, девушка поняла, что напротив Хэ Яна, повторяя краткий церемониальный поклон, встал Тимур. И на нём тоже не наблюдалось верхней одежды.

Помимо тех отстранённых сравнений об их внешних данных (Тим был ощутимее ниже ростом и сильно уже в плечах, хотя и довольно жилист), в голову Ане пришла мысль, что черные узоры татуировок, которые украшали тела обоих, практически идентичны. Что у одного, что у второго рисунки диковинных зверей вились от основания шеи до лопаток, а спереди, пройдясь по ключицам, плавно перетекали на кожу рук, через локтевые изгибы и вплоть до запястий. Только у Яна на спине красовались яркие цветы, а на правой руке — контур глаза с расширенным зрачком, отчего-то показавшийся знакомым.

— Ты можешь перевести? — тихо спросила Анна, поняв, что парни перебрасываются фразами на китайском.

— Не особо, — покривила душой Мишель. И принялась с усердием вслушиваться в каждое произнесённое на площадке слово.

К кустам гибискуса Тим стоял спиной, но до слуха то и дело долетали шелест листвы и чужие перешёптывания. И если в случае с Аней отсутствие элементарного умения скрывать своё местонахождение ещё можно было принять, то почему так громко вела себя Мишель, он понимал слабо. Догадывался кое о чём по усмешке брата, что стоял напротив и лениво поигрывал своим деревянным оружием, но особых теорий не строил. Эти двое могли развлекаться, как им вздумается, лишь бы не встревали там, где он предпочитал подминать ход событий под себя.

— Ну надо же, — начал Ян, плавно опуская конец палки наземь и в одном текучем движении принимая удобную боевую стойку с упором на правую ногу. — Просто не верится.

— Во что тебе там не верится?

— Что столь гениальный ум не придумал плана получше.

— Не было никакого плана, — отмахнулся Тим.

На разговоре он больше не сосредотачивался. Как и на шорохах позади себя. Это сейчас было лишнее. В отличие от противника, который одним мощным толчком направил палку ему прямо в грудь. Тимур резко отбил удар, уводя чужое оружие скользящим движением вбок, чтобы не принимать на себя инерцию и не давать возможности Яну пойти в атаку сразу.

Но это помогло слабо. Едва они разошлись на пару шагов, как Тиму тут же пришлось уворачиваться от нижней подсечки, а после и от столкновения бамбука со своей задницей. Складывалось впечатление, что Ян просто решил гонять брата по площадке, нанося разящие удары один за другим и практически не обращая внимания на чужое парирование.

— Измотать решил, зараза? — ругнулся Тимур, когда у него, наконец, получилось выкроить себе минутную передышку. — Это честно, по-твоему?

— Слишком ты хитрожопый, — ухмыльнулся Ян, наблюдая за тем, как противник с трудом пытается успокоить тяжело вздымающуюся грудь. — Тебе только фору дай, и сразу придумаешь с пяток вариантов как меня угрохать.

— Десять, — в одном долгом выдохе протянул Тимур. — И это я пока только

разминаюсь.

На этот раз выставлять блоки пришлось Яну, потому что брат его, излишне хладнокровный во всём, что касалось ситуативных расчётов, был действительно гениальным засранцем. Слабые места соперника он считывал на раз, и хотя не имел тренированных до такой степени мышц и не пользовался способностями, дарованными ему с рождения, а всё же ловко подмечал удобные моменты. Как, к примеру, взрытое кем-то углубление в грунте площадки, куда Ян угодил, когда, уходя от очередного широкого замаха, сделал шаг назад. Оступился и в следующий удар получил бы палкой в правое плечо, но сумел резко перекинуть вес тела на другую ногу. Присел, с выверенным перекатом быстро уходя в сторону, и подскочил вновь.

Поскольку Тимур копил дыхание, а Ян осторожничал, они в молчаливом согласии взяли очередную паузу и принялись кружить по площадке, внимательно следя за действиями друг друга.

Кусты с единственными их зрителями наполнились тишиной, хотя мгновением назад оттуда точно слышались то ли восторженные, то ли испуганные возгласы.

— Собака, значит, ворчливая? — проговорил Ян в попытке сбить собеседника с явно недобрых, направленных в его сторону мыслей. — Так ты меня ей представил?

— Псина, Ян, — со смешком уточнил Тимур. — Самая настоящая ворчливая ты псина. И это она ещё смягчила, потому что Ане сложно передать тебе на английском всю полноту и красочность русского языка.

— О. Во как.

— Обиделся?

— Ничуть. — Ян кратко пожал плечами. — А вот ты, Сеймур, ведёшь себя нервно.

— А у меня нет повода, по-твоему? — Он бросил в сторону брата полный иронии взгляд и вновь усмехнулся.

— У тебя нет права, — хмуро отозвался тот. — Херни наворотил — иди разгребай. Или уже забыл, чему учили?

— Прекрасно помню. Но проблема в том, Ян, что я ещё не наворотил, я только разминаюсь.

— А девушку зачем втянул?

— Сучья случайность, — произнёс Тимур с таким видом, словно бы действительно ничего с этой непредсказуемой вселенной поделать не мог. Да и, собственно, не хотел. — Случайность, которую я, эгоистично поддавшись эмоциям, решил не исправлять.

— Тем не менее, план дерьмо.

— И почему же?

— Ну не на тебя же, мошь тщедушную, она пришла посмотреть... — Ян едва закончил фразу, как тут же пришлось отражать последовавший за ней стремительный удар. Тимур будто специально целился в пах, но ловко выгнув кисть, резко перевёл конец палки выше, и противнику с трудом удалось извернуться, чтобы не получить по почкам.

Они словно в танце принялись отбивать своим оружием одним им ведомый ритм, с гулкими перестуками и чуть более громкими, то и дело проскальзывающими матами на китайском.

Эта часть поединка вышла ещё короче.

Тимуру попросту не хватило выносливости, и отвыкшие от знакомых приёмов руки уже немели, хотя пальцы всё продолжали крепко сжимать бамбуковую жердь. В один из ударов,

от которого Ян с лёгкостью ушёл, Тим неловко подставился, и в нескольких сантиметрах от его виска завис гладкий бок палки противника. Но не успел тот заявить о победе, как почувствовал у своих рёбер сильный, явно наставивший синяк толчок. Тимур, мгновением ранее замерший вполборота, сумел в молниеносно быстром движении направить руку вбок и вверх, чтобы задеть своим оружием брата.

— Надо же, — усмехнулся тот. — Ничья?

— И что это сейчас было, а, Хэ Ян? — раздраженно проговорил Тим. — Решил заставить меня ревновать? У меня достаточно самообладания, чтобы быть выше этого!

— Тогда что на острове делает старый козёл?

Последовавший ответ на все равно непонятном Анне языке, как и окончание короткой схватки девушка не застала, потому что пару минут назад сообщила Мишель, что ей снова нужно в уборную.

Много времени она там не провела. До ближайшей ванной комнаты на первом этаже была всего-то минута ходьбы, и возвращаться назад, к кустам перед тренировочной площадкой, Аня не спешила. Не то чтобы её совсем не интересовали боевые искусства, тем более тут парни явно решили устроить показательный мастер-класс, просто она в этом мало что понимала, а за быстрыми движениями уследить и вовсе не могла.

Остановившись на развилке аллеи, по которой влево вела дорога к площадке (и даже вновь слышался тонкий перестук бамбуковых палок), а вправо шла тропа к вольерам, Анна вдруг почувствовала, как нечто неуютное прошелестело в груди.

«А, укол совести», — с унылым каким-то сарказмом подумалось девушке. Хотеть, она, быть может, и не особо хотела, но пресловутое «надо» как будто бы уже само собой развернуло её стопы в сторону клеток, чтобы Анна сходила и проведала наконец своих страдающих за решеткой коллег.

На полпути что-то заставило её остановиться. В ближайших пышных зарослях, с цветами уже не красного, а ярко-желтого оттенка, послышалось то ли пыхтение, то ли непонятная возня. Подавшись ближе, Аня увидела повисший на зеленых ветвях огромных размеров ошейник. Таких больших собак она и представить себе не могла. С любопытством протянув ладонь, девушка взяла жесткий кожаный ремень и поднесла поближе к лицу. На солнце блеснула круглая блямба с выбитой на ней кличкой «NASTYA».

Мелькнувшая было догадка не успела оформиться в полноценную мысль. Кто-то профессионально-быстрым движением выискал на её шее нужную точку и ловко надавил прежде, чем Анна смогла почувствовать хоть что-то, кроме резкой боли в мигом потемневших глазах.

То ли профессионалу следовало подтвердить свою квалификацию, то ли отключить человека с одного нажатия — это удел киношных боевиков, однако в себя Анна пришла довольно быстро. О чём мгновенно успела пожалеть.

Перевернутый вверх тормашками мир качался в такт чужой заднице, вид на которую открылся девушке, едва она смогла сфокусировать взгляд. Полубессознательное тело её, оказавшееся на чьём-то массивном плече, всё пыталось съехать вниз, но грубые руки крепко подхватывали под бёдра и рывком подтягивали обратно. Похититель, явно натуженный и уставший от своей нелегкой ноши, с каждым разом дышал всё тяжелее. Но шагу не сбавлял до тех пор, покуда почва под ногами не сменилась с зеленых корневищ джунглей на сухую гальку прибрежных скал.

Когда тело её без должной аккуратности мешком сгрузили на землю, девушка, всё ещё не особо ориентируясь в пространстве, затылком приложилась о каменный выступ. Прошрое сотрясение дало о себе знать, и она мысленно согласилась с тем абсолютно неуместным в данных обстоятельствах фактом, что так поступают только самые шаблонные из героинь любовных романов. А после потеряла сознание вновь.

Очнулась Аня как-то разом: распахнула слепящие тонкой полосой солнца глаза и ощутила уже порядком надоевшую тошноту. Голова покоилась на всё том же голом камне, как раз напротив входа в широкую скалистую расщелину. Здесь Анна явно была не одна. Слух резанули звуки громких мужских голосов, и в одном из них угадывались до боли знакомые истеричные ноты.

— Да что за чушь ты несёшь? — воскликнул Максим Сергеевич, продолжая, по всей видимости, тот диалог, начало которого Аня не застала. — Какие, нахер, малайские пираты?

— Макс, заткнись и послушай умного человека! — попытался урезонить его Пётр. — Послушай внимательно. Здесь у руля проклятые америкосы, наша разведка на их территорию не лезет. Но даже мои парни кое-что слышали про одного из главарей Тихоокеанского картеля.

— Про кого?!

— Главарь пиратов по прозвищу Матахари Хитам.

— Ты серьезно? — спросил Максим настороженно, словно бы сомневаясь в адекватности собеседника.

— Абсолютно, — твёрдо заявил Пётр. — Этот мужик в международном розыске уже лет тридцать. Он заправляет всем: наркотрафиком, поставками оружия и торговлей людьми, понимаешь? И ни МИ-6, ни Пентагон не могут его вычислить. Но вот что я тебе расскажу Володьку, моего товарища, лет пятнадцать назад забросило на острова близ Австралии. Ты таких островов не то что на карте не найдешь, их спутник, блядь, не увидит.

— Подожди, Володя? — удивился Максим. — Слесарев который? У него ещё глаза нет и шрам на пол-лица?

— Ну! А ты знаешь, кто ему этот шрам оставил? Больной на всю голову психопат в красной майке и с ирокезом на башке — так его Володя описывал. А ещё он сказал, что у всех пиратов была одна и та же татуировка на предплечье: рисунок глаза со здоровенным зрачком!

— Твою мать, Петя, — ошарашено протянул Максим, в чьей голове вмиг сошлись все факты. — Это пиздец.

— Ты понял, да? Здесь у всех охранников такая татуха, — проговорил безопасник, чем-то характерно щёлкая.

Аня безошибочно определила тот самый звук, при котором наполовину пустая обойма входит обратно в магазин пистолета. Простейшего девятнадцать-одиннадцать сорок пятого калибра. Навскидку, конечно, с учетом способности её разжиженных от постоянной тряски мозгов воспроизводить сейчас хоть какую-то информацию.

— Сорок пятый... а чё тогда такой тяжелый? — пробормотала девушка, с тихим стоном приподнявшись на локте и сосредоточив слегка плавающее зрение на руках Петра Фомича. Пистолет в них имел прикрученный к дулу глушитель, на что Аня поняливо хмыкнула.

Вот теперь можно было задаваться вполне закономерным вопросом, какого черта вообще происходит?

— Анютыч! Очнулась! — тут же воскликнул Максим Сергеевич.

— Отлично. — Пётр удостоил девушку лишь кратким взглядом, и вновь повернувшись к собеседнику, неожиданно заявил: — Нас всех повязали, потому что кто-то меня заказал.

Максим хотел было иронично уточнить, не много ли на себя берёт его хоть и верный, но уже своё отвоевавший друг, но все возражения вдруг потонули во внезапно раздавшемся зверином рыке. Звук шёл откуда-то со стороны джунглей, над чьими золочеными солнцем макушками вспорхнула испуганная стайка птиц.

— Тихо! — Пётр резко подскочил на ноги и прижался спиной к скале. — Слышали?!

— Что это было? Какая-то тварь? — забеспокоился Максим, тоже поднимаясь с земли.

— Хер знает, — бросил ему безопасник. — Пойду проверю.

Краткими перебежками он двинулся к выходу из расщелины, и в мгновение ока спина его, вся в одном большом пятне от пота, скрылась за огромными листьями папоротника, что рос у самой границы скал и тропического леса.

— Воды дайте, — просипела Анна, с трудом принимая сидячее положение.

Максим Сергеевич, конечно, подоспел галантно придержать её за локоть и протянул пластиковую бутылку, но она и сама уже довольно прочно уперлась лопатками о выступ скалы позади себя, да и взглядом успела нащарить ещё одну, лежащую совсем рядом ёмкость с водой.

— Анна, ты в порядке?

— Нормально. — Девушка поморщилась. Жидкость слегка смягчила ощущения дерущего горла, но особо жажду утолить не смогла. Вдобавок был у неё какой-то неприятно-приторный вкус, от чего желудку захотелось проблеваться ещё сильнее. — Вы что, сбежали?

— Никого нет! — бодрым тоном сообщил вынырнувший из джунглей Пётр. — Но позиция у нас то ещё говно. Нужно менять.

Анна осторожно осмотрелась вокруг. Двое мужчин перед ней, в замызганных, измятых рубашках и подвернутых до коленей штанах, хоть и выглядели изрядно потрёпанными, но чувствовался в них некий взбудораженный азарт. Словно бы вся ситуация в целом представлялась им не чем-то ненормальным и выходящим за рамки обыденности, а скорее походила на вполне себе интересное развлечение. Этакую игру в кошки-мышки или, чего хуже, в войнушку.

— Ночью Петя вскрыл клетки, — всё же ответил на её вопрос Максим. — И все попытались бежать, но удалось только нам.

— Сегодня поутру у меня была вылазка за припасами. Уже назад возвращался, когда тебя одну увидел. — Пётр Фомич заткнул за пояс пистолет. — Пришлось действовать по ситуации.

— А с остальными что? — Анна перевела внимательный взгляд с одного мужчины на другого.

— Неизвестно, — развел руками безопасник.

— Ясно, — протянула девушка, аккуратно откидывая ноющий затылок на твёрдый камень позади себя. — Никого бы, наверное, не тронули.

— Ты почему так уверена? А? — мигом взвился Пётр. — Если меня заказали...

— Тихо-тихо, Петя! Угомонись! — Максим подскочил к нему и в попытке успокоить схватил за плечи, доверительно заглядывая в бегающие туда-сюда глаза. — С чего ты вообще решил, что тебя?

— А ты представляешь, сколько стоит похищение у таких ребятков? — возразил он. — Это серьезные люди, Макс, международный уровень! Ни у кого из нашего театра нет врагов

ни с такими связями, ни с деньгами. Если только ты успел себе нажать. Но я всех твоих давно вычислил, кишка тонка.

— Хорошо, допустим, — примирительно произнёс директор. — Тогда почему нас с трупной тоже взяли в заложники?

— Схалтурили, — с твёрдой уверенностью ответил Пётр. — Уроды не ожидали, что при захвате автобуса я дам отпор. Пошумели знатно, — он самодовольно ухмыльнулся, от чего притихшую Анну слегка передернуло. — Им легче было всех с собой погрузить, чтобы не терять времени до приезда полиции. Продали бы мужиков на органы, девок — в секс — рабыни. Обычное дело.

«Боги мои, какой же бред», — подумала девушка, но вслух лишь осторожно поинтересовалась:

— Что вы собираетесь делать дальше?

Сквозь тонкую ткань шорт в бедра ей впивались мелкие камушки. Сидеть вот так, на голой земле было весьма болезненно, но это помогало концентрироваться на происходящем, а не на постоянно кружащихся мушках перед глазами.

— Скажи-ка мне, Анна, ты этого пацана, Тимура, давно знаешь? — с прищуром глядя куда-то в сторону, спросил Пётр Фомич.

Девушка внутренне подобралась, особо не понимая, чего ей ждать от подобного тона. Правая рука неожиданно отозвалась покалывающей до немоты болью, и только тут Аня с удивлением поняла, что всё ещё сжимает в своих пальцах толстый кожаный ошейник.

— Давно, — тихо ответила она. — А что?

— А то, девочка моя, — процедил безопасник, — что нихрена непонятно, откуда могла произойти утечка информации! Что ты ему обо мне выболтала, а? Признавайся!

— Да что мне было выбалтывать? — неприязненно отозвалась Анна, чувствуя, как внутри закипает злость. — Я о вас ничего, кроме этих ваших военных баек, и не знаю! А их вы всему театру рассказывали. Максим Сергеевич, скажите же вы ему, ну что за бред?

— Ань, ты моё приближенное лицо, — серьёзно проговорил начальник. — Тебе многое известно. И я не раз говорил, что мне нужно знать, кто тебя трахает. Из влюбленной бабы можно вытянуть вообще любые сведения. Сама рот откроет, не успеешь и спросить.

Анна хотела было возмутиться. Сказать, что она не спала с Тимуром, и вообще увидела его вот так вживую впервые. Хотела начать что-то доказывать, заявить директору, что все его домыслы — чушь полнейшая, хотела... но одного взгляда на лица двух взрослых, вроде бы адекватных мужчин хватило, чтобы понять: они уже всё за неё решили и всё про неё же поняли.

Девушке вдруг стало совершенно плевать и на их узколюбое мнение, и на происходящий вокруг дурдом, поэтому она лишь кратко пожала плечами и без особых эмоций произнесла:

— Трахали меня только вы, Максим Сергеевич.

— Аня, ты что несёшь?! — воскликнул он, тут же покосившись на своего безопасника.

— Макс, она это серьёзно? — Пётр сделался мрачнее тучи. — И ты мне не сказал? Ты, блядь, понимаешь, что её могли специально под тебя подложить?

— А можно хотя бы сюда не приплетать эти конченые теории заговоров? — раздраженно отозвалась Анна.

— Закрой рот! Ты, сучка...

— Успокойся! — Максим резко преградил дорогу дёрнувшемуся в сторону девушки Петру. — Не было ничего! Анна на меня зла, вот и лягнула херь. Всё в порядке, слышишь?

Она влюбилась в меня давно ещё, а я семейный человек, ты же меня знаешь, Петь. Аню я отшил, и дело с концом.

Мужчина замер в попытке переварить всё только что услышанное, а затем, смерив девушку брезгливым взглядом, сплюнул и, развернувшись, пошёл в сторону джунглей.

— Пусть остынет, — в след ему бросил Максим.

— Вы ему только что солгали.

— Ну а что ты хотела, чтоб весь театр знал? Зачем ты вообще... — неожиданно он склонился к Анне и ухватил её за подбородок, заставляя вздёрнуть голову выше. — Девочка моя, может, ты перенервничала?

Чужие пальцы показались липкими до омерзения, и она без раздумий дёрнулась в сторону, убирая их от себя и отодвигаясь от мужчины подальше. Но начальник словно бы и не заметил чужой неприязни, лишь тяжело опустился рядом и с наигранной бодростью заговорил вновь:

— Ты, главное, без истерик давай. Успокойся, приведи себя в порядок, а то вон, на голове воронье гнездо.

— При чём тут...

— Всё уже позади, — продолжал Максим, игнорируя её слова. — Мы тебя вытащили, и остальных вытащим. Петя раздобыл рацию. И...

— Уберите руку! — ругнулась Анна, почувствовав как нечто тяжелое опустилось ей на плечи.

— Не кричи, незачем привлекать внимание бандитов.

— Уж лучше бандиты! По крайней мере никто из них не пытается меня облапать!

— Да? Странно как... — раздался вкрадчивый шёпот над самым ухом. — Ты поэтому такая дикая?

Анну опять передёрнуло, но на этот раз отстраниться просто так ей не позволили. Сильные, покрытые потом пальцы до боли сжала плечо, притягивая к себе поближе.

— Поцелуй, говорят, помогают расслабиться, — с сальной улыбкой проговорил Максим.

Она рванулась из чужих объятий так резко, что в глазах вновь всколыхнулась толпа мурашек. Несмотря на это, девушка нашла в себе силы подскочить на ноги и отойти к дальнему краю расщелины.

— Вы в своём уме вообще?! — зарычала Аня. — Какие, нахрен, поцелуй?

— Ты чего разоралась как ненормальная?

Она вдруг почувствовала то самое отчаяние, при котором у человека просто напросто опускаются руки. Как будто бы поднявшийся внутри яростный ураган, не достигнув своего пика, мгновенно замерз и развалился на куски, словно бы никогда и не существовал. Даже не имел права на существование. Словно бы человек, сидящий прямо перед ней, лишь одной фразой смог вывернуть возмутительную, дичайшую ситуацию наизнанку.

Столько лет работы бок о бок, и она, казалось, знала своего начальника лучше, чем кто бы то ни было. Знала, но никогда не могла понять. Общение их, тон которому он сам задал с первого же дня знакомства, тесное, порой, совсем не рабочее, всегда сводилось к нелепым комплиментам или вдруг ни с того ни сего куда-то не туда полезшим рукам. И каждый раз, когда она выказывала свою неприязнь, Максим умудрялся сделать глупой разоравшейся истеричкой именно Анну.

В подобные моменты девушка захлебывалась собственным бессмысленным

существованием, бессильными ударами в воображаемую, напрочь забетонированную дверь чужого разума. И чувствовала пугающую невозможность доказать миру, что она нормальная. Тогда как всеми уважаемому директору театра русской культуры и доказывать никогда ничего не нужно было, только играть роль отзывчивого и понимающего добряка.

— Боги мои, — сорвалось с её губ, — какой же ты конченный дебил!

— Анна, не хами мне! — возмутился Максим.

— Пошёл в жопу!

— Как ты разговариваешь со своим руководителем?

— Говна ты кусок, а не руководитель! — гневно отозвалась она, отходя назад, потому как мужчина поднялся и уверенно шагнул к ней навстречу.

— Анна, послушай! Послушай, я ведь понимаю... — Максим постарался больше не делать резких движений. Добавил в голос спокойной, но твёрдой уверенности, чтобы девушка, бывшая по его мнению не в себе, не удумала сотворить что-нибудь опрометчивое. — Я понимаю, Анна. У тебя просто нервы сдали. Такое бывает. Сделай глубокий вдох...

Тут Аня не могла не согласиться. Она собиралась рассказать начальнику, как выглядят по-настоящему сдавшие нервы со всем обширным познанием своего русско-матерного словаря, потому набрала в грудь побольше воздуха, и...

— Ма-ма-а-а! — заорал пронесшийся мимо Пётр Фомич.

Мгновение назад он, запыхавшийся и перепуганный, выскочил из зелёных зарослей так стремительно, что ни Анна, ни директор ничего не успели понять. И только когда безопасник с невиданной для своих габаритов прытью пересёк узкую расщелину, явно направляясь к противоположному её выходу и крича на ходу «Медведь, блядь, Максим, там медведь!», до обоих дошло, что случилось нечто непредвиденное.

Первым сориентировался начальник. Он схватил остолбеневшую Аню за руку и понесся вслед за Петром. Всё это случилось в какие-то считанные доли секунды, но краем зрения девушка успела отметить, как за её спиной нечто огромное выступило из разлапистых тропических кустов и тут же пустилось в погоню.

Через пару десятков метров они выскочили на каменистый участок берега, резко обрывающийся отвесной скалой прямо у ног. Внизу виднелись острые хребты камней и шумный океанский прибой. Пётр без лишних раздумий на ходу ухнул в воду. Максим решил последовать его примеру, но Анна вдруг с силой выдернула свою руку и отступила в сторону.

— Ты сдурела? — ругнулся на неё мужчина. — Прыгай!

— Я не умею плавать! — заорала она в ответ.

— Другого пути нет!

— Уж лучше сдохнуть от лап медведя!

— Аня... — С застывшим в выражении ужаса лицом, Максим словно бы в замедленной съемке увидел, как позади девушки возник крупный сизо-бурый зверь. В одном мощном рывке он бросился вперёд и тут же повалил Анну на землю.

Ни испугаться, ни вообще что-либо понять она не успела. Животное, придавившее её грудную клетку своей тяжелой лапой, издало утробный рык и открыло огромную вонючую пасть, чтобы в следующий миг вцепиться зубами в бледную руку девушки. Лишь слегка оцарапав клыками кожу, медведь принялся кусать ошейник, который Аня каким-то чудом всё ещё сжимала в одеревеневших пальцах.

— Настенька? — прошептала дрожащим голосом она.

В ответ зверина, довольно фыркнув, шершавым языком лизнула ей щёку.

Анна безвольно разжала руку, всеми силами желая, чтобы этот чертов день уже закончился. А заодно и последующие несколько тысяч штук тоже. Жизнь последнее время казалась ей чересчур сложной для такого маленького объёма лёгких (тут медведица надавила на рёбра чуть сильнее, неловко переминаясь и пытаясь большим черным носом подцепить кожаный ремень); а ещё для такой слабой черепной коробки (затылок вновь отозвался тупой болью); ну и, в конце концов, для столь коротких веточек нервных окончаний, которые лично у Ани перегорели напрочь ещё в тот момент, когда перевернулся автобус. Теперь ей уже было просто все равно, и апатия навалилась на неё столь сильно, что чей-то знакомый голос даже не вызвал удивления.

— Настя, кто там! — прикрикнул на зверя возникший словно бы ниоткуда Тимур. — Кто там, Настя! Мать твою, слезай давай с неё, я кому говорю?!

Медведица обрадовалась его неожиданному появлению: проворчала что-то почти ласковое на ведомом лишь ей одной языке, а после, к удивлению так и не успевшего шмыгнуть с обрыва Максима, не стала противиться, когда её властным жестом ухватили за холку и тут же пихнули в сторону.

— Шуруй давай, ну! — раздраженно пробормотал Тимур. Другой рукой ему пришлось придержать Настеньку за пасть, чтобы та со щелчком её прикрыла. И не думала лезть к нему со своим мокрым, разящим зловонием языком. — Гуляй!

Пока парень возился со здоровенной звериной, подслеповатой из-за бельма на правом глазу, носящей на своей седой шкуре огромные застарелые шрамы, Максим Сергеевич решил было помочь растянувшейся на земле Анне. Но едва он попытался сделать в её сторону крошечный шаг, как получил весьма недвусмысленное предупреждение в виде десятка дул автоматов, нацеленных прямо ему в грудь.

Конечно же, направляясь на поиски, Тимур первым делом подумал о том, чтобы захватить с собою хорошо вооруженных и не менее натренированных наёмников. Одному из них он отдал на попечение Настю, обиженно притихшую то ли от нацепленного ошейника, то ли от того, что её отчитали за плохое поведение.

— Я не привык винить кого-то в происходящем, — угрожающе выговорил Тим, бросая на Максима краткий взгляд поверх очков. — Но очень советую не рыпаться.

— Слушай, мы не...

— Заткнись. — Он протянул Ане руку и помог подняться.

Девушка вела себя заторможено, словно бы не до конца понимала, где находится и что вообще происходит, но в целом, кажется, пострадала не сильно. По крайней мере, внешне.

— Прости, — тихо произнёс Тимур, — я опять накосячил. Ты как? Настя тебя не ранила?

— Тимур, — пробубнила она себе под нос.

— Да, Ань?

— Это нихрена не собака.

— Конечно, нет. Это медведица, я же тебе говорил.

— Да что б тебя, — процедила Аня сквозь плотно стиснутые зубы. Поняв, что её вот-вот начнёт истерично потряхивать, она со всей силы вцепилась в футболку Тимура, уткнулась в его грудь лбом и разревелась.

Три серии и спецвыпуск

С высоты крытой террасы Тимур отстранённо взирал на развернувшуюся внизу бурную деятельность. По внутреннему дворику виллы, вполтину занятому бассейном, передвигались Анины коллеги. Пока ещё осторожно, словно проверяли границы дозволенного, они, тем не менее, довольно быстро заняли почти всё свободное пространство собой и своими вещами.

Кто-то негромко беседовал и распаковывал чемоданы, кто-то совал босые ноги в голубовато-прозрачную, слегка отдающую хлором воду, явно примеряясь, не влезть ли целиком. Но самые преданные, конечно же, сидели рядом с Максимом Сергеевичем. Тот, развалившись на шезлонге в тени большого зонта, бросал будто бы незаметные взгляды на верзил-наёмников, что охраняли периметр.

— Наши котятки вполне здоровы. Я проверила их царапины и выдала крема от загара, — проворковала Мишель, склонившись к уху Тимура. — А тебе, друг мой, ничего не нужно?

— Я тоже здоров.

— Как будто бы. — Врач блеснула идеальной белоснежной улыбкой и поднесла к губам доверху забитый льдом бокал. — Есть у меня одно проверенное средство от сердечных ран.

— Не сегодня.

— Что ж... ты прав, дорогой, у нас ведь ещё остались дела, верно?

Тимур нахмурился, но ничего не ответил. Взглядом выискал у дальнего конца бассейна Анну.

На мягкой обивке шезлонга она сидела вполоборота, чуть вытянув одну ногу вперёд, и плавными движениями рук втирала в кожу крем от загара. Рядом с ней красивая брюнетка лет тридцати пяти потягивала сок из высокого стакана. Её тёмно-каштановые пряди были подсобраны в растрепанный, высокий пучок, что придавало миловидному лицу женщины какой-то совсем уж ребяческий вид. Она, не особо скрываясь, громким шёпотом рассказывала Анне, как совершила дерзкое нападение с последующим нанесением укусов и царапин «вон тому подкачанному азиату», внешность которого её приводила в неподдельный восторг. Когда болтовня их дошла до рассуждений «а может, он и повторить не прочь?», Аню прорвало на такой раскатистый смех, с одной лишь ей присущими звенящими нотками, что Тимур невольно заулыбался в ответ. Хохотала она понятно почему: речь ведь шла о Хэ Яне, который в этот момент спускался с боковой лестницы террасы во двор.

— О, боги, Марго! — воскликнула Аня. — Конечно, я могу вас познакомить, но, боюсь, даже такой женщине, как вы, не под силу растопить лёд в его сердце.

— От чего же? — накрутив волнистую прядку на палец, кокетливо поинтересовалась она. — Разница в возрасте?

— Ой, да бросьте, кого и когда это останавливало?

— Тогда в чём же дело?

— А всё очень просто: Ван Хэ Ян неприступен как скала.

— Какое интересное имя... — Марго проводила чужую широкую спину оценивающим взглядом, спустилась ниже, до подтянутой задницы, а после задумчиво произнесла: — Мои познания в китайском не столь обширны, но если я правильно помню, то дословно оно

переводится как «Тёмный Князь».

С очередного заливистого хохота у Ани свело скулы, но остановиться не было никакой возможности. Это ж надо — тайна имени, и как точно попавшая в цель. Она и без того считала, что среди всех её знакомых брат Тимура как нельзя лучше подходит на роль Черного Властелина из какого-нибудь заправского романтического фэнтези, однако и подумать не могла, насколько оказалась права.

Звонкий Анин смех долетел аж до противоположного конца бассейна. Оттуда, не преминув подбавить в интонации ядовитого шипения, столь же громко заявили:

— Некоторые люди просто понятия не имеют о правилах приличия!

Аня, заслышав это, тут же нахмуренно умолкла.

Не то чтобы веселье её кому-то мешало. Неожиданно звучной волной оно ворвалось в тихую мышиную возню остальных, но, кажется, никто в этот момент не был занят решением сверхважных, требующих полного напряжения всех умственных способностей мировых проблем, чтобы вот так реагировать на внешние раздражители. И бросать в воздух неприязненные, полные пассивной агрессии комментарии, точно зная, что в ответ девушка ничего предъявить не сможет. Ни к кому же, собственно, не обращались, верно? Так нечего и возмущаться. Только выставять себя дурой.

«Город засыпает, — подумалось Тимуру, — просыпаются крысы».

Он-то прекрасно видел, как на Аню реагируют остальные. Как собеседница её взмахом руки показывает быть потише, потому что на них стали оборачиваться. Как Максим Сергеевич укоризненно качает головой, а администратор Эдичка, услужливо поднёсший директору ведёрко со льдом, кривит губы в презрительной усмешке.

Какой дружный коллектив. Тимура так и подмывало спросить, довольна ли Анна своим выбором. Впрочем, вчера вечером, едва они все вернулись обратно на виллу, а медведица была загнана в самый дальний, пустующий вольер, у них с Аней и без того вышел неприятный разговор. Если не сказать ссора.

— Верни нас всех домой, — без каких-либо эмоций проговорила она тогда.

— Окей, — с видимым спокойствием пожал плечами Тим. — Послезавтра всех ссадим на баржу, как и обещал.

Из-за того, что Аня слишком часто прикладывалась травмированным затылком то об одну, то об другую поверхность, мутило её довольно сильно. Пилюли, выданные Мишель, не помогали, как и советы принять горизонтальное положение. Так становилось только хуже. Тогда врач, о чём-то предварительно посоветовавшись с Тимуром, аккуратно положила ей на голову свои большие ладони, и девушке показалось, что по волосам словно бы наэлектризованной расчёской прошлись. Тошнота с глухой, изнывающей где-то в центре мозга болью вмиг сошли на нет. И по осторожной улыбке Мишель Аня поняла, что вопросов задавать не стоит. Явно никто толком не объяснит произошедшее.

— Тебе лучше? — спросил Тим, как только врач убрала руки и из деликатности решила оставить этих двоих наедине. Хотя пациентке её противопоказаны были хоть какие-то волнения сверх тех, что она пережила за прошедший день: с похищением, знакомством с Настенькой и последующей истерикой. Но Тимур места себе не находил, пока Мишель приводила девушку в относительно стабильный порядок, и теперь, по всей видимости, не собирался больше оставлять её без присмотра.

А Анна... Анна должна была чувствовать себя опустошенной и вымотанной, но вместо этого почему-то пребывала в таком праведном негодовании, что в ответ на свой вопрос

Тимур тут же получил требовательное:

— Будь добр, выпусти людей из клеток!

— Нет, — нахмурился он. — Я этого не сделаю.

— Сделаешь.

— Нет, Ань, ну сколько можно повторять...

— Что повторять? — вмиг разозлилась она. — Так безопаснее? Тогда почему эти двое в джунглях оказались? Или теперь так тоже безопаснее? Что-то по Настеньке не скажешь! Это ж здоровенный дикий медведь, Тимур! А если бы она на них раньше напала?

— Я понимаю твоё беспокойство, — медленно, словно стараясь подбирать слова, выговорил Тим. Аня повышала голос, прекрасно зная, что разговаривать с ним в подобном тоне чревато. Такого он с рук не спускал никому, но в данной конкретной ситуации большая часть вины лежала на его плечах. Поэтому парень выдохнул и как можно спокойнее пояснил: — Настя уже очень стара, она едва передвигается. Я не видел её больше месяца и был уверен, что медведица просто ушла умирать.

— О, да, заодно прихватив моё начальство с собой!

— Замечу, что никто твоё начальство насильно в джунгли не тащил.

— Класс, Тимур, просто супер! — В нервном жесте она резко взмахнула руками. — Мне теперь на тебя не беситься, что ли?

— Ну, побесись, если легче станет, — холодно отозвался Тим, глядя куда-то в сторону.

— Мне легче станет, если ты ответишь, когда об их побеге рассказать собирался?

— Ань, я...

— Нет, даже не начинай! — резко предостерегла она. — Не хочу слышать очередное «прости»! Я здесь по твоей прихоти, Тим, и уже заработала себе триггеров жизни на три вперёд. Извинениями тут не отделаешься. Выпусти людей!

Менять принятые решения не входило у него в привычку. Но Аня имела право просить, потому что была не просто гостем в его доме, а ещё и близким другом, которому действительно досталось за эти несколько дней. В конце концов, Тимур крайне неохотно согласился выпустить трупку, но с тем условием, что ночь гости все равно проведут в закрытых вольерах на своих матрасах.

И вот теперь они, с присущим всем русским людям деловитым хамством, оккупировали территорию его бассейна. Тиму не было жалко места. Ему ничуть не мешал ни нарастающий гул их болтовни, ни внутренние дрызги, однако то, что с Аней он теперь словно бы оказался по разные стороны баррикад, и девушка, вероятнее всего, разговаривать с ним не желает — это заставляло его испытывать глухое какое-то, ворчливое раздражение.

Причём на самого себя.

— Довольно странно, — проговорила Марго, наблюдая за тем, как Анна долгим взглядом провожает уходящего с верхней террасы хозяина виллы.

— Вы о чём? — повернулась к ней девушка.

— Да вообще обо всём, — легко пожалала оголенными плечами она. — Тимур этот твой, к примеру. Говоришь, он здесь живёт? Человек находится на тропическом острове под палящим солнцем круглый год и ни капли не загорел?

— А, это, — улыбнулась Аня. — У него такая форма альбинизма, вместо загара — куча веснушек и пигментных пятен, потому что кожа не вырабатывает меланин с рождения.

— А волосы? — всё не унималась Марго. — Разве у людей с этим заболеванием не

белые волосы? Он их красит?

— Да, красит.

— И ты действительно видишь его впервые за десять лет знакомства?

— Впервые, — отозвалась девушка, вновь беря тюбик с кремом и принимаясь намазывать другую ногу.

Анне вспомнился один из тех давних разговоров, когда Тимур, после тяжелого окончания довольно-таки болезненных отношений, решил выкрасить волосы в чёрно-белую полоску. И прислать ту самую фотку, по которой она его и узнала, там, у крыши перевернутого автобуса.

Возможно, Марго была в чём-то права. Всё произошедшее со стороны могло показаться странным, даже безумным кошмаром, и человек это задумавший вряд ли в чьих-либо глазах сошёл бы за нормального члена общества. Но Тимур, вот такой, каким он предстал перед ней в живом общении, почти ничем не отличался от того, с кем Аня вела переписку все эти долгие годы. Те же мысли и словно бы разделённое на двоих дурацкое чувство юмора; те же реакции и заскоки, к каким она давно привыкла; та же степень доверия, когда можешь рассказать обо всём на свете, глупом, даже болезненно страшном, и не услышишь в ответ безразличного совета смириться или, чего хуже, потерпеть.

За несколько прошедших дней они с Тимом не только успели узнать друг друга получше, но и не раз поцапаться. Как ни странно, Аня не жалела об этом. Потому что спорить с тем же Максимом Сергеевичем или (не дай боги) с его безопасником Петром всегда выходило себе дороже. В редких стычках с начальством девушке становилось жутко из-за чужой, неизменно направленной на неё агрессии. Тимур же, за спиной которого была толпа вооруженных до зубов громил, даже голос в ответ не повышал. И уж точно никогда бы не воспользовался силой или собственным авторитетом, чтобы что-то ей доказать.

— Поражаюсь твоему спокойствию, — хмыкнула Марго, помешивая тонкой розовой трубочкой остатки льда в своём стакане.

— А чего нервничать? — спросила Аня. — Тимур обещал, что никого из вас и пальцем не тронут, и, судя по всему, так оно и есть. Меня вроде ни к чему такому не принуждают, даже кормят и выпускают погулять, — смешливо улыбнулась она. — Так что не вижу причин трястись раньше времени.

— Ну, не я здесь сижу с сотрясением. Скажешь, тоже никто не виноват?

— Может и виноват, — легко согласилась Анна. — Но что поделать? Между тем, приниматься ли обвинять кого-то во всех на свете грехах или просто верить в то, что так сложились обстоятельства, я выберу последнее. Потому что я правда верю и они правда так сложились. Хотя за мои истрепанные в драную тряпку нервы Тимур ещё получит, — шутливым тоном закончила она. Потрясла кулаком в сторону террасы, хотя там никого уже не было, и поднялась с лежака.

На Марго, качавшую головой с явным неодобрением, Аня предпочла не смотреть. Их разговор вышел утомительным и больше походил на допрос, от чего девушке захотелось поскорее его окончить и куда-нибудь сбежать. Возможно, в тихую полутьму большой кухни, где под ногами уже наверняка вертелась наглая циветта, а в холодильнике Аню совершенно точно ждала мисочка обещавшего застыть желе, с кусочками тропических фруктов и каких-то тонких веточек трав, мягко пахнущих карамелью. Их на островах Океании принято было добавлять в сладости, как пояснил ей ещё утром Дарма, с трудом преодолевая языковой барьер.

Анна прошлёпала по мокрой плитке мимо изогнутого крупной волной бассейна; по пути увернулась от фонтана брызг (как раз в этот момент кто-то из вокалистов решил бомбочкой ухнуть в воду), и, стараясь не привлекать внимание, свернула к зеленой изгороди.

Её план побега от порядком надоевших коллег имел все шансы на успех. Вот уже меж кустов показалась знакомая тропинка, возле которой каменным изваянием застыл один из наёмников. Кажется, его звали Интан. Чертами лица он сильно напоминал того же Дарму, поскольку оба были коренными малайцами, но различать этих двоих для девушки не составило особого труда, хотя бы по тем же шрамам на теле. У Интана их было гораздо меньше.

— Ты же пропустишь меня на кухню? — уточнила Аня на всякий случай. — Или не велено?

Мужчина перевёл на неё скучающий взгляд. Окинул им с ног до головы, без оценки или особого какого-то отношения, так, словно бы просто пытался понять, чего от него хотят. Что вполне имело место с таким ужасным (читай: нулевым) уровнем английского, каким владели почти все наёмники Тимура. Диалектной версии их малайского Анна тоже не знала, поэтому приходилось изъясняться едва ли не на пальцах.

Она уже собиралась повторить вопрос, даже начала подбирать в голове слова для более простой речевой конструкции, как Интан чётко произнёс:

— Сто баксов.

— Что? — удивилась девушка.

— Сотня. И иди.

— Ничего себе цены!

— Жить — дорого.

— Это тебе к боссу, пусть зарплату поднимает, — с улыбкой отозвалась Анна, сообразив, что собеседник просто-напросто шутит.

Фразочка была посложнее, поэтому Интан на пару мгновений призадумался. Пожевал губами, неловко поправил лямку оружия на плече и, наконец, изрёк:

— Нет, много платит. Хорошо.

— На жизнь хватает?

— Да.

— Тогда нахрена тебе моя сотня?! — смешливо возмутилась девушка. Интан ответил широкой, чуть кривоватой из-за мелкой сетки шрамов ухмылкой, и повёл плечом в сторону, чтобы Аня смогла пройти по тропинке дальше (на кухню или куда она там собиралась), но чей-то внезапный оклик заставил девушку удивленно обернуться.

— У тебя всё в порядке? — поинтересовался Эдик, с хамоватым любопытством оглядывая стоящего рядом с Анной плечистого наёмника.

Единственное, чем Интан уступал щуплому, бледному администратору театра русской культуры, так это ростом, поскольку был довольно приземист, головы на полторы ниже Эдички. Парень от такой разницы никак не выигрывал, но сам, по всей видимости, считал иначе, потому что следом от него послышалось не менее самоуверенное:

— Ань, если тебя достают, ты только скажи.

— И что?

— И разберёмся.

— Эдя, — со вздохом проговорила девушка, — вернись, пожалуйста, к бассейну.

— Твоё дело, — пожал плечами он. — Я только помочь хотел.

— Ага.

— Это вместо «спасибо»?

«Это вместо «Иди в жопу», — подумалось Анне, но тут она очень кстати вспомнила о чужой меркантильной натуре и настороженно поинтересовалась:

— Ты хотел что-то?

— Ну, даже не зна-а-а-ю, — протянул Эдик с таким видом, словно бы не ему вообще всё это было нужно. Он же здесь по доброте душевной решил помочь, а его ещё и слушать не желают. — Я мог бы немало порассказать об очень тесных и, не побоюсь этого слова, интимных связях в нашем маленьком дружном коллективе. Если кому-то вдруг такая информация покажется интересной, конечно.

— О каких связях? — не поняла Аня его витиеватых фраз.

— Например, об отношении директора к своим самым приближенным, самым доверенным лицам, — милостиво пояснил он.

— Ясно.

— Ну так что, — с ухмылкой продолжил Эдик, наблюдая за сменой настроений на её лице: от настороженного до напряженного, и теперь, казалось, совсем расстроенного. — Идём поболтаем в сторонке?

Анна от подобной наглости поначалу просто растерялась.

Будь здесь Тимур, он бы, конечно, посоветовал ей послать собеседника в такие дальние дали, откуда бы тот не вернулся ни через неделю, ни через десять лет. И был бы прав, потому что окажись у Эдуарда на руках хоть самые страшные секреты мировых держав, хоть самые правдивые слухи об Аниной связи с начальником, ничего бы это в её жизни не поменяло. Сплетни, перемолотые кости и выпотрошенное грязное бельё ещё ни разу не принесли ей счастья, только одну сплошную едкую ненависть.

— Знаешь-ка что, Эдь? — спокойно проговорила девушка.

— Ну?

— Мы с тобой обязательно поболтаем, как только у меня, м-м-м, ну... — задумалась она лишь на секунду, затем кивнула сама себе, будто бы найдя наиболее удачный вариант, и продолжила уже бодрее: — Когда у меня выдастся свободная минутка. А пока к тебе будет одно ответственное задание. Мне его Максим Сергеич поручил, но со всей этой суматохой совсем из башки вылетело. Что поделатъ, — Аня легко пожалала плечами, — девичья память. Так поможешь мне?

— Помочь? — удивлённо пробормотал Эдик, ещё не до конца осознав, как их разговор перетёк в другое русло. Но уже заранее предвкушая, в каких красках распишет кое-чью дырявую, непонятно чем забитую голову. — С чем?

— Нужно срочно собрать сотню баксов. — Аня повернулась к Интану и, поскольку весь диалог её с Эдуардом велся на русском, по-английски уточнила: — Сотню же, да?

— Да, — со смешком отозвался наёмник.

— Ну вот, сто долларов надо, Эдь.

— Что? Зачем?

Анна с Интаном переглянулись, и тот понял её без слов. Оба они почти синхронно посмотрели на вмиг сконфузившегося парня так, что он явно почувствовал себя здесь самым тупым. Потому что все знали какую-то понятную и доступную информацию, даже Максим Сергеевич, давший такое поручение, был в курсе, а он, администратор всей труппы, отчего-то — нет. И поскольку собеседники его продолжали молчать, Эдик, попытавшись придать

голосу деловитости, надменно выдал:

— Я, в отличие от некоторых, ответственно подхожу к приказам высшего руководства! И мне нужно больше вводной информации, чтобы пояснять людям, для каких нужд нам понадобилось собирать такую сумму.

— Да-да, — со всей серьезностью отозвалась Аня, — это правильно, хороший подход.

— Так зачем деньги?

— Ну, как же, Эдь? Ты не знаешь, что ли?

— К сожалению, меня не ввели в курс дела, — почти без заминки выговорил Эдик. — Кто-то явно забыл сообщить мне об этом.

— Правда? Как жаль.

— Так ты... не скажешь?

— Что сказать?

— Господи, Аня! — не выдержал парень. — Нахрена нам сотня долларов?

Ответа у неё не было, да и строить из себя откровенную дуру ей порядком надоело. Поэтому Анна в поисках хоть какой-то помощи осторожно покосилась на Интана. Наёмник же, то ли долго соображая, то ли выдерживая присущую случаю напряжённую паузу, вновь проявил чудеса смекалки. И на удивление чётко выдал:

— Сервисный сбор.

— Я бы не сказал, что это мой промах, — задумчиво произнёс Тимур. — Ведь жизнь — не шахматная партия, и любая на много ходов рассчитанная стратегия всегда имеет шансы на провал из-за сучьей случайности. Это я тебе, Пётр Фомич, всё объясняю, что бы ты, кретин контуженный, не приписывал себе великих заслуг. И да, заранее прошу прощения за оскорбления, я, по некоторым причинам, вне себя от ярости, и буду поливать тебя грязью без остановки. Как грубо с моей стороны. — Он слегка покачал головой. — Но тебе просто не повезло попасть под горячую руку. А ведь везение — это всё те же случайные переменные...

— Что за херню ты несёшь? — усмехнулся мужчина. На протяжении десяти долгих, показавшихся растянутыми на часы минут он неустанно следил за тем, как хозяин виллы измеряет шагами небольшое подвальное помещение, в которое не столь давно приволокли самого Петра.

Парень замер на половине движения и резко развернулся к собеседнику. Из-за отсутствия очков ухмылку на круглом, мясистом лице мужчины было не разглядеть. Но Тимур прекрасно знал, что стоит сосредоточиться, и он даже с такого расстояния отчётливо увидит чужие глаза, сможет завладеть вниманием их хозяина и заставить подчиняться. Вместе с альбинизмом, гемофилией и постоянно ухудшающимся зрением ему в наследство досталось ещё и это. Способность, которая не раз спасала жизнь. И калечила тоже.

— Как ты передал сигнал?

— Что, гондон, думал, понаставил глушилок, и ни одна волна не проскочит? — прорычал безопасник в ответ. — Даже если ты пристрелишь меня, мои парни успеют до тебя добраться! Посмотрим тогда, сколько заплатят уже за твою голову!

— А я тебе и так скажу, — спокойно ответил Тим. — Дохрена.

— Этот Матахари Хитам, видать, печётся о каждой своей сучке?

— О, боги... ну ты-то откуда о нём знаешь?

— Мне многое известно.

Тимур возвёл задумчиво-вопросительный взгляд к растрескавшемуся потолку,

щербатому от времени и слегка влажному. Отстраненно проскользнула мысль запланировать на следующую неделю проверку системы кондиционирования. Более оформлено подумалось, что только теперь он в полной мере проникся Аниным руководством. Хватило парочки не самых мудрых бесед, чтобы осознать всю глубину того дна, куда приходилось проваливаться с целью хотя бы примерно начать понимать, о чём вообще говорят эти люди.

— Ты, да и все тут, — продолжал распинаться Петр, — работаете на него!

— Мишель, какого хрена? — воскликнул на это Тим.

— Что такое, дорогой? — отозвалась врач, неторопливо выкатывая на середину комнатухи жестяной столик с медикаментами и шприцами.

— Почему зарплату выдаю я, а пашете вы все на него?!

— Ты же понимаешь, мой мальчик, картель — дело семейное.

— Безобразие!

— Ну что я могу.

— Клоуны, — процедил безопасник сквозь зубы. И попытался незаметно ослабить узлы жёсткой верёвки позади себя.

Его запястья сковали профессиональным приёмом, вывернув руки под нужным углом и заведя за спинку высокого стула так, чтобы он не имел возможности вырваться, не навредив себе. Если сидеть прямо, не шелохнувшись, боли не чувствовалось. Но одно движение чуть вбок или в сторону, и руки начинало ломить просто нестерпимо. Однако кое-чего эти бандиты не учили. Пётр был привычен к боли, и помешать ему она не могла.

— Уроды конченные, — вновь ругнулся мужчина, но без вызова в голосе, так, лишь для того, чтобы поддержать взятую на себя роль разъяренного заложника. Мозг его тем временем хладнокровно оценивал обстановку.

— А! У нас сегодня ответный обмен оскорблениями? В таком случае... — в краткой паузе Тимур приблизился к связанному Петру и наклонился так, чтобы их лица находились очень близко друг другу, — ...я спущусь чуть ниже твоего виртуозного уровня, и просто вырву тебе...

— Сеймур, — негромко предостерегла Мишель.

— Вот говно! — донесся раздраженный выдох. — Выполненные обещания, дорогой мой Пётр Фомич, вот что позволяет нам оставаться людьми!

— Что, всё ещё строишь из себя хорошего парня? — вновь ухмыльнулся безопасник. — Ты меня в свою пыточную камеру притащил, ублюдок ненормальный! Какие, к херам, обещания?

— Камеру? — Тим поднял удивлённый взгляд на Мишель, столкнулся с её не менее озадаченным, а затем они вместе бегло осмотрели маленький старый подвал, что был завален всяким ненужным хламом, вроде строительного мусора и прохудившихся корзинок для сбора фруктов.

— Д-а-а-а, — задумчиво протянула врач, — надо бы тут прибраться.

— Я не пойму, Пётр Фомич, вас там в разведке всех с детства об пол роняют? Или ты у них один такой дурак?

— Пошёл ты нахуй! — рыкнул мужчина в ответ.

— Я пошёл? — с тихим смешком отозвался парень. Качнул головой, отчего чёрно-белые пряди челки упали ему на лоб, и с угрозой заглянул собеседнику в глаза. Зрачок их был расширен не иначе как на адреналине, но сам Пётр в ответ смотрел прямо и с вызовом, без капли страха. Страху Тимуру и не нужно было. Только зрительный контакт. Поймав его

словно бы в сети, он чуть склонил голову вбок и тихо продолжил: — Раньше я бы из-за такого взорвался. Орать бы начал и, вполне вероятно, наделал бы глупостей. Но некоторые неприглядные эпизоды моей жизни заставили меня пересмотреть своё отношение к гневу. И вот что я понял: люди, друг мой, имеют право на своё мнение. Они сами решают что, кому и когда говорить. А ещё, — его губы растянулись в зловещей усмешке, — люди несут полную ответственность за весь свой сраный выбор. Понимаешь? И то, что с тобой произойдёт дальше, есть результат твоих собственных поступков... чёрт, говорю уже как отец, — ругнулся Тим, переходя на малайский и принимаясь, судя по интонации, ворчливо, но беззлобно кого-то костерить.

— Философ херов, — только и выплюнул Пётр в ответ. — Ты там сам с собой разговариваешь? Совсем фляга усвистела?

— Какое интересное выражение, — удивленно проговорил парень, возвращаясь к русскому. — Что оно значит? А, нет-нет, погоди, сам пойму... м-м-м, что я с ума сошёл? Типа крыша поехала? Как забавно, я запомню.

— Точно ебнулся.

— Ладно, — внезапно посерьезнел Тимур, перекраивая одной своей интонацией весь смешливо-идиотский тон разговора. — Вернёмся к тому, куда я там пошёл и как ты, партизан драный, отправил сигнал бедствия. Думается мне...

— У наших разведчиков свои способы, — перебил его Пётр.

— Думается мне, — с нажимом продолжил парень, — ничего умнее в твою контуженную голову не пришло, как спереть рацию и попытаться настроить её на нужную частоту. И тебе, как ни странно, это удалось. А всё почему? Потому что рядом по чистой случайности проплывало довольно большое судно.

— Уверен?

— Я-то? — с улыбкой произнёс парень, будто бы ждал именно такого вопроса. — Сейчас расскажу тебе одну интересную историю. А ты послушаешь.

— Да ну на... — но Пётр и закончил не успел, как по взгляду собеседника понял, что да, он будет внимать ему с должным интересом, ловя каждое слово на лету. Возражать? Можно. Орать тоже сколько угодно. Но проигнорировать или отвлечься от того, что ему собирались поведать — нет. Мужчина ощутил, как прямо в центре черепной коробки чья-то мощная когтистая лапа словно бы сдавила его волю. И ужаснулся бы, не будь это чувство давно им забыто.

— С твоего позволения, я перейду на английский, чтобы моя дорогая Мишель, — Тимур легким кивком указал в сторону врача, — тоже поразились тем удивительным событиям, которые не столь давно произошли в одной крупной австралийской компании.

— Ну, же, милый, не томи, — со смешком проговорила Мишель, встряхивая небольшую, с палец величиной, стеклянную ампулу. Поднесла поближе к глазам и с негромким бормотанием выдала: — Надеюсь, доза правильная.

Пётр же смолчал. Едкое, едва ощутимое чувство подкрадывающейся опасности не беспокоило его. Он был занят верёвкой на своих запястьях, узлы которой, наконец, поддались.

— Жил да был на свете мистер Лиам, — вдохновенно начал Тимур. — Впрочем, он и сейчас живёт, но не особо здравствует. Ну, не об этом. Мистер Лиам работал в уже упомянутой мною компании под названием ВизитедИнтернейшенл. И был он там не абы кем, а целым главой Западного отделения сбыта сельскохозяйственных культур. Таким

мужчинам положено иметь загородную виллу, две машины и любовницу. Фу, какой шаблон, скажете вы, но, что поделывать, все мы люди, и у мистера Лиам действительно была очаровательная любовница Джульетт, которой он по доброте душевной подарил новенький порш.

— К чему ты несешь весь этот бред? — не выдержал Пётр.

— Да, приятель, — протянул Тим, — разделяю твоё негодование: порш в подарок любовнице — та ещё пошлость. Но дело не в том, что розовый тачку не красит, а в том, что приобрел он эту тачку на деньги компании. Как, спросишь ты? А очень просто: мистер Лиам — хитрая задница — закупил очень дешёвый аналог инсектицидов для борьбы с саранчой на принадлежащих ВизитедИнтернейшенл полях, а по официальным отчётам, естественно, провёл иную сумму. Территории обработали, но саранче даже понравилось, и она с радостью загубила весь урожай, предназначенный на экспорт. Что делать? — развёл руками Тимур. — Контракты заключены, головной офис требует поставку зерна, которого нет, а любовнице хочется майбах. Последнее — шутка.

— Говно шутка, — усмехнулся безопасник.

— Ну так, какие критики — такие и шутки.

— Пошёл ты...

— Уже ходил. И даже понравилось.

— Пидор чёртов.

— Ну-ка заткнись и не перебивай, — смешливо пожурил его Тимур, протягивая руку и слегка хлопая по обвисшей щеке. Пётр попытался шарахнуть в сторону, но от резких движений запястья сковало болью, а чертовы узлы, казалось, затянулись сильнее. Тим, словно бы не обратив на чужие шатания никакого внимания, продолжил как ни в чём не бывало: — Вернемся к мистеру Лиаму. Звонят ему из головного офиса, напоминаю, требуют поставок. А поставлять нечего. И он не придумал ничего лучше, как скупить остатки зерна (плохого, естественно, качества) у всех частных ферм в округе. И как у него всё это так ловко получается проворачивать? А вот потому что жёнушка мистера Лиам, соответственно миссис Лиам, работала в той же компании, только главой Отдела контроля качества. Именно её славные ручонки подписывали документы на разрешение экспорта того или иного контейнера с зерном. Но вот вопрос: кто же подготавливал сами документы? — Он выдержал недолгую театральную паузу, но не дождавшись никакой реакции со стороны своих слушателей, продолжил: — А всей подготовкой документов занималась её помощница Джульетт, та самая любовница мужа. А? Каково! Но это только первая серия.

Вторая начинается с того, что Джульетт не посчастливилось подслушать телефонный разговор мистера и миссис Лиам. Они как раз решали, как прикрыть свои задницы, если дураки в головном офисе все-таки окажутся не такими дураками и всё поймут. Выходило очень складно, всегда ведь можно подставить того, кого больше всех трахают. И Джульетт услышала своё имя.

— Пресвятая мать, они хотели свалить всё на бедную девочку? — воскликнула Мишель.

— К сожалению, им удалось сделать и худшее! — Тимур удрученно вздохнул. — Джульетт, будучи натурой импульсивной, тут же ворвалась в кабинет начальницы и учинила форменный скандал. Она размахивала теми самыми поддельными бумагами, кричала что-то о доказательствах и о том, что спит с мужем миссис Лиам. Последняя в долгу не осталась и в гневе набросилась на помощницу. Один неверный толчок, девчонка летит на пол. Бам! —

Тим звонко хлопнул в ладоши прямо перед лицом Петра. — И висок её ударяется об угол столешницы.

— О боги...

— Сука, — прошипел безопасник в очередной попытке отшатнуться.

— Это ещё не конец, друзья мои, — призвал их к тишине Тимур. — Но я вижу, что все мы устали, поэтому буду краток.

Итак, в третьей серии миссис Лиам, после истеричного звонка мужу, вместе с ним же избавляется от трупа Джульетт. Они почти начисто заматают следы, более того, успевают отправить все нужные бумаги на согласование туда, наверх, в головной офис. — Тим потыкал указательным пальцем куда-то в направлении потолка. — Но на сцене появляется ещё одно действующее лицо — коллега и подруга Джульетт. Она знала об её интрижке с мистером Лиамом, догадывалась о дельце с зерном, и, когда подруга пропала, конечно же, забила тревогу. Не будем вдаваться в подробности расследования, у меня тут не первый сезон «Шерлока», но доказательства нашлись. Мистер и миссис Лиам сейчас под стражей, думаю, их упекут за решетку. Эта сюжетная линия закончена.

Притихший Пётр Фомич почти добрался до второго узла на своих запястьях. Аккуратно наблюдая за вновь принявшимся расхаживать по комнатухе парнем, он всё никак не мог взять в толк, на кой чёрт ему сдалась эта мыльная история. Но переключить свои мысли на что-то, что помогло бы ему выбраться отсюда, безопасник так и не сумел. Хотя каким-то чудом пальцы рефлекторно продолжали теревить верёвку.

— Сеймур, я приступаю?

— Кульминация, Мишель, ещё кульминация, — проговорил Тим. — Когда в головном офисе всё вскрылось (а, оно, естественно, вскрылось), совет директоров решил не просирать международный контракт. Ну, знаете, чем дольше простой — тем больше издержки, огромные деньги, всё-таки. Груз им нужно было отправить ровно неделю назад, что они преспокойно и сделали, запрятав многотонный контейнер с гнилым зерном меж остальных. Японцы, которым этот экспорт предназначался, по идее, не должны были проверять всю партию. Но тут мы вспоминаем бдительную подругу Джульетт из третьей серии. Она, движимая жаждой справедливости, слила принимающей стороне номер того самого контейнера, и японцы, встретив груз у себя в порту, уже точно знали, что отправят всю партию обратно.

Тимур умолк, медленно застыв в нескольких шагах от стула, на котором восседал Пётр Фомич. Встал к нему вполоборота, а после заговорил вновь, но уже холодным, без намека на шутку и без единой эмоции голосом:

— А теперь следи за пальцами, мистер бывший КГБ-шник. Следи очень внимательно. Сегодня в пять тринадцать утра судно с грузом ВизитедИнтернейшенл внепланово проходило мимо моего острова. Возвращалось от недовольных японцев. И оно совершенно случайно поймало сигнал бедствия, который ты в этот момент посылаешь в открытый океан. Так что, да, Пётр Фомич, я уверен, что тебе тупо повезло. И чтобы выяснить это я потратил несколько часов своего личного времени, которое очень, очень дорого стоит. Знаешь, почему? Потому что я, блядь, лучший в своём деле! Потому что равных мне в добычи информации просто нет! А что насчёт тебя? Каким «своим парням» ты там отправил сигнал? Кто, по-твоему, сюда явится с австралийского грузового судна? А?.. Хотя нет, не отвечай, сам выясню, — отмахнулся Тимур с таким видом, будто бы всё, что было нужно, он от этой беседы взял. И сам Пётр ему теперь точно бесполезная и не особо интересная

подсохшая водоросль на черных гранях прибрежной скалы.

Парень равнодушно отвернулся и тут же распорядился:

— Мишель, твоя очередь.

— Ха, чёртов сказочник! — заорал Пётр. — Решил отдать меня своим уродам для развлечения?! Я живым не дамся!

Он сплюнул в сторону Мишель в выражении неприкрытой ненависти. Разъярив себя и удачно освободившись от пут, мужчина уже готов был подскочить со стула, чтобы парой-тройкой выверенных ударов вырубить этих двоих и унести ноги отсюда как можно скорее. Но даже дёрнуться не успел, как в его плечо резко вошло нечто болезненно-острое. И сознание моментально отключилось.

— Какой же гадкий мужчина, — со вздохом произнесла Мишель, вытаскивая иглу и делая маленький шаг в сторону. Завалившееся на бок тело с приглушенным стуком тут же рухнуло на пол у её ног.

— Но какая искренняя ярость, — задумчиво ответил Тимур, у которого в голове словно бы щёлкнул пазл давно интересовавшей его загадки.

По Аниным предположениям сейчас на её далекой родине как раз наступал глубокий предсумеречный вечер. Когда потемневшая зелень вот точно так же, как здесь, в тропиках, наполнилась многообразием звуков: стрёкотом кузнечиков и соловьиными переливами. Ещё в лесу за изгибом реки, где редкими раскатами потрескивали древние, покачивающиеся на легком ветру стволы высоких сосен, нет-нет, а услышишь глухое и пугающее «ух-ху». И совсем это не филин, как ей казалось раньше, филины перекликались по-другому. Всего-навсего дикая голубица, светло-бурая неприглядная птичка, забралась под самую ветвистую крону и сидит там, выжидающе подвывает этим своим тоскливо-длинным посвистом.

Ане хотелось подвывать также.

После того, как они с Интаном от души поохотали (в случае с наёмником будет точнее сказать «покривил губами в усмешке») над ошеломленной физиономией администратора, Аню ожидаемо настигла расплата. Потому что ущемленная мужская гордыня — самое ранимое на свете место. Её Гринпис оберегать должен, а не каких-то там белоруких гиббонов...

Макака по имени Эдик, справившись с потрясением от того, что над ним беззлобно подшутили, решил отомстить по-царски, со всей широтой своей уязвленной обезьяньей души. И громко, так, чтобы уж точно услышала остальная труппа, поинтересовался, у всех ли секретарей входит в привычку раздвигать ноги перед начальством, или это Аня мелодрам насмотрелась и начиталась дешёвых книжонок про страстную любовь на директорском столе.

Подначивающие тычки в спину, да и в лоб, её уже давно не задевали. Хуже было другое. После слов Эдуарда над бассейном разлилась неловкая тишина, которую тут же прорезала громкая фраза Максима Сергеевича:

— А реальная жизнь, Анютка, это тебе не книжки.

Конечно же, коллеги поддержали его дружным хохотом в ответ. Все, кроме Анны, которая, не желая задерживаться у бассейна больше ни единой секунды, поспешила скрыться за пышной зеленой изгородью.

На кухню она уже не пошла. Желе расхотелось, да и видеть кого-то тоже. Девушка свернула по мощенной камнями тропинке дальше, обогнула белоснежную стену виллы и, наконец поняв, что отошла настолько далеко, что кроме обычных звуков джунглей больше ничего не слышно, остановилась.

Лёгкость, с какой люди переходят тот самый берег, где начинаются унижения и завистливые, полные злобы комментарии, всегда обескураживала её. Как дети, которым более сильный, более капризный ребенок ткнул пальцем на кого-то особо непонравившегося ему, и те принялись забрасывать его песком с собственных лопаток. Только её коллеги уже давно были взрослыми, самостоятельными людьми, со своими личными семейными дрызгами и грузом обыденных проблем за спиной. Они каждый раз будто бы убеждали Анну, что по-другому не бывает. Что только такое унылое, полное тоскливых серых будней и пьяных вечеров пятниц существование останется до конца её дней. И с этим ничего не поделать, только смириться.

Когда-то Аню ждала участь гораздо хуже, чем пятидневка в замызганном питерском театре в качестве помощника человека, который на поверку оказался тем ещё гадом. Но она

сменила жизнь, сменила окружение и поначалу даже поверила этому гаду, прониклась идеалами, что он проповедовал. Поэтому сейчас ей было не просто обидно, а до слёз жалко тех надежд, возложенных на новую жизнь. Ведь всё оказалось в точности таким же, только что поданным под другим соусом.

Однако как дерьмо не приправляй, вкуснее оно не станет.

— Юстас, мать твою! — вдруг послышалось из-за деревьев. — Верни чеку на место!

Аня наскоро вытерла тыльной стороной ладони соленые дорожки на щеках и прошла чуть дальше, вдоль рядом росших высоких тростников, сквозь узкие листья которых проглядывали стены одной из хозяйственных построек.

Хэ Ян почувал чужое присутствие намного раньше, чем Анина рыжеволосая макушка показалась из-за угла, но говорить ничего не стал. Ждал, пока девушка осторожно подойдёт поближе и вдоволь насмотрится на доверху забитые опилками ящики да неприбранные, прислоненные к стене деревянные поддоны.

— Сильно достали? — спросил Ян, как только заметил её покрасневшие глаза.

— Кто? — поначалу не сообразила Аня, но тут же, ловя на себе чужой внимательный взгляд, слегка смутилась и пробормотала: — Да нет, я...

— Давай накажем.

— В смысле?

Лицо её действительно было заплаканным, и Яну подумалось, что в некоторых случаях можно и наплевать на гнев собственного брата, который запретил причинять вред остальным гостям. Явно тут лишним, да и по факту гостями не являвшимися. Тем более что в чужом доме приличные люди так себя не ведут. Поэтому Ян без каких-либо зазрений совести повернулся к копавшемуся в деревянном ящике Юстасу и спокойно произнёс:

— Дай-ка шашку.

— Драй-драй-физ? — уточнил наёмник, поднимая свою крупную голову выше.

— Какие ж вы у меня ебать специалисты! — ухмыльнулся Ян. — Удивляюсь только, почему постоянно косячите! Динамит обычный давай, без выпендрёжа.

Юстас вновь склонил над ящиком свою широкую, обтянутую потной майкой спину и с попутным ворчливо-тихим: «Я его и иметь ввиду» извлёк из груды светло-песочных опилок связку длинных трубочек, в центре которых торчала тонкая антеннка запала.

Под всё ещё изумленным, но вмиг переставшим слезиться взглядом Анны, Ян взял протянутый ему динамит. Затем неторопливо порылся в карманах своих пятнистых штанов и достал оттуда металлическую зажигалку.

— Может, не надо, — с трудом выдавила из себя девушка.

— Чего? — спросил он, губами пытаясь подцепить сигарету из помятой пачки, которую вытащил следом.

— Я думала, ты фитиль подожжешь.

— Нет, зачем?

— Ну слава богу...

— Я же не идиот, — заявил собеседник, прикуривая от огонька зажигалки и почти одновременно с этим опуская руку девушке на плечо. Она и пискнуть не успела, как её аккуратно, но настойчиво развернули по направлению к той тропинке, что вела в сторону бассейна. И подтолкнули вперёд. — Мы сделаем это позже. Пока дойдём до твоих коллег, я как раз докурю, тогда уж от бычка фитиль и подпалим.

— Это, по-твоему, весело? — возразила Аня, не двигаясь с места.

— Нет. — Хэ Ян взвесил на раскрытой ладони динамит. — Это, по-моему, доходчиво.

— Нельзя же просто пойти и подорвать их!

— Кто сказал?

— Я! Только что!

— Ну, раз её высочество не желает покарать обидчиков, — он развёл руки в стороны и легко пожал своими массивными плечами, — то нам, простым смертным, остаётся только смириться.

— Спасибо, блин, — буркнула Аня в ответ.

— Только я этих твоих коллег все равно припугну.

— Ян, прошу...

— Шашку в бассейн заброшу, когда там никого не будет.

— Ну зачем, скажи на милость, тебе это надо!

— А затем, Анна, — неторопливо проговори он, с прищуром заглядывая в её возмущенное лицо, — что нас с Сеймуром закрывать глаза на подобного рода дерьмо не учили.

— Он, вообще-то, никому динамитом не угрожал.

Ян вновь едва заметно пожал плечами, словно бы выражая тем самым всё своё отношение и к ситуации в целом, и к поведению брата в частности. Если их дружба действительно была настолько тесной, то Анна и без пояснений сама прекрасно понимала, что её коллег в вольерах заперли не из одного лишь соображения безопасности.

— Где он, кстати? — спросила девушка, оглядываясь по сторонам.

— Занят немного, — отозвался Ян.

Позади него прохладной полутьмой зиял дверной проём хозяйственной постройки, один из коридоров которой как раз кончался каменными ступенями, ведущими в небольшое подвальное помещение.

— Я просто хотела наушники попросить, — пояснила Аня со вздохом. — Ладно, пойду тогда.

— Куда?

— Мне вообще-то можно ходить, где захочется, — проворчала она в ответ.

— Было можно. — Ян небрежно стряхнул пепел со своей сигареты. — Пока тебя не свистнули прямо у моих парней из-под носа, а мне за это не влетело.

— Почему тебе? — удивилась девушка.

— Потому что мои подчиненные косорылые и слепые на оба глаза бараны, — спокойно пояснил он, цитируя брата.

— О, извини.

— Из вежливости могу сказать, что ты здесь ни при чём.

— Ну, — неловко улыбнулась она, — удача явно покинула меня задолго до нашего с тобой знакомства.

— Могу понять. — Ян сделал очередную затяжку, а затем аккуратно выдохнул тонкую, едва видимую струйку дыма уголком рта так, чтобы до собеседницы его долетело как можно меньше табачного запаха. — В некоторых личных вопросах мне тоже чертовски не везёт.

— Знаешь, — задумчиво протянула Аня. — Я верю, что рано или поздно всё изменится. И, возможно, кочки на наших дорогах закончатся, а дальше будет только ровный асфальт.

— Асфальт? — со смешком переспросил он.

— Ну, я имела в виду...

— Я понял, что ты имела в виду.

— А. Ладно.

Это был едва ли не первый её разговор с братом Тимура вот так вот — один на один (не считая торчащего чуть в сторонке Юстаса), и Аня, будучи не самым стеснительным человеком, отчего-то чувствовала себя весьма неловко.

О Яне она слышала немало историй. В каждой из них Тим мог бесконечно обзывать его десятками смешливых ругательств, сквозь которые всё же неизменно проскальзывала искренняя любовь. Но как бы Анна ни старалась, до конца понять отношений этих двоих она пока не могла.

Сам Ян представлялся ей тяжеловесным томом какой-нибудь с виду не очень содержательной книги. С обложкой из бурой дубленой кожи, подбитыми платиной уголками и крепким корешком. Что там идёт после красивого, всего в вензелях форзаца, какие страницы скрываются за ним и о чём говорят слова — Анна попросту не знала. А если быть до конца честной, то и боялась узнавать.

У ящичков что-то грохнулось, отвлекая девушку от раздумий. Юстас принялся торопливо прилаживать деревянную крышку обратно. Под выразительным взглядом Яна, он любовно огладил её шершавую темно-зеленую поверхность, слегка похлопал по ней, а затем с ласковой улыбкой прошептал какие-то слова. И уселся рядом, прямо на сухую землю, словно бы переходя в режим ожидания.

Тут только до Ани дошло, что она просто напросто мешает людям выполнять работу, в тонкости которой её посвящать никто не планировал. В очередной раз смутившись, она пробормотала слова извинения, добавив, что собирается коротать оставшееся до ужина время на кухне, и собралась уже уходить. Но Ян вдруг окликнул, попросил задержаться. Сам же быстренько нырнул сквозь дверь невысокой постройки, прогремел там чем-то и тут же вышел обратно. На ходу он отвесил подзатыльник Юстасу, возвращая тому связку динамита и с угрозой советуя как можно скорее прибрать свои «чертовы коробки с авокадо». Анне отчего-то подумалось, что речь шла совсем не про съедобные, по форме напоминающие тёмно-зеленую грушу плоды.

— Держи, — сказал Ян, протягивая ей черные проводки, на концах которых болтались капельки наушников.

— А тебе точно не понадобятся? — в легком удивлении спросила она.

— Если понадобятся, я у Сеймура ещё одни стащу.

— Так это его?

— Нет, — со смешком отозвался Ян, — уже твои.

Ответная улыбка у неё вышла очень искренней, без смущения или несурзной какой-то зажатости. Аня взяла предложенные наушники, поблагодарила и даже осмелела настолько, чтобы сказать, что, мол, прав был Тимур, брат у него не только вечно ворчащая, но ещё и жуть какая заботливая псина. Вместе со смехом ей тут же обещали в следующий раз дать пинка под зад, не посмотрев на её статус гостыи, а после обозвали «рыжей занозой в заднице». На это Анна ничуть не обиделась, только решила для себя, что у некоторых с виду роскошных книг под обложкой скрывается гораздо больше хороших слов, чем может показаться на первый взгляд.

Тимур её обыскался. Осмотрел каждую комнату виллы, распугав спящих после ночного

патрулирования наёмников; пару раз обошёл пляж и все кусты, за которыми скрывались дорожки аллей; побывал у пустующих нынче вольеров, и даже нашёл в себе силы пообщаться с толпой Аниных коллег у бассейна. Но ни в одном из этих мест девушки не было. Она снова как сквозь землю провалилась, и Тим уже начинал не на шутку беспокоиться.

— Да-да, окей, пусть поднимется, — отмахнулся он, когда один из наемников сообщил, что Максим Сергеевич изъявил желание поговорить с главным. Будь Тимур не так встревожен, первый бы посмеялся с этого напыщенного «главный», но сейчас все мысли занимал поиск девушки, а вниманием овладели камеры наружного видеонаблюдения, изображения с которых передавались на его планшет.

— Ну и как она тебе? — донеслось со стороны ступеней, ведущих на террасу. Тон вопроса был вполне миролюбивым, даже бодрым, словно бы собеседник сходу давал понять, что они на одной волне и им вполне есть что обсудить.

Тим медленно поднял полный удивления взгляд от экрана планшета. И тут же нахмурился. Потому как скользнувшая по чужому лицу усмешка, понимающая и отчасти скабрзная, не шутливая даже, а похожая на изумительно мерзкий сборник личных тайн, который, по мнению Максима, теперь объединял их обоих — это всё заставило парня напрячься.

Он прекрасно понял, что имелось в виду. Но даже если бы Тимур поспешилось узнать Аню в этом плане, ему бы никогда в жизни не пришло на ум делиться подобным знанием с другим человеком. Тем более с её мудаком-директором, который, видимо, интимные вопросы считал нормальным таким началом приличной мужской беседы.

— Гребаная культура сексизма и мракобесия, — пробормотал Тим себе под нос, естественно, на малайском, а чуть громче уже по-русски произнёс: — Мне передали, что ты хотел меня видеть, Максим Сергеевич. Вот он я. Вот тебе стул. Садись, выкладывай и не трать моё время бессмысленной болтовней. Оно не для таких глупостей мне дано.

— О, могу понять, — всё же оставаясь верным себе и наезженной колее в своей голове, отозвался Максим. — Торопишься оказаться в объятьях моей очаровательной помощницы?

— Ну что за...

— Нет-нет, не беспокойся я, конечно, тот ещё собственник, но ни на что не претендую. Она у меня девочка свободная, с кем хочет, с тем и спит. — Мужчина опустил на предложенный стул. Белоснежная резная спинка его скрипнула, но звук этот заглушил очередной громкий смешок: — Правда, слишком своенравная, но ничего, думаю, ты справишься. Только учти, Тимур, Аню рано или поздно придётся отдать. Всё-таки нам домой возвращаться, а своих людей я бросать не привык.

Это вдохновленное мини-выступление вогнало Тимура в скуку буквально сразу же. Где-то между «собственник» и «претендую» он переключился на шутливые ассоциации в своей голове, представляя Максима то в образе придурковатого гусара из всех слышанных им русских анекдотов про поручика Ржевского (смысла которых парень как не силился, так понять и не смог); то жирным хряком в ярко-розовой пачке и с маленькой мультяшной короной на округлой макушке меж вислых свиных ушей. Валялся такой в грязищи, похрюкивал иногда нечто воинственное в духе «Шашки наголо!», а затем лениво переворачивался на другой бок, да так и засыпал. С громким храпом и не менее громким причмокиванием. Ане бы понравилось. Она бы, со своим не менее живым воображением, добавила ещё подробностей, более смешливых и аллегоричных. Тимур жуть как любил их.

— Каким бы ни был сотрудник, — продолжал тем временем Максим, — но

позаботиться о нём я обязан. Все мы под богом ходим, в конце концов...

— Я — нет.

— Неверующий, значит?

— Смотри во что верить, Максим Сергеевич, — ответил Тим, вновь опуская взгляд к планшету и смахивая на нём вид на следующую камеру. — И не всё, знаешь ли, в этой жизни сводится к сексу.

— Можешь убеждать меня сколько угодно, но мужскую природу не обманешь! — уверенно заявил Максим. — Мы же животные по сути своей. Мы — самцы. И мы всегда будем брать то, что нам причитается, то, что наше по праву.

— По какому праву? — спросил Тим. На этот раз с вполне искренним удивлением, хотя и не особо желая слышать очередную порцию философствований в ответ. Задней мыслью до него доходило, насколько глупо было ввязываться в столь бредовый диалог. Они явно не сходились ни во взглядах на жизнь, ни на отношения между людьми, поэтому ничего кроме бессмысленного спора выйти не могло. И ведь не докажешь же существовавшему в своём каком-то маскулинном мире Максиму, что не всё сводится к элементарным человеческим потребностям, а от зверей с голыми инстинктами люди отличаются осознанным выбором. Не все, конечно. Некоторые индивиды до сих пор предпочитали валять бока в свинарнике.

— Ну как же, — вновь затянул Максим Сергеевич. — Мы мужчины, мы имеет право брать...

— погоди, я чего-то не догоняю, — резко перебил его Тим. — Каким образом наличие члена между ног даёт тебе хоть какое-то право? Права и обязанности у вас, в России, если не ошибаюсь, регулируются законодательством. Нет?

— Ты не понимаешь меня, Тимур, я говорю про то, что вне законов. Я говорю о природе двух начал: мужского и женского.

— Ясно.

— Дошло, наконец?

— Нет, — хмыкнул парень, поднимаясь со своего плетеного кресла. — Я просто окончательно убедился в том, что ты долбоёб и зря тратишь моё время.

Он с хлопком опустил алую крышку чехла на экран планшета и сунул его себе под мышку. Пока Максим соображал, ответить с угрозой или свести всё к шутке, Тим кивком указал стоящему неподалеку наёмнику, что разговор окончен и гостя можно проводить обратно. Сам же поспешил уйти с террасы настолько быстро, насколько хватало его радушия. Потому как смутно представлял свои последующие действия, если Анин директор ляпнет ещё хоть что-нибудь, на тему ли штампованных гендерных стереотипов, или того хуже, в сторону самой девушки.

Скользнув сквозь стеклянные двери, ведущие во внутренние коридоры виллы, Тимур решил ещё раз заглянуть в её комнату. Приоткрыл дверь без особой надежды хоть кого-нибудь обнаружить и тут же изумленно замер. На заправленной кровати, поверх гладкого, в сине-розовую зебру покрывала валялась толстобрюхая циветта.

— Эй, ты, — окликнул зверька Тим.

Шкурка на пятнистом боку так и продолжила мерно вздыматься от глубокого сонного дыхания, ни единым своим волоском лишней раз не шелохнувшись. Пришлось позвать повторно, погромче и добавив в голос того приказного тона, который на других животных обычно действовал безотказно.

Циветта едва заметно повела маленькими ушами. Выждала ещё с минуту и только

после, лениво приоткрыв глаза, смерила Тимура поистине королевской наглостью во взгляде. А затем сладко зевнула во всю широту своей раззяванной пасти и лениво перевернулась на другой бок.

— Хамло, — заключил Тим. — Хозяйку комнаты видел?

В ответ ему досталось лишь легкое подергивание кончиком хвоста.

— Что значит «птицы»? Про птиц я и без тебя слышал.

Но большего от вмиг уснувшей циветты он не добился, и, со вздохом прикрыв дверь, направился в конец коридора, туда, где боковая лестница под крутым углом вела на прожаренную тропическим солнцем крышу.

Вся территория виллы была устроена не самым сложным образом. Жилое здание по центру в три этажа высотой, спереди — бассейн и скрытая ветвистой изгородью прибрежная полоса, сзади — подъездная дорога с гаражным навесом, по бокам же небольшие коробочки хозяйственных построек и сеточки аллей, среди кустов которых можно было найти тренировочную площадку, а чуть дальше — вольеры. В общем, куда ни пойдешь, вновь окажешься у стен виллы, либо свернешь в джунгли, но неизменно столкнешься с наёмниками, что патрулируют периметр посменно. Казалось бы, и мышшь не проскочит. Однако после побега Аниного начальства, да и исчезновения её самой, Тимур уже не доверял никаким мерам безопасности.

— Ну что за задница, — уныло протянул он. — Не успел отвернуться, как с ней опять что-то случилось!

— С чего ты взял, что что-то обязательно случилось? — отозвался Ян, встретивший брата на крыше. Оба забрались сюда с одинаковой мыслью: осмотреть всю территорию разом.

— А куда она могла деться? На камерах её нет, на глаза никому не попадалась, вообще непонятно, что там после этого бассейна произошло.

— Я же говорил тебе: Анна наткнулась на нас с Юстасом, а после пошла на кухню.

— Да, пошла, — согласно кивнул Тим, — поболтала там с Дармой, покормила кошака. Потом возле бассейна начали орать. Она решила глянуть из-за чего весь сыр-бор и вернулась.

— И из-за чего же? — спросил Ян.

— Да банда прилетела.

— Банда?

— Ну, помнишь, у меня тут Рита жила...

— А, эта сволочь пернатая, что часы мои стащила?

— И мою серьгу.

— Если мне не изменяет память, полгода назад эту птицу Настя сожрала, — с сомнением в голосе отозвался Ян. — Она ещё пыталась ошейник у медведицы украсть.

— Да, но перед своей бесславной кончиной Рита успела обучить птичьих собратьев тонкому ремеслу уличного карманника, — со смешком произнёс Тим. — И теперь на острове живёт целая банда рэкетиров.

— Не знал, что в нашем бизнесе именно так выглядит здоровая конкуренция.

— Ага, выгонят нас отсюда к демоновой матери.

— Зато можно не гадать, кто на этот раз спёр твою девчонку.

— Во-первых, Аня не моя девчонка...

— А хотелось бы?

— Да, — выдал Тим не задумываясь, но тут же одёрнул себя: — Нет! Не знаю... Тёмные небеса, Ян! Не об этом вообще сейчас речь!

— Конечно, — иронично протянул он. — Поэтому мы с горящими задницами носимся вокруг виллы? Я парней джунгли прочесать послал только ради того, чтобы отыскать её.

— И как, успешно? — уколол в ответ собеседник. — По всей видимости — нихрена.

— Можешь урезать мне премию, — спокойно сообщил Ян.

— Я тебе что другое урезал бы!

— Это к примеру?

— Язык твой богомерзкий! — ворчливо отозвался Тимур. — Вредный и ни на что, кроме как издеваться над чувствами брата, не годный!

— А криков-то, криков сколько! — с усмешкой проговорил командир наёмников. — Ты лучше скажи, что эти птицы у гостей украли?

— Да чёрт его знает, я не стал расспрашивать... действительно не стал... вот я тупица!

— Ну, не расстраивайся, это со всеми случается. — Ян сочувственно похлопал брата по плечу. — Даже с такими непревзойденными гениями проёбов, как ты.

— Я уже говорил тебе, что ты задница бабуина? — со вздохом отозвался Тим.

— И не раз. Но бабуины мудрые животные, так что ничего не имею против.

— Так вот, бабуинья жопа, я не стал расспрашивать Аниных коллег. Как понимаешь, никакого желания с ними общаться у меня нет.

— О, прекрасно понимаю.

— Но она бы расспросила.

— И что толку? — пожал плечами Ян. — Все равно ведь ничего не найдёт.

— Это если не знать, где искать, — ответил Тимур, с высоты третьего этажа окидывая взглядом всё пространство виллы целиком и останавливаясь на прохудившихся жестянках гаражного навеса. — А она знает.

Передней и задней стенок у навеса не было. А две боковые, некогда сколоченные из добротной, выделанной в широкие доски древесины, со временем стали ползти по швам. И если бы не листы железа, коими наёмники на скорую руку обили разошедшиеся края — вся конструкция развалилась бы уже довольно давно.

Позади росла старая пальма. Скорее длинная, чем высокая, с толстым, склоненным до земли стволом, который проходил одну из стенок навеса насквозь, плавно поднимаясь вверх и пробиваясь лапищами листьев через специально оставленное отверстие в крыше. Аня сразу сообразила, что именно там был старый склад некогда наворованных одной пернатой прощельгой вещей. И, недолго думая, взобралась по пальме. Оперла одну ногу о стену, вторую поставила на крепкий ствол, вытянула руки и принялась ворошить свитое из гибких веточек гнездо.

Тимур вынырнул из-за угла неслышно, она даже не заметила его появления. А он не торопился сообщать о себе. Минут пять молчаливо понаблюдал за чужой сумбурной вознёй; разрешил себе слегка, совсем без пошлых мыслей, полюбоваться её стройными бёдрами, выглядывающими из-под его же шорт; а после, когда Аня уже вознамерилась спускаться вниз, как бы между делом сообщил:

— Начальник у тебя, Ань, просто космос.

— Ага, — отозвалась девушка после негромкого «фух». — С виду весь такой непонятый и бездонный, а внутрь заглянешь — кроме пыли и планетарного мусора ничего нет.

— В точку.

— Но если понравился — женись.

— Тут есть загвоздка.

— Он примерный семьянин?

— О да, — хмыкнул Тим. — И я такого счастья попросту не достоин.

— Вот и я тоже, — пробормотала девушка, аккуратно опуская вторую ступню на пальму. Опора вроде бы была прочной, но, покачнувшись, Аня поняла, что без помощи не обойтись. И протянутая рука Тимура пришлась как нельзя кстати.

— Всё в порядке? — обеспокоенно спросил он, чувствуя, как она крепко сжимает его ладонь. — Ты высоты боишься?

— Тут всего метр, — ответила Анна, но так сразу спрыгивать на землю раздумала. Прикрыла глаза, в которых вдруг начали плясать мушки, и сделала пару глубоких вдохов с долгими выдохами.

— Ань?..

— Я нормально. Просто голова закружилась.

— Давай сниму тебя.

— Сама слезу.

— Точно?

— Нет. — Девушка как можно осторожнее опустилась на шероховатый, вытянутый параллельно земле ствол пальмы, поёрзала по нему, устраиваясь удобно, и свесила ноги вниз. — Так пока посижу.

— Ладно, — произнёс Тимур. — Зачем лазила-то?

— Ну как же, ты сам рассказал...

— Птицы больше не приносят сюда украденное.

— Что ж, скалолаз из меня все равно вышел довольно фиговый, — шутливо проворчала она. — А куда приносят?

— Нет.

— Чего нет?

— Туда ты без меня не пойдешь.

— Ну, давай, с тобой пойду, — улыбнулась девушка. — Так куда?

— Ань, — со вздохом отозвался он. — Скажи, пожалуйста, у тебя лично что-нибудь пропало?

— Нет, не думаю.

— То есть ты здесь по доброте душевной? Помогаете своим любимым коллегам?

— Типа того, — кивнула она, хмурясь оттого, что ирония в чужом голосе была слишком явной. — К чему ты...

— Зачем?

— А ты не помог бы на моём месте?

— Не этим придуркам, — раздражено отозвался Тим. — Пусть разбираются со своими проблемами сами.

— Но толпа напавших птиц — это не их проблемы.

— Любое стихийное бедствие — проблема человека, который с ним столкнулся.

— А гуманитарку зачем, по-твоему, придумали? — возразила Аня.

— Гуманитарную помощь в разумных пределах шлют те, кому есть чем поделиться. Разве тебе есть? — Он одним лёгким, привычным жестом поправил очки на переносице и с очередным выдохом, призванным себя успокоить, продолжил: — Анют, ты ведь ещё не оправилась от полученных травм, не отдохнула толком, силы не восстановила, а уже лезешь всех выручать.

— Да нормально я себя чувствую!

Тимур окинул её довольно-таки выразительным взглядом, словно бы напоминая всем присутствующим, отчего это пару минут назад она не смогла спокойно спуститься на землю. В ответ Анна показала ему язык и ворчливо произнесла:

— Не отчитывай меня, будто я дитё малое!

— Но твоё поведение говорит само за себя.

— Да ты что! Ещё раз так сделаешь...

— И?

— И укушу, — пригрозила девушка.

— А если мне понравится? — улыбнулся он.

— Я больно укушу.

— Мне повторить свой вопрос?

— Напугать меня решил?

— А это реально? Со стороны выглядит так, словно бы ты вообще ничего не боишься.

— Безумие и отвага, — со смешком проговорила Аня, и, похлопав ладонью рядом с собой, пригласила Тима сесть. — Ты лучше всех на свете знаешь, что это не так.

— Знаю. — Он не стал забираться к ней на пальму, лишь спиной прислонился к стволу и сложил руки на груди. — Но я совсем не понимаю, почему ты готова голову расшибить ради помощи людям, которые при любой удобной возможности не то что с грязью тебя смешают, они тебя в ней утопят, буквально, а после ещё и сверху наsrут.

— А я не такая.

— В том и суть, что ты не такая. Но спасибо тебе за это никто никогда не скажет. Разве что только я.

— Ты то за что?

— За то, что моя вера в хороших людей ещё жива. И не хотелось бы, чтобы на тебе она и закончилась. Если ты ещё каким-нибудь образом пострадаешь, я себе этого просто не прощу, — серьезно проговорил Тим. — Пожалуйста, Ань, следующий раз, когда захочется погеройствовать — предупреди меня. Хотя бы будет иметь смысл.

— И сейчас имело, — сказала она.

— Но ты же не нашла кулон, или что ты там искала?

— Зато нашла вот это. — Аня вытащила из кармана шорт наручные часы с растресканным стеклом циферблата и, придерживая за черный кожаный ремешок, протянула их Тимуру: — Не подскажешь, кто хозяин?

Помогая ей спуститься, Тимур опер руку о шершавый осколок скалы. Мокрый, весь в мелких пористых дырочках от непрестанно бьющихся о поверхность капель воды, он всё же прочным монолитом возвышался над каменной тропинкой, что вела под своды темной пещеры.

Сверху, с одного из отвесных обрывов на северной оконечности острова, небольшое отверстие в скалах было не разглядеть. Добраться сюда тоже стоило немалых усилий: приходилось осторожно ступать по рыхлым островкам редкой травы и более частым выбоинам в твёрдой породе, которая то и дело норовила выскользнуть из-под подошвы, стечь мелкой галькой вниз, увлекая неуклюжего человека в плескавшийся опасными волнами океан. Если бы не Тимур, что весь путь крепко держал её за руку, то Анна бы непременно свалилась в воду, хорошенько приложившись головой о скалы.

— Тайник точно здесь? — почему-то шёпотом спросила девушка.

— Да, вон там, — кивнул Тим в сторону угловатых, словно выдолбленных неумелой рукой выступов, кучкой громоздившихся друг на друге.

Ане пришлось пробираться к ним чуть пригнувшись, потому как заполненный пенной водой пол в этом месте круто забирал вверх, и мелкие потолочные сталактиты так и норовили задеть макушку девушки своими острыми концами.

Тимур не отставал ни на шаг, и хотя пространства в пещере едва хватало обоим, все равно старался держаться как можно ближе к Анне. Тем более что только сейчас вспомнил о том, что ей ни в коем случае нельзя поднимать голову и всматриваться в кожистые тени, висящие под потолком.

— Мы как в сказке «Али-Баба и сорок разбойников», — шутливо хмыкнула Аня. Привстав на цыпочки и заглянув в расщелину меж камней, она обнаружила забитый сокровищами птичий тайник. Среди пучков комковатых перьев и сухих трав ворохом были свалены потускневшие от времени цепочки, кольца и браслеты. Пришлось хорошенько покопаться, чтобы сгрести их все в одну большую кучу, а заодно выколупать из мелких трещин отвалившиеся драгоценные камни.

— Замутим магазин на диване? — проговорил Тим, помогая Ане собрать в сложенные лодочкой ладони часть побрякушек.

— О, ещё бы! — воскликнула она.

— Тише-тише.

— Что?

Тимур аккуратно опустил руку на её затылок и с мягкой, но не терпящей возражений настойчивостью пригнул голову девушки к своему плечу.

До слуха её донесся глухой хлопок. За ним последовало шуршание столь характерное, что никогда не слышавшая ничего подобного Анна с удивлением поняла: так могли бы звучать огромные кожистые крылья. Расправляемые во всю длину и принимающиеся делать широкие медленные взмахи.

— Не буди сородичей, — предостерёг Тимур на раздавшийся писк.

Сверху будто бы всё стихло, но когда Аня, чуть повернув голову влево и подняв подбородок вверх, посмотрела на потолок, на неё в ответ любопытно воззрилась пара

немигающих ярко-оранжевых глаз. Мордочкой своей это мохнатое чудовище больше походило на мелкую собачонку, чем на настоящую летучую мышь. Его полусогнутые бурые крылья всё продолжали лениво шевелиться вдоль вытянутого тельца, то ли в попытках вновь распрямиться, то ли укладываясь поудобнее.

— Мать моя Бэтмен, — прошептала Аня со смесью восторга и страха в голосе.

Сверху сонно зашевелилось ещё несколько недовольных зверьков, и Тим молча подтолкнул свою спутницу к выходу.

— Они безобидные, — произнес он, когда зияющая дыра пещеры осталась чуть в стороне. — Да и едят только фрукты.

— Тогда почему мы ушли?

— Размах крыльев полтора метра — это почти вся пещера. Так себе получить по морде кожистой культяпкой, не находишь?

— Не находишь, блин, — с ворчанием передразнила она. — А предупредить?

— Да забыл я, прости, — смущенно растрепав волосы на затылке, проговорил парень.

— Забыл, что единственная на твоём острове пещера полна здоровенных летучих мышей?

— Это лисицы.

— В смысле?

— Калонг — летучая лисица, — пояснил Тимур. — И обычно их вид живёт на деревьях. Но в джунглях последнее время шумно, потому что Юстас развлекается со взрывчаткой, и они ненадолго переселились сюда.

— Боги мои... — со вздохом протянула Анна, не переставая внутренне изумляться и с интересом поглядывая в сторону каменистого пещерного входа: — Сколько их там?

— Полсотни.

— Ни хрена ж себе! Как их прокормить-то столько?

— Да никак, — усмехнулся Тим, — сами себе еду добывают на соседних островах, объедают там плантации манго, а отсыпаться прилетают ко мне.

— Почему?

— Кто знает, — пожал плечами парень, — чувствуют себя в безопасности, наверное.

— У тебя тут целый заповедник, — улыбнулась в ответ девушка.

Ладони её всё ещё наполнились тяжестью награбленного птицами добра, и чтобы хоть как-то разобраться в сваленных одной кучей сокровищах, Анна выискала под ногами участок посуше и вывалила всё туда. Здесь, у входа в пещеру, грани острых скал переходили в редкую песочную гальку, светло-серую, перемежаемую с более крупными камнями. Прибой хлопьями пены то и дело набегал на них. Прокатывал взад-вперёд, наносил рваных пучков водорослей или забирал особо понравившиеся гладкие камешки с собой.

Анна присела на корточки. Опустила в очередную набежавшую волну толстый золотой браслет и принялась вымывать из его витиеватого плетения шелуху птичьего гнездовья. Когда девушка закончила и поднялась в полный рост, Тимур, всё это время наблюдавший за ней, заморожено выдал:

— Какая ты...

— Что? — Обернулась Анна на его голос.

— Красиво смотрится. — Он увёл посерьезневший взгляд в сторону, зачем-то поправил и без того хорошо сидящие на носу очки и только после решил пояснить: — Ну, твоя туника, когда разлетается.

Аня посмотрела на свою легкую, тончайшей паутинкой вытканную накидку. Утром её пришлось выпросить у Марго, чтобы прикрыть обгоревшие плечи.

— Колется немного, — сказала девушка.

— Колется?

— Синтетика же, — легко пожала плечами она, — а у меня довольно чувствительная кожа, капризная даже. Вечно шелушится, зараза, чёрт пойми от чего.

— А я и не знал.

Тим постарался сосредоточить своё внимание на побрякушках, разложенных прямо перед ним, но до чуткого слуха все равно долетел плеск воды. И как её ноги с мягким шуршанием ступают по сухой гальке, на цыпочках, чтобы не так болезненно впивались более крупные камни. И как она сама замирает, склонившись над ним, сидящим на прогретой за день земле.

— На, — улыбнулась Аня, протянув руку, — потрогай.

Ему стоило отказаться. Придумать что-нибудь дурацкое, в духе: «У меня обет воздержания, я других людей не щупаю»; или просто сказать, что верит ей и её шелушащейся коже на слово. Но Тимур, лишь на долю секунды помедлив, коснулся Аниных пальцев подушечками своих. Провёл с аккуратной нежностью от тонкой фаланги указательного вдоль каждой костяшки и вплоть до худого, в сиреневых сеточках вен запястья. И только тут понял, что всё это время непроизвольно задерживал дыхание.

— Шершавая же, скажи? — отчего-то совсем тихо произнесла Аня.

— Ничуть, — пробормотал он, умоляя ту внутреннюю, полную противоречий часть себя не идти дальше и почти насильно убирая руку в сторону. А после спокойно, словно бы не было этих замерших меж ними пылинок вечности, предложил: — А как насчёт натуральных тканей? Тоже колются?

— Это каких? — тут же поддержала Аня взятый им тон беседы. — Что-то вроде туники из хлопка?

— Или парео из шелка.

— Из настоящего? Да ну...

— Почему?

— Он ведь тяжёлый и плотный.

— Да нет, — ответил Тим. — У Мишель есть леопардовая такая полупрозрачная накидка. Там, кажется, смесь тканей, но в основном тонкий китайский шёлк. Она за неё кучу денег отвалила.

— У меня в любом случае столько не найдётся, — хмыкнула Аня, принимаясь разбирать по разным кучкам сваленные на землю драгоценности.

— Я бы... — начал было Тим, но взгляд её внимательных карих глаз вновь напомнил, как они на самом деле могут смотреть, когда действительно ненавидят. И с очередным волевым усилием парню пришлось затолкать в себя едва ли не сорвавшееся с языка «мог подарить».

Аня бы его за такую фразу четвертовала тут же. Как однажды едва ли не оторвала метафорическую голову за полученную на один из дней рождения электронную книгу. Да, та была сделана на заказ и стоила (по словам Анны) баснословных сумм, но Тимуру подумалось, что двадцать пять — довольно значимая дата для обычного подарка. Поэтому он заморочился, долго выбирал, рассматривал варианты, пока в голову не пришёл самый простой из ответов: Аня ведь любит читать и частенько жалуется на всё растущие ценники у

обычных бумажных книг, поэтому пользоваться электронной, хотя бы в тех случаях, когда тратиться на томик какого-нибудь проходного бестселлера нет никакого смысла, ей будет гораздо удобнее.

Он оказался прав, но вместе с искренней благодарностью все равно получил порядочную трепку за «такой дорогуший подарок».

Ничего в нём, в общем-то, дорогого не было. Дороже он ценил их общение. И хотел бы, правда хотел подарить ей что-то красивое, потому что сама она была очень красивой. И не только внешне.

Хотя внешне, безусловно, тоже...

Стараясь не представлять, как на Анином теле перетекал бы легчайший шёлк нежного жемчужного оттенка (при мыслях о ней в голове почему-то возникал именно такой цвет), Тимур вдруг пришёл к выводу, что беседа эта для него превратилась в подобие какого-то дичайшего испытания. Где ему ничерта нельзя, а хочется столь многого... Он сделал глубокий вдох, а затем попытался найти компромисс между своими желаниями и той хрупкой гранью, где их хоть как-то можно реализовать, не навредив чужой гордости.

— У меня есть здоровенная такая льняная рубашка, — проговорил Тим. — Она, правда, старая, но совсем не жаркая, и на теле вообще не чувствуется. Если хочешь, я могу притащить.

— Мне уже стыдно тебя раздевать, — улыбнулась Аня в ответ. Тут же поняв, что ляпнула, она со смешком прикрыла рот ладонью и пробормотала: — Пф-хах, прости, прозвучало, конечно...

— Ну, — замялся Тимур, — в твоём духе.

— И не говори.

— Так что? С рубашкой?

— Да, давай, — согласно кивнула девушка. — С удовольствием её надену.

На песчаной гальке у скал они просидели довольно долго, почти до чернильных сумерек и потемневшего океана у ног. Побрякушки уже давно были разобраны на тематические (как выразилась Аня) кучки, и те, что выглядели на её взгляд «дорого-богато», оказались самым бесполезным хламом, который и подарить то кому-нибудь будет стыдно. Его решили оставить птицам. Те, пёстрые и нагловатые, заглядывали в свою пещеру пару раз, но, завидев людей, тут же с громкими возмущенными криками улетали прочь.

— Тайник они перенесут, — высказал Тимур догадку, когда очередная любопытная птаха прошмыгнула мимо скалы. — Или устроят диверсию.

— А эти калонги их не гоняют? — спросила Аня.

— Днём — нет. У них вроде договоренности по дележке территории, с учётом того, что птицы заняли пещеру первыми.

— В жизни бы не подумала, что на таком маленьком клочке земли может происходить столько событий разом, — улыбнулась она. — У тебя здесь вообще бывают спокойные деньки?

— Покой нам только снится, — смешливо отозвался Тим. — На самом деле у меня обычно очень тихо.

— Я заметила.

— Просто кое-кто вносит сумятицу.

Анна с удивлением взглянула на него. Слова были столь знакомыми, столь близкими ей

самой, что хотелось узнать, откуда Тимур взял их? Где они оба могли такое слышать? Но собеседник не торопился с ответом. Смущенная, полная лукавства улыбка скользнула по его губам и тут же растворилась, когда Аня с тихим напевом заговорила:

— Входила в алые воды
вносила с собой сумятицу
какие твои годы?
и кто же за них расплатится?..

— Давненько я не слышал твоих стихов, — негромко отозвался Тимур.

— У меня есть новые.

— Прочтёшь?

Анна пожала плечами, неопределенно и как-то неловко, насколько вообще могла сделать это лёжа на спине. Когда они решили побыть здесь ещё немного, она устроилась у самой кромки воды, да так и осталась чувствовать кожей каждую набегавшую на берег просоленную волну.

Тимур всё это время сидел рядом не шевелясь. Ловил её мимолётные, брошенные снизу вверх взгляды и изредка нарушал тишину меж ними короткими фразами, что приходили на ум.

— Море и беды, — пробормотала Аня.

— Что?

— Море и беды. К славе
гордо чернеет стяг.

Древко твоей победы
сточено на костях.

Что ты застыл?

Сражайся.

Доблести стон лови,

Богу устало кайся.

Вновь зажигай огни.

— Красиво, — улыбнулся Тимур. — А что с огнями?

— Читал Кортасара «Все огни — огонь»?

— Ого... — задумчиво протянул он. — Это глубоко.

— Думаешь? А, по-моему, пошлость, — усмехнулась девушка, приподнимаясь на руках. Локти её тут же утонули в мягкой гальке, чуть покальывающей на ощупь, но всё же прочной настолько, чтобы Анна без труда смогла принять сидячее положение. Вытряхнув из своих коротких медно-рыжих прядей налипшие песчинки, она решительно произнесла:

— Матахари Хитам — твой отец?

— Откуда ты... — опешил Тимур.

— Пётр Фомич сказал, что у здешних охранников есть отличительный знак: татушка в форме глаза. И что этот Матахари его заказал.

— А он не сказал, что это байка? — донесся раздосадованный ответ. — Страшилка, которой запугивают детишек на островах Тихого океана?

— То, что твой папаня та ещё страшилка, я в курсе. Мы не первый год общаемся, Тимур. Но король пиратов, блин? — воскликнула Аня. — Хотя, знаешь, я вот вообще не удивлена! Собственный остров, бандюки, медведи... Теперь ещё этот заказ на Петра.

— Да кому он сдался? — отмахнулся Тим. — Глупость какая. Его даже в России никто

всерьёз не воспринимает с тремя контузиями и тягой к патологической лжи. Не было никакого заказа, Ань, честно. Этот твой Пётр Фомич просто случайная переменная, не моя вина, что он себе там что-то надумал.

— А твой отец?

— Да что отец... — пробормотал парень, уводя взгляд в сторону. Смятения в нём, неприятного и отчаявшегося, было сполна.

Расстраивать Тимура в её планы никак не входило, и Аня, проклиная себя за неосторожность, хотела проговорить слова извинения, как-то перевести разговор в иное русло, но собеседник вдруг глубоко вздохнул и с неким обреченным смирением в голосе заговорил вновь:

— Человек, который меня воспитывал, действительно в широких кругах зовётся Матахари Хитам. Он не просто убийца и садист, о, нет... он самый настоящий психопат и, вдобавок, тот ещё наркоман. Хотя за последним мама старается следить, это, видишь ли, для их бизнеса вредно, — Тимур невесело усмехнулся. — Знаешь, они оба мне не биологические родители.

— Я знаю. И про то, что ты рос на островах, полных диких зверей, древних храмов и чокнутых контрабандистов — тоже, — даже не спрашивая, скорее вспоминая всё ей известное, произнесла девушка.

— Но я не говорил тебе, что оба моих родителя двинуты на всю голову. Нет, я серьёзно, — убеждённо заявил он, видя сомнение на чужом лице. — У отца сильное расстройство психики и полное отсутствие рамок дозволенного. Чтобы ты понимала, я всё детство был свидетелем тому, как он рассказывает пойманным туристам про безумие. По джунглям гоняет до изнеможения, зная, что в любой момент может их выловить. А ещё заставляет вытворять довольно дикие вещи, странные и страшные, доводящие до помутнения рассудка и выворачивающие личность наизнанку.

— Ты прости, конечно, но это полная жесть.

— Жесть, Ань, это когда маленький ребёнок впитывает подобное, как губка. Он ни разу меня и пальцем не тронул. Ни к чему не принуждал. Только позволял наблюдать и учил, если я сам просил об этом.

— То есть ты...

— Нет, я не такой же! — горячо возразил Тимур. — Я просто знаю, как таким стать. Я вижу свою черту каждый раз, когда закрываю глаза, и прекрасно осознаю, чего мне будет стоить её пересечь!

Выражение, с каким он снова отвёл взгляд, заставило Аню податься к нему чуть ближе и в неуклюжем, но искреннем порыве перехватить его безвольно раскинутые ладони. Она крепко сжала их своими, всё ещё чуть мокрыми от просоленных вод прибоя, и негромко позвала:

— Тима.

— Прости, — тут же повинулся он.

— За что? Всё ведь в порядке, — подбодрила Аня. — И я очень хотела бы тебя поддержать. Ты ведь поэтому ходишь к психологу? Из-за отца? Тебе это помогает, я же вижу.

— Правда?

— Ну, агрессивных выходов точно поубавилось. Раньше, помню, даже на меня срывался.

— Я и сейчас иногда срываюсь. Просто делаю это там, где не пострадают дорогие мне

люди.

Аня улыбнулась, чувствуя, как маленькие разряды пробегают под кожей, когда он бездумно начал поглаживать своими пальцами её ладони.

— Я бы столько хотел тебе рассказать. — Тимур внимательно взглянул на неё из-под упавшей на глаза чёлки. — Но, боюсь, ты будешь в ужасе.

— После медведя-то и отца-пирата? — сквозь негромкий смех спросила она. — Тим, слушай, я просто...

— Что?

— Блин, не знаю, как сказать... короче, я и подумать не могла, что с тобой будет так легко общаться вживую. Я будто тебя лет сто знаю... нет, погоди, не перебивай. Мы действительно давно знакомы, но, понимаешь, как бывает, встретишь человека в действительности, и какая-то напряженность сразу появляется между вами. А с тобой такого нет.

— Да-да, Тимур, ты мне тоже очень дорог, — плохо подражая её голосу, поддразнил он. — Но я понял тебя. Спасибо.

Говорить Анна ничего не стала, лишь расцепила их сплетенные пальцы и тут же крепко обняла парня в ответ. Тимур на столь близкий жест отреагировал странно: замер и едва ли не выставил руки перед собой, чтобы с мягким напором отодвинуть девушку подальше.

— Это слишком, да? — пробормотала она, поспешно отстраняясь.

— Нет, я... Просто лучше так не делай.

— Поняла-поняла, никаких дружеских обнимашек. — Стараясь скрыть возникшую неловкость, Аня поднялась на ноги и принялась с усердием отряхивать свои оголенные ноги от налипших на кожу мелких песчинок.

— Извини.

— Ничего, — как можно безразличнее проговорила она. — Знаешь, я тоже хочу с тобой кое-чем поделиться. И раз ты рассказал нечто столь важное, то вот тебе откровенность за откровенность: год назад я просто по уши, как самая настоящая одержимая влюбилась в своего начальника. И переспала с ним. Так себе повод перестать писать тебе, да? — Девушка натянуто улыбнулась и, показывая, что не намерена обсуждать только что сказанное, ушла гулять вдоль узкой прибрежной линии в полном одиночестве.

Когда впервые приехал к Сеймуру ещё пару лет назад, нет, даже не работать, так, погостить и залить очередные свои неудавшиеся отношения ромом, то сразу облюбовал эту комнату. Она была полузаброшенной гостиной, особо не предназначенной для сна или отдыха, но Яну то никогда и не требовалось больше, чем четыре стены и относительно крепкая крыша над головой. Впрочем, можно и без неё. За много лет недосыпа под аккомпанемент разрывающихся гранат приучаешься отрубаться при любых условиях.

Располагалась его комната удобно: на первом этаже, поближе к кухне и максимально подальше от предпочитавшего работать по ночам Сеймура. При всей любви Яна к собственному брату, выходки того были под стать характеру. А когда в три часа ночи на твою постель падает чьё-то пьяное тело с криками: «Я сделал!», спрашивать в ответ: «Что именно?» нет никакого желания. Хочется тоже делать. Дырки. От пуль. В чужой чумной башке.

— Ну и что случилось на этот раз? — спросил Ян, иронично изогнув уголки губ в усмешке.

Вернувшись в свою комнату ближе к полуночи, он обнаружил нетрезвого Сеймура в ванной. Тот сидел на корточках посреди душевой кабины и методично поливал голову ледяными струями воды.

— Ничего, — буркнул Тим, вытягивая руку вверх и проворачивая вентиль крана, чтобы заглушить поток.

— Не то чтобы меня это сильно интересовало, но у тебя что, секса давно не было?

— У меня давно не было человека, который искренне считал бы мои глаза красивыми.

— Насколько мне помнится, это случилось позавчера. Что за страйк она выбила сегодня?

— Обняла.

Яну пришлось почти насильно отобрать у пошатывающегося брата лейку и помочь тому выбраться из душа. С легким недовольством во взгляде он проследил за тем, как Сеймур стаскивает его любимое полотенце с сушилки и набрасывает себе на голову. А после, усевшись задом на мраморный борт душевого днища, принимается остервенело тереть махровой тканью свои взмокшие волосы.

— И тебя из-за каких-то обнимашек так вынесло? — удивленно спросил Ян.

— Каких-то... — проворчал Тим. — Она безумно тактильная. Постоянно меня то за руку хватает, то пальцем в щёку тыкает, когда я в своих мыслях куда-нибудь уплываю. И это ещё полбеды, а вот если мы сидим рядом, я вообще не знаю, куда себя деть, потому что чувствую, как...

— Как?

— Ну... её бедро...

— Так, стоп, — предостерёг Ян, выставив поднятую ладонь перед собой, — не продолжай. Слишком высокий рейтинг для моей нежной психики.

— Да как скажешь.

— Сеймур, ты идиот. Признайся ей уже, она же явно к тебе тянется!

— Ты её просто не знаешь! — возразил Тим, отбрасывая полотенце в сторону. — Аня, она...

— Да-да, тактильная, я слышал, — вновь нетерпеливо перебил его брат. — Ты такое, кстати, обожаешь. Так что не вижу причин, почему бы тебе наконец не выложить всё как есть. Она тебе нравится, ты ей явно тоже...

— Да с чего ты взял?!

— Это все уже заметили, кроме тебя.

— Ничерта вы не понимаете! — Разозленный, Тимур вдруг подскочил на ноги и принялся мерить шагами небольшую, выложенную темным кафелем ванную, да по привычке своей, обильно жестикулируя и сдаваясь во власть эмоций, громко высказывать накопившие мысли вслух: — Вообще ничерта! Никто! Я сам ничерта уже не понимаю! И я не возбужден!

— Оно и видно, — не сдержал смешка Ян, давно уже не обращавший на импульсивность брата никакого внимания.

— Не так, как хотелось бы! — донесся возмущенный ответ. — Я, блядь, в ярости, и не знаю, куда это всё деть! Ума не приложу, что делать, как мне себя с ней вести, чтобы не перегибать палку! Чтобы она меня потом не возненавидела...

— За что она вообще должна тебя возне...

— Я думал, что справлюсь, — продолжил Тимур, пропуская чужие слова мимо ушей. — Да и когда меня, чёрт возьми, волновало чьё-то ко мне отношение? Ну, когда-то, когда ж это

было... я уже не такой кретин. Не тот глупый, по уши влюбленный дурак, что позволял собой помыкать! Но знаешь, в чём самая задница, Ян?

«О, — подумалось Яну, — так это всё-таки диалог».

— И в чём же?

— Ей я всё на свете готов позволить.

Очки свои он оставил внизу, в небольшом погребке под кухней, где в пыльных бутылках хранилось дорогое, урожая какого-то там бородатого года вино и стояли ящики с ромом. Поэтому сейчас Тимур, подслеповато щурясь, нашарил руками квадратную, выделанную из цельного камня раковину и, уперев об неё ладони, втемяшился лбом в висящее прямо напротив зеркало. Напор оно выдержало, даже трещин не осталось. Лишь с характерно-гулким отзвуком по стене прошла рябь вибрации, затихая где-то позади сливного бачка унитаза.

— Сеймур, — напряженно позвал Ян.

— Я в порядке.

— Силу поумерь.

— Сам такой.

Ответ прозвучал совсем уж невнятно. Ян едва сумел понять этот полупьяный малайский, на который брат переходил каждый раз, когда градус выпитого превышал допустимую лично для него норму.

— Обычно, ты жалуешься, что всё из рук вон плохо и тебя уже достало такое положение вещей. А после идёшь всё исправлять, — осторожно начал Ян в попытке подбодрить его.

— Не в этот раз.

— Даже притом что ты, как сам выразился, кругом перед ней виноват?

— О, спасибо что сказал, — саркастично протянул Тим, отстраняясь от зеркала и с трудом различая своё помятое отражение в нём. — Как раз остужает голову, а заодно напоминает мне, на кой черт всё вообще затевалось.

— И на кой же, Сеймур?

— Потому что я действительно виноват.

— И это всё?

— Это всё. Большого всяким ворчливым псам знать не положено.

— Ты договоришься, — с раздражением осадил его Ян. Выслушивать нетрезвые бредни было одно, но позволять кое-чьей надменной заднице вести себя настолько по-хамски он не собирался. И без того, устал как собака, а тут ещё это чудовище. Мечется словно бешеный медоед, пытаясь сожрать добычу явно не по размеру пасти, так ещё и никому не позволяет расчленивать эту тушу хотя бы надвое. Тут впору было послать брата куда-нибудь в сторону глубокой задницы, но Сеймур перевел на него вмиг ставший сосредоточенным взгляд и тихим извиняющимся тоном проговорил:

— Это правда личное, Ян.

— То самое личное, которым делятся с близкими людьми? — неприязненно отозвался он. — И я, по-моему, всё ещё один из них. Или уже нет?

— Да, всё ещё — да, — в смиренном спокойствии согласился Тимур. — Именно поэтому я не стану выливать на тебя это месиво из вины и гнева. Просто выполняй свои обязанности в рамках контракта да последи, чтобы Аня больше ни во что не встряла. Остальное дерьмо разгребу сам.

— Всё ещё не доверяешь никому из нас?

- Я все ещё не хочу втягивать никого из вас в свои проблемы больше, чем нужно.
- Как всегда, Сеймур.
- Да. Как всегда.

Она ловко спрыгнула с моторной лодки ещё до того, как Юстас вытащил её на берег. Пробежалась босая по остывшему за ночь песку и нырнула в высокие заросли, что окружали территорию виллы на пологом холме. Сквозь предрассветную мглу тропинку было не различить, но госте этого не требовалось. Она ориентировалась по памяти и звукам, которые издавали неуёмные джунгли.

Её быстрые шаги замедлились у вольеров. Тонкие, все в золотых колечках пальцы протянулись сквозь прутья, чтобы осторожно потрепать жесткий загривок медведицы. Та сонно всхрапнула, даже ощерилась опасным рядом изжелта-рыжих зубов, но почуяв родной запах вновь затихла.

Вокруг царил пустынный полумрак. В самых дальних клетках, по другую сторону аллеи, госте померещились звуки невнятной возни. Подойдя ближе, она, к своему удивлению, обнаружила спящих на матрасах людей.

— Здравствуйте-здравствуйте, — с добродушной, но какой-то сальной улыбкой сказал единственный бодрствующих из них.

Языка она не знала, потому чужое приветствие осталось без ответа. Пришелица направилась дальше, и спустя несколько минут прошла мимо парочки наёмников, скучающих у парадных дверей виллы. На ходу поздоровалась с ними кратким кивком головы, а после торопливо поднялась на третий этаж.

— Мы не торгуем людьми уже лет десять, или я что-то путаю? — донеслось вместо приветствия одновременно с тихим звуком отъезжающей в стену двери.

— А я, кажется, просил позвонить, а не заявляться самой, — в тон ей проговорил Тимур. — Или я что-то путаю?

— Просто была неподалёку и решила заглянуть в гости. — Она раскинула свои загорелые руки, чтобы тут же заключить его в крепкие объятия. — Я соскучилась.

— Я тоже, — улыбнулся Тим, прижимая девушку к себе в ответ. Её густые каштановые волосы знакомо пахли самым обычным мылом и немного просоленным океаном.

— Мне всё-таки любопытно, что это за зверинец?

— Долго рассказывать, бутербродик.

— Не называй меня так! — тут же возмущенно шикнула она.

— Почему? — со смешком отозвался Тим, потирая плечо, по которому несильно получил кулаком. — Тебе же нравилось.

— Мне пять лет было!

— А сейчас сколько?

— Двадцать один!

— Да ладно? — он окинул её недоверчивым взглядом и с сомнением в голосе проговорил: — Быть того не может.

— Хватит издеваться, — отмахнулась девушка, по-хозяйски усаживая пятую точку на его рабочий стол. — Что ты тут устроил, Сеймур?

— Моя принцесса перепутала королевство?

— Чего?

— Не припомню, с каких это пор я перед тобой отчитываюсь.

— Ой, да не ломайся, — закатила глаза она. — Я ведь все равно всё узнаю.

— Откуда бы? — усмехнулся Тим.

— О-о-о, дай-ка подумать! — протянула собеседница с предвкушением. — Кого же мне выбрать... Дарма обожает трепаться по поводу и без, но искать его я сейчас не пойду, верно? Верно. Мишель, допустим, та ещё сплетница, но сплетни у неё обычно не так чтобы достоверны... — девушка с задумчивым «хм-м-м» постучала пальчиком по своим губам. — А вот если послушать, что скажет Ян...

— Ладно-ладно, туше, — признал поражение Тим, смиренно вздыхая. — Кэр, но это разговор не на пять минут.

— У нас масса времени. — Она взглянула на своё запястье, на котором красовались тонкие наручные часы, с небольшим электронным циферблатом и белоснежным, в выделке крокодиловой кожи ремешком. А затем, легко пожав плечами, патетично продолжила: — Итак, прекрасная Шахерезада, я вся обращаюсь в слух и готова внимать твоим речам до конца этой чудесной ночи...

— В кои-то веки, — иронично хмыкнул Тим.

— Да, типа того, — кивнула Кэр. — Только напомни, где у тебя тут ром?

— А тебе точно двадцать один?

— Ой, да заткнись уже.

Веранда эта была частью некогда цельного бунгало. Много лет назад чьи-то умелые руки выстроили его у самой кромки джунглей: на границе тонких салатových трав и песчаного пляжа. Но спустя годы обшивка стен почти истлела, а внутренне убранство поглотили шторма, оставив чудом сохранившуюся крышу. Под её высланной сушеными листьями тенью теперь была парочка деревянных столиков и несколько плетёных соф. Ещё красные пластиковые стулья громоздились друг на дружке у одной из вертикальных опор, а рядом — шезлонги и поролоновые матрасы для них.

Здесь Аня спряталась. Скрылась от чужих глаз в самом дальнем уголке веранды, не имея ни малейшего желания хоть с кем-нибудь общаться. А уж когда появился Тимур, которого под руку тащила невысокая темноволосая девушка, с тонкой, словно бы натянутой звенящей струной фигуркой, Анна и вовсе растеряла весь более или менее хороший настрой.

Хозяин виллы вместе со своей спутницей заняли низкий столик по центру. Она плюхнулась на белоснежную обивку диванчика, тут же заполняя пространство собой: разваливаясь, забрасывая одну ногу на другую и кладя локти на верх невысокой лакированной спинки. По её громкому, не терпящему возражений требованию Тимур, сопроводив свои действия шутливым поклоном, пошёл за коктейлями к барной стойке. Та примыкала к небольшому, из трёх стен закутку, по бокам которого возвышались самые настоящие факелы. Подкопченные у чёрных макушек, они вызвали у Ани неподдельный интерес. Хотелось выспросить у Тима, как под хоть и высокой (до поперечных балок потолка была пара-другая метров), а всё-таки деревянной крышей можно умудриться развести живой огонь?

Но подойти она не могла. Не столько потому, что настроение ухнуло куда-то в дыру, а ещё и из-за Максима Сергеевича, так некстати поднявшегося по ступеням веранды в этот момент. Завидев Тимура с бокалами в руках, мужчина направился напрямик к нему и с ходу завёл пространную беседу о погоде. Анна, укрывшись за огромной спинкой плетеного кресла, разговора целиком не слышала, но до слуха то и дело доносились обрывки фраз.

Как она поняла, начальник хотел выяснить время и какие-то там условия их завтрашнего отплытия на материк. Но вместо того, чтобы задать вопрос напрямую, предпочёл пойти окольными путями. Слушать его рассуждения Тимур, естественно, не стал. Сначала притворился ничего непонимающим валенком, чем довёл ненавидящего просить Максима до того состояния, когда это сделать всё же пришлось, а после громко послал директора нахрен. К сожалению, с упоминанием того факта, что все подробности отплытия будут известны Анне. Да. И только ей одной.

— Чёрт, — шикнула девушка, съезжая по спинке кресла вниз в попытке спрятаться. Но за секунду до того Максим Сергеевич взглядом окинул всё пространство веранды и заметил рыжий хвостик своей помощницы. Тут же до слуха её долетел скрип половиц под чужим целенаправленным шагом, и Аня с заунывным вздохом приготовилась к неминуемой встрече.

— Ну, что, Анютыч, всё у тебя тут в порядке? — преувеличено бодро начал директор. — Никто не обижает?

— Вы можете меня так не называть?

— Тебе ж раньше нравилось.

— Нет.

— Ну ладно, — усмехнулся мужчина. — Отдыхаешь тут?

— Пытаюсь, — буркнула Аня, бросив невольный взгляд на зашумевшую парочку.

В этот момент Тим с громким пафосом рассыпался в извинениях перед своей темноволосой спутницей. После какой-то из его шуток она насупилась точно обиженный на весь свет ребёнок, но довольно быстро оттаяла и вновь принялась бросаться кубиками льда из собственного бокала. Когда снаряды кончились, Тимур улучил момент и, с улыбкой склонившись к хохочущей девушке, чмокнул её в макушку.

— Как быстро меняются чужие желания, — задумчиво проговорил Максим Сергеевич. — А я ведь не раз повторял тебе, Анька: всем мужикам нужно женское тепло. И мы берём его от любой, кто готова отдаться. Вчера ты, сегодня она, завтра кто-то ещё.

— Вы уже познакомились? — отозвалась девушка, посмотрев на начальника своими карими, полными ледяного спокойствия глазами.

— А как же, — ухмыльнулся Максим. — Её зовут Кэролайн. Славная девочка, настоящая красавица.

— А Хэ Яна видели? — невпопад спросила она. — Такой подкачанный двухметровый азиат с внешностью голливудского актёра?

— Конечно, видел, — кивнул мужчина. И со свойственной себе привычкой озвучивать весьма важные, по его мнению, впечатления отвесил пару-тройку характеристик про настоящего мужика и отличного парня, хотя на памяти Анны с командиром наёмников Максим не общался ни разу за всё время их пребывания на острове.

— Мой тебе совет, Анька: пока Тимур развлекается с загорелой красоткой, возьми в оборот этого Яна, — он осёкся, заметив, как по лицу собеседницы словно бы проскользнула тень отвращения, но тут же пожурил: — Зря кривишься, очень зря! Выбросила бы ты свои принципы на помойку, секс он для удовольствия, да и чтобы приятно скоротать время перед тем же отплытием. Кстати, в котором оно часу, не подскажешь?

— У Тимура узнайте, — проворочала она и отвернулась в желании показать, что разговор окончен.

— Не хотел бы мешать их явно увлекательному флирту.

— Максим... — сделала над собой усилие Аня, — Сергеевич.

— Да-да?

— Вот вам совет лично от меня: не несите херни не разобравшись. Услышь Тимур, а уж тем более Ян, что вы тут наплели по поводу их сестры, вы бы в тот же миг костей не досчитались. С вашей то любовью всё охаять и свести к банальной ебле.

— Анна! Что за выражения!

Девушка с тихой усталостью выдохнула. Отличная тактика: на замечание начать стыдить в ответ. Манипуляция в исполнении её начальства выглядела как всегда изумительно по-хамски. Борьба с этим было бесполезно. Грубить — тоже, по опыту она знала, что в итоге останется с чувством вылитого на собственную голову ушата помоев из вины и нелепой какой-то уязвленной гордыни. Поэтому Анна как можно нейтральнее проговорила:

— Уходите. У меня нет никакого желания видеть вас. И я не нуждаюсь в наставлениях. Сама разберусь, как мне время проводить. И с кем.

Максим резко переменялся в лице. Свёл черные, с проседью брови к переносице, жестким взглядом окинул сидящую в кресле девушку. И с угрозой в голосе процедил:

— Ты сама меня провоцируешь, хотя прекрасно знаешь, какой сволочью я могу стать. Лично для тебя. Хочешь этого?

Анну пробрало до мурашек. Как если бы её ранним утром вырвали из тёплой постели и выбросили голую на мороз, в обледенелую прорубь, на самое дно. В такие моменты воздуха в груди просто не хватало, и девушка не могла сделать даже вдоха без опасений, что её ребра вот-вот не разорвёт пополам.

Этот человек некогда говорил ей, насколько она драгоценна в его глазах. А после с той же лёгкостью спускал с небес на землю. Раз за разом сталкиваясь с подобным, Аня просто не знала, как себя вести. У кого просить совета? Куда бежать? А бежать ведь и нельзя было. Нечто страшное заставляло её оставаться во всей этой ситуации, замирать где-то глубоко внутри себя и не дышать.

— А вот и та самая Анна, — раздался мягкий, полный смехинка голос. — Мне столько всего про тебя рассказывали!

— Ничего криминального, — замах руками Тимур, появляясь в поле зрения. С громким скрежетом он подтащил один из стульев ближе, будто бы случайно оттесняя массивную фигуру Максима в сторону, и уселся между ним и Аней. Облокотившаяся о спинку её кресла Кэролайн тут же требовательно заявила:

— А мне?!

— В твоём возрасте малыши уже имеют вполне себе развитые хватательные рефлекссы, — пошутил Тимур. — И ножками топают сами. Так что вперёд, тут мебели на всех хватит, выбирай — не хочу.

— Я принесу, — с готовностью отозвался Максим, вступая в чужой разговор на своём ломаном английском.

— Благодарю, но не стоит. — Кэр очаровательно улыбнулась. — Хочу иметь повод пожаловаться родителям на злого старшего братца.

— Мне трындец, — склонившись к Анне, доверительно сообщил Тим. Она как ни в чём не бывало тут же включилась в игру и заговорщицки прошептала:

— Я отвлеку, а ты беги.

— Только если мы побежим вместе.

— Вы на это посмотрите, — послышалось над их макушками, — что за шушуканье вообще такое, Сеймур?!

Максим Сергеевич, ничуть не смущенный тем фактом, что на него никто не обращает внимания, отошёл к перилам веранды. Недовольным взором окинул резвящихся на пляже подчиненных, а после вновь вернулся к смеющейся над чем-то троице и задумчиво повторил:

— Сеймур?

— Ну? — откликнулся Тимур.

— Я думал тебя по-другому зовут.

— Сеймур Теодор Монтенегро, — развёл руками парень в ответ, — приятно познакомиться.

— Ты разве не из России? — удивился мужчина.

— Лет в шестнадцать приехал к вам учиться. Ну и жил некоторое время после.

— Да? А говоришь без акцента.

— Я полиглот. Но, если честно, русский тогда знал плохо, — нехотя пояснил Тим. — Человек, которого я любил, на других языках принципиально не разговаривал, и мне пришлось выучить ваш.

— Человек, которого ты любил? — в легком недоумении переспросил Максим. — А-а-а, ты по другую сторону, я понял.

— Это по какую? — поинтересовалась Кэролайн.

— Гей? — уточнил мужчина с тем предельно вежливым выражением лица, которое больше походило на застывшую восковую маску, призванную скрыть настоящие эмоции от собеседников.

— Нет, — спокойно ответил Тим.

— Вы как-то по-другому себя называете? Ты извини, я не в теме.

Усмешка, скользнувшая по тонким губам Тимура, была пугающей. Таких эмоций на его лице Аня ещё не видела. Как у зверя, собравшегося сожрать добычу целиком, не жуя и не раздирая, просто уничтожить одним быстрым, чудовищным по своей мощности рывком.

— Настоящий русский мужчина, — хлопнула в ладоши Кэролайн, нарушая краткое мгновение тишины и словно бы перетягивая внимание на себя. — Всегда мечтала с таким познакомиться, это же... как это у вас? Фольклор?

— Фольклор! Ну, конечно! — воскликнул Максим Сергеевич. — Если хотите узнать побольше, то я именно тот, кто вам нужен, Кэролайн!

— О, да я просто счастливица. Пойдёмте же! — Она, легким движением оттолкнувшись от спинки кресла, поманила Максима за собой: — Пойдёмте-пойдёмте, покажете мне вашу трупку.

— Вам нравится народное творчество?

— Кто знает, — пожалала плечами девушка. — Но вы наверняка прекрасный рассказчик.

Анна проводила долгим взглядом их спускающиеся к пляжу фигуры: рядом с массивной, обтянутой тканью белой рубашки спиной мужчины Кэролайн казалась такой хрупкой. Но совсем не беззащитной. В её гибких движениях чувствовалась крадущаяся поступь хищной кошки. Пусть и невеликой по размерам, а всё же способной точно выверенным движением вскрыть сонную артерию на шее жертвы. И также стремительно исчезнуть в джунглях, не оставив после себя ни единого следа.

— Я всё время вас с животными сравниваю, — удивленная сама собой вслух выдала

Аня, когда Тим спросил, о чём она задумалась.

— И на кого похожа Кэролайн?

— А тебе не интересно, на кого похож в моём представлении ты? — улыбнулась она.

— Таких зверей в природе нет, — ответил Тимур.

— Почему?

— Потому что я просто фантастическая тварь.

— Дурак, — рассмеялась Аня. — Мартышка ты, блин, Тимур, самая настоящая!

— Да? А Тоня говорила, что дракон.

— Тоня — это твоя бывшая сокурсница?

— Она самая.

— А дракон который европейский или больше китайский? — пробормотала Анна, в раздумье приложив пальцы к подбородку. — Наверное, китайский, с удлинённым телом и короткими лапами, весь в жемчужной чешуе такой, да?

— Угадала, — расплылся в ответной улыбке он. — Я уже говорил, что твоё воображение меня поражает?

— Раз сто. Одного только не пойму: чему ты за столько лет всё ещё удивляешься?

— Ты удивляешь. И к этому невозможно привыкнуть.

— Это звучит...

— Как комплимент?

«Или как нечто большее», — с сожалением подумалось Анне.

Тимур был самым искренним человеком из всех, кто попадался ей на недолгом жизненном пути. И очень откровенным в своих чувствах. Так, как он, никто никогда не говорил о любви. К близким ли, миру в целом или к кому-то в частности. И если только представить, лишь на секундочку, на толику мгновения позволить себе крамольную мысль о том, что их многолетняя связь вышла за рамки пусть и крепкой, но всё-таки дружбы... Тимур бы сказал ей первый. Не было бы непонятных метаний, недомолвок и тех самых знаменитых эмоциональных качелей, о которых гуру-отношений из социальных сетей трубят на каждом шагу. Тот человек, которого Аня знала, просто пришёл бы к ней и без страха быть отвергнутым выложил бы всё как есть.

— Извини, если смутил, — отозвался он, по-своему истолковав её расстроенное выражение лица.

— Всё в порядке, — отмахнулась Аня и в желании развеять атмосферу какой-то напряжённой неловкости решила сменить тему: — Зачем ты моему начальнику про Россию сказал? Он же теперь всем растреплет, что у тебя ориентация какая-то не такая.

— Всем? — не понял Тим. — Это кому?

— Ну, всей труппе.

— Ты о людях, которых я в своей жизни и вижу-то, скорее всего, в последний раз? — смешливо проговорил Тимур. — Не парься, мне ведь плевать на чужое мнение, помнишь?

— Точно.

— Даже если бы я перегрелся на солнышке до такой степени, что в голову вдруг закралась гениальная идея пояснить свою позицию твоему начальству, то у него бы шаблон порвало.

— До него бы просто не дошло, — вздохнула Аня. — Ты же видишь, он непробиваемый.

— Ну... — Парень задумчиво потёр переносицу под дужкой очков. — Тут ведь главное узнать, где броня даёт трещину.

— И ты знаешь?

— Теперь — да.

Чуть дальше, за поляной с бабочками, вверх по руслу ручья поднималась узкая полоска прогалины. На ней, из-за преобладавшей в этой части острова скалистой породы, практически ничего не росло. Только одинокое старое дерево, с твёрдым стволом и тонкими серебристо-зелеными листочками, возвышалось по самому центру. Самое то, чтобы привязать крупного зверя, да оставить его яриться и буяннить без опасений кому-нибудь навредить. От лап медведицы пострадал разве что ближайший чахлый кустик, который она в приступе недовольства искромсала до основания.

— Будет тебе, — отозвался Ян на очередной возмущенный рык. Свободолюбивая натура Настеньки бунтовала против цепи на ошейнике, но строить гуляющую саму по себе кошку теперь разрешалось только хамоватой пятнистой циветте, которая, кстати говоря, была тут как тут.

— Значит, пока Сеймур в лучших друзей играет, ты здесь домашних любимцев выгуливаешь? — вдруг послышалось позади.

— Всё лучше, чем нянчиться с пьяными русскими, — спокойно ответил Ян.

— Они забавные.

Кэролайн возникла рядом почти бесшумно, словно бы джунгли соткали её тонкую фигуру из собственных полутеней, неявных очертаний и переливчатых звуков. Ян протянул к худым плечам руку, обхватил их и крепко прижал девушку к себе. Для краткого поцелуя в висок пришлось по обыкновению наклониться, потому как сестра была гораздо ниже его, хотя ему и хотелось шутить, что с последней их встречи она изрядно подросла. На самом деле ни на дюйм, но Кэр терпеть не могла, когда братья подзуживали на тему её «мелкости», от чего те, конечно же, принимались подначивать ещё больше.

— А тангалунга тут зачем? — пробубнела она, щекой прижимаясь к плечу Яна. — На кормёжку?

— О да, и ещё неизвестно, кто кого быстрее сожрёт.

Настенька, явно нагулявшись по кругу небольшой полянки, теперь принялась раздирать зубами кусок говяжьей вырезки. Порывивала, помогала себе мощной когтистой лапой, второй же отгоняла хотевшую цапнуть её за ухо циветту. Зверёк нападал исподтишка, в самые неожиданные моменты и с разных сторон. Видно, собирался улучшить момент, когда медведица отвлечётся, и утащить кусок мяса с собой.

— Бесстрашный какой, — хмыкнула на это зрелище Кэролайн. Тут же скосила на Хэ Яна хитрющий взгляд и осторожно поинтересовалась: — Как поживает мой второй старший братец?

— Что нужно, бутербродик? — усмехнулся он.

— Да чтоб вас! — воскликнула Кэр. — И почему сразу «нужно»? Хотела, может, узнать, как у тебя дела? Как жизнь вообще?

— Я когда это хочу узнать — звоню. И знаешь, что обычно происходит?

— Ой, не начинай.

— А ничего. — Он ткнул её, вмиг сморщившуюся, в маленький аккуратный нос и шутливо попенял: — Потому что кто-то трубки не берёт.

— Фу таким быть! — заявила Кэр, словно бы отмахнувшись и от едва различимого в чужих словах упрёка, и от чужой руки.

— Уж какой есть, — усмехнулся Ян. — Так чего хотела?

— Посплетничать.

— Нет.

— Ну в смысле?!

— У меня по контракту — неразглашение.

— Он же твой брат!

— И работодатель, — пожал плечами парень в том кратком жесте, примерно обозначавшем «что тут поделывать, только смириться».

— Ну не будешь же ты утверждать, что всё вот это вот, — начала Кэр, указывая рукой куда-то позади себя, — Сеймур устроил по чистой случайности, только чтобы друга... — тут девушка в мимолетной паузе пальцами сделала кавычки, — пригласить к себе погостить.

— Утверждать — не буду.

— Вообще ненормальное для него поведение.

— Да? Это учитывая, кого он отцом называет? — иронично хмыкнул Ян, задней мыслью понимая, что сестре всё-таки удалось вовлечь его в крайне любопытную для неё самой тему. — Вполне себе нормальная ситуация. Более привычная, я б сказал, чем столько лет затишья.

Оба понимающе переглянулись. Сеймур, неугомонный, своенравный и весьма эксцентричный, всегда был в их семье тем самым проблемным ребенком. Никогда никого не слушал и поступал ровно так, как гласили его внутренние ориентиры. А ориентиры у наследника огромного криминального картеля были под стать, и вселенной во многом повезло, что кое в чём они всё-таки совпадали с общепринятыми.

Извечное его желание объять этот мир целиком, забраться в самые дальние уголки, всё разнюхать и осмотреть — оно то и приводило к тем диким ситуациям в их далеком детстве, когда Сеймура можно было отыскать в подземных пещерах, на верхушке нефтевышки или в пасти одной из тех здоровенных акул-долгожительниц, что населяли глубоководные заливы на западной оконечности архипелага. А какие маршруты он выстраивал, чтобы в подобные места попасть! Это заслуживало отдельной книги с историями, как не стоит поступать десятилетним мальчишкам, если мозг генерирует идеи одну гениальнее другой, но все они, при том, не подкрепляются инстинктом самосохранения. Удивительное дело, но как бы не заканчивались эти приключения, а сам Сеймур, да и постоянно таскавшийся за ним маленький Ян, ни разу не пострадали. Острова берегли своих детей, в отличие от внешнего мира, оказавшегося столь враждебным.

В шестнадцать Сеймур вдруг принял решение покинуть родной дом и отправился учиться в Россию. Быть может, ему сделалось тесно на огромном архипелаге, где он знал каждую пядь земли. Или на него стал давить груз ответственности, ведь со временем фраза «Это всё будет принадлежать тебе» начала обрастать новыми кровавыми подробностями, тяжестью принятых решений и властью над человеческими жизнями. Какие бы жесткие черты не проявлялись в характере Сеймура, а тяги к беспричинному насилию в нём не было никогда. И Кэр, и Ян это знали. Но даже они так и не смогли понять, почему брат резко оборвал все связи. И исчез на долгие шесть лет.

А когда вернулся за спиной его было развеянное по ветру сердце и пережитая наркозависимость, о которой семье сообщилось так, вскользь, и уже постфактум, на выходе из клиники, куда он сам себя в своё время и упёк. После этого Сеймур переселился на собственный остров, огородившись от внешнего мира и изредка навещая родные места. Что

произошло с его взрывной, не терпящей несправедливостей этой жизни натурой, тоже оставалось загадкой. За несколько прошедших лет он вёл себя тише воды и ниже травы, поэтому нынешние события вызывали у Кэролайн вполне себе закономерные вопросы. Один из которых, больше всего её интересовавший, она решила задать Яну напрямую:

— Он почему ещё не признался?

— В чём?

— Ян, кончай придуриваться. Я тут меньше суток, а у меня уже уши отваливаются от того, какая его Анна замечательная.

— И ты думаешь, раз он сам не выбирается со своего острова, то решил затащить сюда понравившуюся девушку и признаться?

— А на что это похоже?

— Звучит, как дерьмовый сюжет дерьмового мексиканского сериала, — скривился Ян. — Согласен, Сеймур зачастую принимает совершенно дикие решения и ведёт себя, как сумасшедшая макака. Но у всех этих действий есть вполне себе обоснованная подоплёка. Всегда. И я очень сомневаюсь, что всё происходящее затевалось ради признания. По-моему, он вообще не собирается говорить ей о своих чувствах.

— Почему? — удивилась Кэр. — Боится, что отошьют?

— Сеймур? Боится? — усмехнулся её брат в ответ. — Ты же его знаешь, этот засранец может подкатить и к куску полена, да так, что оно потом само на своей коре сердечки примется рисовать.

— Сердечки?

— Ты поняла меня.

— Да, но я всё ещё не понимаю, что он затеял.

— Напомнить тебе негласное правило семьи?

— Да-да-да, — нетерпеливо проговорила девушка, — мы не лезем в личную жизнь друг друга, пока кто-то из нас сам не попросит помощи.

— Умница. — Ян опустил свою ладонь на макушку Кэролайн и, осторожно притянув к себе поближе, коснулся губами её волос.

В смешливом недовольстве Кэр снова наморщила нос, но вслух ничего не сказала. Как бы ей не хотелось доказать своим братьям, что перед ними уже далеко не та пятилетняя малышка, которую можно было постоянно таскать на спине и тискать за пухлые щечки, а расставаться с ощущением всеобщей любви она всё-таки не спешила. Кэролайн старалась не переходить грань вседозволенности, остальная же часть семьи молчаливо оставляла за ней право распоряжаться своей жизнью, как вздумается. Хотя она и подозревала, что после случившейся у Сеймура зависимости в некоторые дерьмовые ситуации ей попасть просто не позволят. Вытащат за шкуру и надают по заднице. По воображаемой, конечно, поскольку ещё одним семейным правилом запрещалось разрешать конфликты между друг другом хоть каким-нибудь из видов насилия.

— Анна вроде ничего такая, — проговорила Кэр, отрываясь от чужого плеча и торопливо направляясь в сторону медведицы.

— О, — кратко протянул Ян, — ваше высочество одобрило?

— Будто Сеймуру есть дело хоть до чьего-то одобрения. — Она резко склонилась к рычащей Настеньке и выставила руку вперёд, с точной уверенностью, что распахнутая, готовая вцепиться в пятнистое тельце пасть, не сомкнётся на её запястье. Медведица, лапой придавившая цветету к земле, в изумлении уставилась на возникшую перед ней фигуру.

Тяжелая челюсть застыла буквально в нескольких дюймах от загорелой кожи, на которую тут же упала вязкая капля слюны.

— Фу, Настя! — шикнула Кэр, не торопясь убирать руку. Зверёк всё ещё бился в железной хватке медведя в попытках вырваться на свободу, но отпустить его никто пока не собирался.

— Настя, — с угрозой выговорил оказавшийся рядом Ян. — Кто там.

В ответ та недовольно рыкнула и увела пасть в сторону, так и не коснувшись руки Кэролайн. Девушка слегка постучала ладонью по её покрытой жесткой шерстью лапе и проговорила:

— Давай-давай, родная, и тангалунгу тоже.

Полупридушенный кошак как-то подозрительно затих, словно бы прикинувшись мертвым, но было понятно, что стоит только медведице ослабить хватку, как он тут же что есть сил пустится наутёк.

— Знаешь, — задумчиво проговорила Кэр, обращаясь к Яну и всё продолжая поглаживать напряженно сведенную лапищу, — даже если бы Анна была распоследней гадиной и никого в семье не устраивала, он бы все равно не перестал так на неё смотреть.

— Ревнуешь, принцесса?

— Но Сеймур правда как замороженный, — вздохнула она. — Ещё начальник этот Максим, кажется, да? Я в какой-то момент перепугалась, что ему просто напросто башку оторвут. Столько ярости в глазах брата в жизни не видела. Что между ними произошло вообще?

— Я думаю Анну планомерно доводят, она жалуется Сеймуру, чтобы просто отвести душу, а у того руки связаны. — Ян хмыкнул, наблюдая за тем, как выскользнувшая циветта побежала в сторону джунглей, но задержавшись на мгновение у корней старого дерева, задрала хвост и пустила на ведущую к ошейнику цепь вонючую струю.

— О, боги, — рассмеялась Кэр, — давай домой его заберём? Дядюшка придёт в полнейший восторг.

— Рисковое предложение, — хмуро сказал Ян. — Он такие подарки на коврики для душа пускает.

— Ну, если подарок будет от меня...

— Не стоит. Да и Сеймур не согласится.

— Почему, кстати, Анна не попросит его помочь? Ну, с начальником.

— Потому что такая же мисс «Я сама со всем справлюсь», как и он.

— О, тогда понятно, — улыбнулась Кэролайн. Хотела было стереть краем футболки слюни медведицы со своей руки, но Настя высунула длинный язык и принялась слизывать их сама. Оставляя после себя ещё больше.

— Какие нежности, — отозвался на это зрелище Ян, тут же возвращаясь к теме их беседы: — Тебе тоже пришло на ум сравнение про влюбленных баранов?

— Ага, — кивнула она. — Но есть у меня помимо прочего одна идеяка.

— Кэр, мы не лезем...

— Я просто попробую минимизировать риски.

— Ладно, — сдался Ян, мысленно убеждая себя в том, что не обязательно эта её очередная затея (которую сестра совершенно точно воплотит в жизнь с ним или без него) обернётся чем-то ужасным. А если и обернётся, то лучше знать всю подоплеку заранее, чем встречать возможные неприятности в неизвестности.

— Так что, — произнесла Кэр, возвращая его из мыслей, — могу на тебя положиться?
Ответом ей послужил молчаливый кивок головой.

Ещё утром Аниным коллегам было объявлено о скором отплытии домой, от чего те пришли в неопиcуемый, даже какой-то взбудораженный восторг. Стали вести себя гораздо свободнее, тем более что представилась возможность позагорать на настоящем тропическом пляже и окунуться в кристально-чистые воды Тихого океана. Кажется, уже никого из них особо не беспокоило, что невдалеке прогуливаются громилы с автоматами, а саму труппу не столь давно держали взаперти.

За подобной сменой настроений Анна наблюдала с изрядной долей скепсиса, рассуждая в своих мыслях о том, что эти же самые люди создали из ситуации катастрофу, почти конец света, вина за который целиком и полностью была возложена на её плечи. А теперь ничего, вы на них поглядите, свыклись, смирились, рассекают на волнах со счастливыми улыбками и брызгают в друг дружку водой как ни в чём не бывало. Но девушка была уверена процентов на тысячу, что по возвращению в Россию ничего хорошего от них она не услышит. Если, конечно, Тимур действительно каким-то немислимым образом не заставит труппу обо всём забыть.

У Ани были догадки на этот счёт. Ещё в те далёкие времена, когда Тим переживал наркотическую зависимость, между ними произошёл довольно странный разговор про вещи, которые обычным людям неподвластны, но которые лично ему достались с рождения, едва ли не как способность видеть или дышать. С учётом того, что все его истории про себя по итогу оказались правдой, Аня поверила и в это.

Сложно было не поверить, когда твоего друга слушаются все островные твари: от маленькой циветты до здоровенной медведицы; также ходят по струнке обвешанные гирляндами пулеметных лент наёмники; а ещё выполняет все его указания такой отдельный вид искусства, как Ван Хэ Ян. И, более того, прогибается сам Максим Сергеевич. Последнему, конечно, ничего другого и не оставалось, как подстраиваться под бывшую «себе на уме» натуру Тимура, что не могло не вызывать в Анином сердце немного злорадное чувство справедливости.

Но не только хозяину тропического острова удалось заставить плясать под свою дудку этого дурного на всю голову начальника. Как оказалось, дар царского волеизъявления — это семейная черта, и Кэролайн ею пользовалась на полную. Так по её высказанной в приказном тоне просьбе, Максим сначала заставил труппу водить хороводы у разведенного посреди пляжа костра, а после, когда все они изрядно накидались ромовыми коктейлями, хором пропевать куплеты русско-народных песен. Где-то композиции на десятой Кэр загадочно исчезла, а артисты продолжили себе развлекаться и дальше. Но недолго.

Спустя полчаса на пляже случилось очередное происшествие, которое позабавило Анну даже больше, чем весь приевшийся колоритный фольклор.

Это было фееричнейшее зрелище. Она так и сказала Тимуру: «Феерия и дерьмо, что может быть лучше?» Ещё присовокупила к своей фразе парочку комментариев по поводу их семейной тяги устраивать полнейший кавардак. Стоило только уточнить, всем ли гостям положен такой «all inclusive» или она одна удостоена чести быть почётным зрителем?

— Зрителем? — задумчиво переспросил Тим. — Ну нет, ты тут уже как полноправный участник.

— Надеюсь, со стороны организаторов? — тихо рассмеялась она в ответ.

— Конечно.

Их беседу прервал очередной истошный вопль. Кто-то из её коллег судорожно хватал вещи и пытался уплыть в сторону Таиланда (хотя по прикидкам Ани по ту линию горизонта находилась Индонезия), другие же выхватывали из костра поленья, в надежде защититься от порывающей где-то в ближайших кустах медведицы.

— Сохраняйте спокойствие! — орал Максим Сергеевич, размахивая руками и призывая людей к порядку.

Ему стоило отдать должное. Оставив за спиной взволнованную труппу, он первый выступил вперёд, порываясь выяснить у выскочившего из зарослей Эдика, что же случилось.

Минутой ранее администратор на полном ходу, без штанов и в наполовину натянутых трусах, с громкими воплями пронёсся мимо костра. На закономерный вопрос от Максима, какого черта Эдика понесло туда, тот ответил на простейшем быдло-русском настолько прямо и просто, насколько мог агонизировать его перепуганный мозг. Нечто в духе: «А чё я... а меня, а она... приспичило меня, чё, терпеть?! А там медведь!»

— Опа, рифма, — хихикнула себе в ладонь Аня, наблюдавшая за всем происходящим с веранды.

Тимура же в этот момент занимала куда более практичная мысль: как Настя смогла вырваться на свободу и оказаться именно здесь, поближе к шумным людям, хотя в характере её всегда была тяга к одинокому блужданию по джунглям.

Вообще, всю театральную труппу настоятельно просили не загаживать продуктами своей жизнедеятельности девственную островную природу, а также не менее чистый океан; и Эдичка, по идее, не должен был лезть в кусты, но это уже мало кого волновало. Артисты переполошились не на шутку, и даже полные какого-то безразличного спокойствия охранники с автоматами не вызывали ни у кого из них доверия. Тимур, впрочем, тоже не торопился окликать резвящуюся в пляжных зарослях Настю, да и своим наёмникам приказов никаких не отдавал. Не то чтобы ему было интересно знать, как ведёт себя перепуганная толпа в экстремальной ситуации. Нет. Таких зрелищ в его жизни хватало. Просто у всего происходящего оказался неожиданный эффект: хмурившаяся весь вечер Аня, удостоившая своего спутника едва ли парой-другой улыбок, наконец развеселилась, наблюдая за тем, как коллеги её беснуются в попытках совладать с ситуацией.

Максим Сергеевич тем временем из стадии призыва к порядку перешёл в контрнаступление. Он принялся искать среди мужского состава труппы добровольцев, готовых с поленьями и, видимо, трусами от купальных костюмов кинуться на огромного дикого медведя. Люди, естественно, возмущенно отнекивались, прикрывались наличием детей и больной старушки-матери, оставшейся в России, а заодно посылали начальника в далёкие дали. Девчонки же собрались кружком, что-то быстренько обсудили и решились на ответные меры.

— Мы сыграем роль приманки, — смело заявила Марго, перевязывая своё ярко-желтое парео с бёдер на грудь, чтобы удобнее было бежать.

— Маргарита, даже не смей! — грозно отозвался Максим.

— Я отвлеку, а вы нападете!

— Нет! Мы не можем так рисковать!

— Пока вы здесь будете препираться, Максим Сергеевич, медведь атакует первым! — возразила Марго.

Ветви у границы пляжа затрещали под поступью тяжелых лап. Своим грузным телом Настя прокладывала дорогу на звук шумных возгласов и, вторя им громогласным рыком, явно намеревалась хорошенько повеселиться.

Максим резко встал на пути у сделавшей было шаг Марго, тогда как остальная часть труппы сгрудилась за высоко вздымающимся пламенем костра. Отступить было некуда. Позади — океан, спереди — высунувшая скалящуюся морду Настенька.

— А не пора ли всем баиньки? — вдруг громко поинтересовалась Анна.

— Моя госпожа уверена? — удивленно приподняв брови, спросил Тимур. — Быть может, она пожелает досмотреть картину хотя бы до сцен баталии?

— Уволь меня от сего зрелища, — величественно отмахнулась девушка.

— Как пожелаете. — Перехватив её тонкую кисть, он в поклоне оставил на ней лёгкий поцелуй. И тут же, пряча довольную улыбку в уголках губ, приказал Насте вести себя тихо.

Медведица с ворчливым порыванием, попутно сминая седыми боками остатки кустов, развернулась и потопала куда-то в сторону темных джунглей. Театральную труппу, слегка очумевшую и пока ещё не сообразившую, когда уже можно начать возмущаться столь ужасным сервисом, в полном составе настойчиво выпроводили с пляжа. На нём, утихшем от феерий, криков и излишней театральщины, стало как-то неожиданно пусто. И от того спокойно.

— Ну и зачем? — спросила Аня у вставшего рядом Тимура.

Он ткнул пальцем куда-то в дальний конец пляжа, где виднелись чинно прогуливающиеся фигуры: высоченная Хэ Яна и совсем низенькая Кэролайн.

— Вот заразы, — удивленно рассмеялась она в ответ.

— Ещё какие, — хмыкнул Тим, кивком указывая в сторону всё ещё жарко пылавшего костра: — Составишь мне компанию?

Песок под бёдрами был очень тёплый, шероховатый и вязкий, а ладони, вытянутые к огню — горячими.

Когда Тимур ушёл с обещанием раздобыть чего-нибудь перекусить, Анна осталась в полном одиночестве. Наедине с первозданно-тихой необъятностью мира, которую едва уловимо нарушали потрескивающие в костре поленья и накатывающий мерными волнами прибой. Океан был почти бесшумен и полностью обесцвечен. Идеальный чёрный вплоть до самого горизонта. Где он тот горизонт? Ни луны, ни звёзд на небе, только пламя, согревающее лицо.

В какой-то момент Аня вдруг почувствовала себя дома. Там, на далекой, ничуть не похожей родине, где вместо бескрайней водной глади широкая река, а над макушкой — бурые ветви вековых елей. Островная природа совсем не походила на ту, знакомую с детства, но и эта земля словно бы пыталась нашептать: «Я принимаю тебя».

— Что-то не так? — окликнул её Тимур. Вернувшись с руками, полными очень сладкой, но абсолютно вредной еды, он увидел сидящую с зажмуренными глазами Аню, отчего-то обеспокоенно нахмурившуюся, едва ли не расстроенную.

— Разговариваю с духами, — с кривоватой улыбкой выдала она. — О, зефирок принёс?

— Что нашлось. — Прямо на песок Тимур вывалил разноцветные, шуршащие упаковкой мешочки. — Так что там с духами?

— Я в них не верю.

— А они в тебя, по ходу, очень даже.

— В том то и проблема, — с тихим выдохом проговорила девушка. — Как бы я не бежала от прошлого, а оно, кажется, может настигнуть меня даже на другом конце света.

— Ну, я ему такое провернуть вряд ли позволю, — ответил Тим, резко разрывая край пакета и ловко подхватывая тут же выпавшие из него мягкие цилиндрики. Несколько из них он закинул себе в рот, а остальные протянул Ане, вместе с тонким, очищенным от листьев прутиком.

— Прямо-таки не позволишь? — она с недоверчивым прищуром взглянула на своего собеседника.

— Это в моих силах, — туманно отозвался Тим.

— Ла-а-адно, — протянула Анна, одновременно с тем пытаюсь насадить парочку маршмэллоу на конец прута. — Могу я задать вопрос?

— Не касательно дел семьи?

— Нет.

— Вперёд.

— Личный остров у тебя откуда?

— О, это удивительная и очень поучительная история, — патетично отозвался Тим.

— Я вся внимание.

— Давным-давно четыре народа жили в мире, но все изменилось, когда народ огня развязал войну...

— Тимур, блин! — смешливо попеняла ему Анна. — Я же серьезно.

— А если серьезно, то это касается дел семьи. — Он с улыбкой вслушался в её почти обиженное: «Куда ни плюнь, одни тайны», а после проговорил: — Мой отец угрохал хозяина этого острова лет пятнадцать назад, и тут всё медленно приходило в запустение, пока я не решил, что с меня жизни в больших городах достаточно, и не перебрался сюда.

— Я думала, ты где-то в Австралии живёшь.

— Ошиблась на несколько сот фарватеров.

— Доколе, я спрашиваю? — воскликнула девушка, поднимая к темнеющим небесам руки. В одной из них всё ещё был зажат прутик с пылающей на его конце зефиркой, и наигранного пафоса в действиях Ани резко поубавилось, когда она принялась интенсивно трясти рукой, чтобы потушить огонь. — Доколе... ах ты ж собака, сгорела... так о чём это я?

— Я подколол тебя.

— Точно. Так вот, я спрашиваю: доколе ты, негодяй этакий, будешь меня подкалывать?

— Но что я могу поделывать? Твоя возмущенная моська то ещё зрелище!

— Ах так!

— Ты правда очень милая, когда ворчишь, — проговорил он, скрывая во взгляде мягкость, и тут же, словно бы прячась за пришедшим в голову сравнением, заявил: — Даже милее Яна! А я жуть как люблю над ним подшучивать.

— Я польщ... погоди, ты серьезно считаешь его угрозы милым ворчанием?

— Какие ещё угрозы?

— Ну, вот это вот... — Аня состроила максимально серьезное выражение лица, пытаюсь скопировать извечно каменные черты Хэ Яна: — Сеймур, ещё хоть слово, и я намотаю твои внутренности на лопасти вентилятора.

— О да, очень похоже, — рассмеялся Тим. — Только не называй меня Сеймур.

— Почему? — удивилась она. — Это ведь твоё родное имя.

— Потому что для тебя я лет десять как Тимур, и мне непривычно слышать, как ты

зовёшь меня по-другому.

— Ну, если для тебя это так важно...

— Важно, — кивнул он. — Что до Яна, так если бы хотел что-то мне намотать, то уже бы намотал. А в остальном у нас с ним так — переругивания обычные.

— Но он с такой агрессией всё это выговаривает!

— Выпендривается, — отмахнулся Тим. — Он если серьезно настроен прибить, обычно не угрожает, а сразу действует.

— Успокоил, — пробурчала девушка в ответ.

— Не пугайся, тебя это ни в коем случае не коснется.

Анна в недоверчивом жесте покачала головой из стороны в сторону, а после аккуратно провернула очередную маршмэллоу над языками пламени. Белый бок подрумянился, постепенно покрываясь тёмной карамельной корочкой. В этот раз веточку она убрала как раз вовремя, чтобы всё застыло снаружи и растеклось сладкой патокой внутри. Дюя на зажатую меж указательным и большим пальцами зефирку, Аня серьезно произнесла:

— Ты знаешь моё отношение к людям, которые сильнее меня физически. Особенно к мужчинам. И я не настолько хорошо знакома с твоим братом, чтобы просто взять и перестать беспокоиться. А если его разозлит какая-то моя реакция? А если я ляпну что-нибудь не то?

— Он просто попросит больше такое не ляпать, — спокойно ответил Тимур. — Ян, конечно, гора мышц, но не тупой. И вообще довольно добрый, ну, глубоко внутри... — усмехнулся парень. — По крайней мере, нас с ним не воспитывали решать недопонимания и обиды сразу пуская в ход силу. Только если того действительно требует ситуация.

— Это, к примеру, какая?

— Когда до собеседника иначе не доходит и он нарывается сам, — принялся перечислять Тим, видя, насколько ей сейчас важно получить наиболее чёткий ответ. — Когда угрожают жизни и здоровью кого-то из близких. Или когда выходов больше не осталось. Мир, конечно, может и стремиться быть менее воинственным, но насилие от нас никуда никогда не денется. Всегда будет тот, кто спросит: если у меня кулаки, то почему я не могу взять то, чего у других в достатке? В таком случае разговорами и буддийским смирением делу не поможешь. Как по мне (а я вообще ни хрена не буддист) золотая середина не в проплывшем трупe твоего врага, а в балансе между умением уступать и умением постоять за себя.

— Знаешь, — проговорила Аня, спустя несколько мгновений молчаливой задумчивости, всё пытаясь уложить в голове услышанное и прожевать тающий во рту зефир, — твоим близким очень повезло с тобой, Тим.

— Ты тоже довольно близкий для меня человек.

— Это ведь не так, как семья.

— Я не разделяю.

Слова его, серьезные и отчего-то показавшиеся такими откровенными, Анну смутили. Она отвернулась в попытках скрыть выражение лица и на закономерно прозвучавшее: «Я задел тебя чем-то?» решила не отвечать. Не услышала, и всё тут. Потому что если бы услышала, то пришлось бы признаться себе, что сердце её неуёмно бьющееся действительно задето. Довольно сильно, если не сказать глубоко.

На пакетики сладкого, которые валялись на песке между ними, вдруг опустилась чья-то загорелая рука. Деловито прошуршав, пальцы выхватили из кучки небольшую упаковку с

мармеладками в форме разноцветных крокодилчиков, а затем растворилась в сумеречных тенях пляжа также неожиданно, как и возникли. Конечно, благодаря отсветам пламени Анна успела рассмотреть и чужую смешливую улыбку, и невысокую фигурку, которая спустя мгновение показалась уже по другую сторону костра.

Усевшись на стоящий там низкий шезлонг, Кэролайн как бы невзначай поинтересовалась:

— Это весь наш сегодняшний улов?

— А что тебе не нравится? — усмехнулся Ян, появляясь столь же неожиданно и опускаясь рядом с сестрой.

— Барную карту не предоставили, — хмыкнула она в ответ.

— Все вопросы к Сеймуру.

— Эй, вы двое, — буркнул Тим. — Это что вообще за цирк был?

— Какой такой цирк? — состроила удивление Кэролайн.

— С медведями и артистами!

— Звучит, как мой обычный рабочий день, — меланхолично, почти наплевательски пожал плечами Ян. Из предложенного ему пакетика он выудил довольно-таки упитанного уродца, больше походившего на разбухшую желтую пиявку, чем на крокодила, но при всей своей любви к изысканной кухне привередничать не стал. Закинул в рот мармеладку да начал пережевывать с таким занятым видом, что Тимур махнул рукой и на него, и на принявшуюся болтать с Анной младшую сестру. Молча поднялся, отряхнул шорты от налипшего песка, а после неторопливо направился куда — то в сторону веранды.

— Он за ромом, — пояснила Кэролайн, видя как собеседница её, на миг умолкнув, проводила спину Тимура обеспокоенным взглядом.

— Это у вас семейный напиток? — неловко пошутила Аня в ответ.

— Угу. — Кэр аккуратно откусила головы у горстки железных рептилий, зажатых словно маленький букетик в кончиках её пальцев. — Мы же все здесь наследственные пираты.

— Надо же, а в каком поколении?

— В наглухо отбитом, — со смешком отозвался Ян.

— И это даже не шутка, — вздохнула его сестра.

Откуда-то сбоку она словно бы по мановению волшебной палочки вытащила портативную колонку, по форме напоминавшую ярко-желтый, вытянутый в длину бочонок. Чуть наклонилась и воткнула её в песок прямо рядом со своими босыми ступнями, ещё слегка прикопала у основания, чтобы колонка держалась надёжнее. На замечание вернувшегося Тимура о том, что динамики после такого просто выйдут из строя, Кэролайн лишь помахала рукой где-то на уровне своего носа в том забавном жесте, примерно обозначавшем: «Ой, не занудствуй».

— Да-да, я тоже тебя люблю, — ответил Тим, как раз склоняясь к ним с Яном, чтобы протянуть круглобокие стеклянные стаканы. В руках его таких было несколько, и каким-то чудом парню удавалось держать заполненные ромом ёмкости так, что ничего не переливалось через край.

— Вот это ловкость, — удивилась Аня, когда Тимур вновь сел рядом с ней. Последний из стаканов переключал в её согретые теплом костра ладони, и она с благодарной улыбкой приняла его.

На вкус ром оказался дубленным, иначе не скажешь. Словно карамель вымочили в чём-то

терпком, отдающим древесной смолой и тонкими, едва острыми специями. Анна не была уверена, понравилось ли ей такое сочетание, но ничего похожего она точно никогда в жизни не пробовала.

— Как тебе? — спросил Тимур, тоже сделав глоток.

— Ну, не настойка на травах, конечно, но за неимением лучшего... — с шутливой надменностью протянула Анна.

— Что ж, — нахмурившись, проговорил он, — следующий раз исправлюсь.

«Снова это чувство», — мельком подумалось ей. Когда поймала его скользнувший взгляд своим, не менее любопытным, в бесцветных глазах отражался смех. Вместе с обещанием действительно раздобыть что-то очень крепкое и предельно настоящее на самых отборных травах.

— Тёмные небеса, Сеймур, что за хрень ты слушаешь? — вдруг воскликнула Кэролайн. В руках её оказался сотовый Хэ Яна, которому пришлось отдать его со смиренной покорностью родителя перед канючившим ребёнком. Но пролистнув забытый русской попсой список сверху донизу, этот ребёнок так ничего и не понял, а потому вновь возмутился: — Это чья вообще подписка?

— Моя, — улыбнулся Тим. — А плейлист Анин.

— Анна, что за хрень ты слушаешь?

— Уж простите, — ответила девушка, ничуть не обидевшись.

Кэролайн нашла, наконец, нужную песню и включила её, выводя через беспроводное соединение на воткнутую в песок колонку. Громкость на той, вдруг пустившей легкую рябь вибраций, пришлось уменьшить, хотя мелодия все равно оказалась приятной на слух. Что-то о прогулках под звездами, луне и ночи, полной чувственных ласк. Слова баюкали под такт волнами забиравшегося на берег океана, и Анна окунулась в них настолько, что без раздумий протянула руку сидящему рядом Тимуру:

— Потанцуешь со мной?

— Ты меня... приглашаешь? — в легком удивлении отозвался он.

— А на что это похоже?

— Да я...

— Ну же, — улыбнулась Аня, — я ведь знаю, что ты любишь танцевать.

Тим смутился лишь на краткое мгновение, но сразу же взял себя в метафорические руки, а вполне осязаемую ладонь вложил в её собственную. И с ответной улыбкой поговорил:

— Я веду.

— Это мы ещё посмотрим.

Поначалу они двигались неторопливо. И хотя песня больше походила на ту медленную композицию, под которую танцуют парочки на школьных выпускных, как покачиваться в такт то затихающему, то на припеве ускоряющемуся темпу было не особо понятно. Поэтому Аня с Тимуром, посовещавшись насмешливыми улыбками, принялись кружить друг дружку по пляжу то имитируя танго, то венский вальс поочередно. На втором куплете кому-то из них пришло в голову выдать несколько «па» из той серии, когда прихлопывают в ладоши или отбивают гопак. Другой тут же попытался повторить их, а после придумать свои, ещё более дурацкие. Вся затея с обычным танцем для двоих превратилась в подобие какого-то соревнования, под конец которого Тимур заявил, что стал слишком стар для подобных забав, и просто-напросто свалился на песок.

— Конечно, не совсем так, как я планировала, — проговорила Кэролайн, с удивлением наблюдая, как Анна пытается за руку оттащить её старшего брата поближе к костру. А тот, не желая подниматься и всеми силами упираясь, с громкими стонами просит бросить его здесь и спастись самой. — Но им, кажется, весело.

— А ты чего ждала? Романтики? — со смешком уточнил Хэ Ян.

— А чего ждут от медленного танца?

— Откуда мне знать?

— Неужели никого не приглашал?

— Я и пляски — то ещё зрелище. И как ты себе это представляешь?

— Действительно, — хмыкнула Кэр. — Ты просто ещё не встретил того самого человека, с которым захотелось бы потанцевать.

— Очень сомневаюсь, бутербродик.

— Да сколько ж раз вам повторять...

— А почему бутербродик? — полюбопытствовала Аня, вернувшись к костру в одиночку.

— Да потому что я не ела ничего, кроме сэндвичей с арахисовой пастой и солеными пикули! — раздосадовано всплеснула руками Кэр.

— Это были корнишоны, — поправил Ян.

— Какая разница?

— Маринованные томаты ты, допустим, есть отказывалась.

— Кто вообще добавляет томаты в бутерброды?

— А кто нам с тобой всё детство срезал хлебные корочки?

Оба они как по команде взглянули на старшего брата, так и оставшегося валяться на остывающем песке в десятке шагов от костра. Ноги свои он раскинул в разные стороны на манер морской звезды, а руки сложи под голову, из чего можно было сделать вывод, что подниматься в ближайшее время парень действительно не собирался.

Здесь, подальше от слепящего глаза пламени, темно-лиловый вечер плавно перетекал в светлеющую ночь. Над широколиственными макушками пальм небо рассыпалось звёздами, как всегда запоздало, будто нехотя, в том тоскливом ожидании одиночества, когда весь земной мир наконец уснёт и погасит свои электрические огни.

— Небо такое огромное, но совсем другое, — донеслась восхищенная фраза, и весь обзор ему заслонило Анино мягко улыбающееся лицо. — И знакомых созвездий нет.

— На экваторе всё другое, — отозвался он, жестом прося опустить протянутый стакан с ромом прямо на песок.

На фразу его, бессмысленную и вместе с тем такую наполненную, Аня не нашлась, что ответить. Да и что было говорить, когда оглушительная тропическая ночь накрыла их с головой. Джунгли по другую сторону прибоя уже привычно пели шорохами и стрёкотом, а здесь, в отдалении от всего постороннего, атмосфера вдруг стала глубиной с океан.

— Я хочу попросить тебя остаться, — тихо сказал Тимур.

— Предлагаешь ещё погостить у тебя? — уточнила она, задумчиво вертя грани стакана в своих пальцах.

— Да.

— Но я должна...

— Кому ты должна? — В полутьме стёкла его очков вдруг поймали блики костра, когда он повернулся и пристально взглянул на девушку. — Ты всё пытаешься выбор сделать, а выбора, по сути, никакого и нет.

— О чём ты? Какой выбор? — в усмешке её послышалась горечь. — Между ними и тобой?

— Между ними и собой. Хочешь выглядеть в глазах коллег хорошей — твоё право. Только не забывай, чем ты ради этого жертвуешь и на сколько частей себярываешь...

— Да-да-да, «и надолго ли тебя хватит», — сказал ты ещё прошлый раз. — Аня едва ли не швырнула стакан в сторону, чтобы тут же, в раздраженном каком-то жесте прислонить ладони к своему лицу и нервными движениями растереть бледные щёки. — Мы же об этом говорили, Тим. Мне поддержка от тебя нужна, а не нотации!

— А что я поддерживаю, не подскажешь? — холодно перебил Тимур. — В чём я тебе помогаю, Ань? Тянуть эту бесконечную лямку из дерьмового отношения начальства и двуличного — коллег? Они никогда не изменятся, а ты всё будешь продолжать ждать от них какого-то сказочного принятия. Пойми же, ты не вписываешься в рамки чужой адекватности, она сквозит лицемерием и фальшью, а ты — другая. Ещё не устала выбирать их вместо себя? Я вот чертовски устал.

— Устал, значит? — Она, не глядя на него, резко поднялась с песка.

— Ты поняла, что я имел в виду. — Тимур тяжело набрал в грудь воздуха и словно бы вытолкнул его весь ртом. — Приди ты ко мне и скажи покалечить твоему директору психику, я бы это сделал. Но слушать, как он тебя доканывает, и отвечать, что всё будет хорошо, я больше не в силах.

— Ясно.

— Ань, ну не обижайся!

— На правду, Тимур, не обижаются.

— Но ты почему-то уходишь!

Она замерла на полушаге, давая своим мыслям возможность воззвать к разуму, а не к чувствам. Гнева её, расплавленного и кипящего, всё-таки не хватило, чтобы послать парня куда подальше. Да и в целом, он был прав. На все сто, а то и тысячу процентов. Именно поэтому Аня нашла в себе силы обернуться и спокойно сообщить:

— Я иду в свою комнату. Завтра рано вставать, а возвращение на родину обещает быть весьма утомительным.

Цикада оказалась похожа на здоровенную муху. Даже не на кузнечика, как изначально думала Аня, а просто-напросто на какую-то цеце переростка, или, чего хуже, на одного из тех мерзких кусачих оводов, что водились у берегов знакомой ей с детства реки.

Толстое насекомое, укрытое полупрозрачными крылышками точно плащом, сидело на шероховатой поверхности стены не шевелясь. Белый фон оттенял его крупные алые глазенки навывкате и округленькое буро-зеленое тельце. Как именно она издавала звуки, Анна не очень поняла, но верещание её, надсадное и повизгивающе-стрекучее, не могло заглушить серии чужих кратких вдохов.словно человек, стоящий напротив, всё пытался судорожно втянуть воздух носом, громко и демонстративно принюхиваясь к чему-то.

— Что, Анютыч, новые духи? — выдал Максим Сергеевич.

— Костёр называется, — буркнула девушка в ответ.

— Тебе идёт, — расплылся в усмешке он, довольный удачной шуткой.

«Дебил», — с раздражением подумалось ей. Пришлось перевести взгляд с противной цикады вниз, на зацепившуюся за ветки ткань парео. Куда угодно готова была смотреть, лишь бы не на рожу вдруг возникшего посреди тропинки начальника.

Вернувшись в свою комнату после непростого разговора с Тимуром, девушка поняла, что спать ей вообще не хочется, а собирать особо и нечего. Вещи, которые она всё это время носила на себе принадлежали кому-то другому, а телефон умещался в кармашке легких хлопковых шорт, какие были на ней ещё в момент того злополучного взрыва на одной из трасс Таиланда. Всего-то несколько дней назад, а, казалось, уже прошла целая вечность.

Аккуратно сложив пестрые футболки Тимура на невысокий комод, Аня взяла в руки парео и в необдуманном порыве решила отнести его к вольерам, чтобы отдать Марго. По её прикидкам труппа как раз должна была заканчивать собирать свои чемоданы и укладываться спать.

То, что она встретила Максима меж тускло освещенных аллеек удивления у неё не вызвало. Скорее обреченное, привычное уже даже отвращение в купе с желанием развернуться и свалить отсюда куда подальше.

Мельком пронеслась мысль, что начальнику её вечно удаётся каким-то немислимым образом ускользнуть от внимания Хэ Яна и его парней. И влетит же кому-то снова, хотя и не совсем справедливо. Наёмников было вполовину меньше, чем оголтелых, вечно порывавшихся куда-нибудь сунуть носы членов театральной труппы. Попробуй уследить за всеми.

— Решила вернуться вместе с нами? — проговорил начальник, со скучающим видом наблюдая за тем, как девушка возится с тонкой тканью парео в попытках отцепить её от оказавшихся неожиданно хваткими веток. — Похвально. Хотя я думал, что удержишься.

— С чего бы?

Максим Сергеевич не ответил. Лишь окинул Анину фигуру наглым оценивающим взглядом и неопределенно хмыкнул, мол, догадывайся сама. Хотя догадываться тут было особо нечего.

— У меня такое ощущение... — девушка недовольно нахмурилась. Из-за сильного рывка кусты наконец поддались, но на красивом белом узоре осталась длинная затяжка. —

Зараза, — пробормотала она, всё-таки поднимая взгляд. — Максим Сергеевич, вы меня тут со всем островом перетрахать согласны?

— Анютка, я ж совсем не прочь, если ты с кем-то приятно время проведёшь.

— Спасибо, — со всей серьёзностью проговорила Аня. — Я искренне благодарна вам за столь щедрое дозволение, просто с барского плеча, иначе не скажешь! Вот уж удружил, царь-батюшка! — Она низко согнулась в поклоне до земли, едва ли не касаясь рукой каменной тропинки, а после, выпрямившись, ядовито поинтересовалась: — Один только моментик, Максим Сергеевич. Ты вообще какого хрена решил, что мне нужно твоё долбанное мнение по этому вопросу? Я тебе кто? Жена, любовница, прислужка личная? Да мы уже год как не вместе, а ты всё угомониться не можешь! В жизни таких неадекватов не встречала, мать твою... — Анна зло выдохнула, делая краткую паузу. — Неужели, чтобы ты от меня отвалил, действительно придётся уволиться?! Ты этого добиваешься?

Максим выслушал всю её гневную тираду с насмешливым выражением лица, сложив руки на груди и склонив голову набок так, словно бы хотел рассмотреть стоящую перед ним девицу получше. Разозленную, со срывающимся до крика голосом. Он все равно не воспринимал эти заявления как нечто стоящее внимания. Но помощница зарывалась, а ставить её на место у него было любимым развлечением.

Мужчина вдруг резко подался вперёд, выхватывая и сжимая в пальцах тонкий Анин подбородок с такой силой, что попытавшаяся было дернуться девушка почувствовала боль.

— Отпусти...

— Довела меня? — вкрадчиво прошелестел голос Максима у самых её губ. — А я предупреждал.

— Сам ты себя довёл, — прошипела она в ответ.

— Не провоцируй, Анна.

— Больной ублюдок, — сердито выплюнула она и тут же пихнула зажатое в руке парео в его ухмыляющееся лицо.

Почувствовав, как чужая хватка ослабла, девушка шарахнулась в сторону и поспешила прочь, обратно на виллу. Но просто так уйти ей не дали. Едва она успела сделать пару шагов, как до слуха донеслись мстительно брошенные слова:

— Вперёд, увольняйся, сучка психованная! Все равно обратно приползёшь, как только дойдёт, что никому такая истеричка, как ты, не нужна!

«Сирота. Ручки тоненькие, ножки тоненькие. Как жалко. А я трахаю её и плачу. Ах-ах-ах, классный анекдот, да, Аньк?»

— Да, Максим Сергеевич, просто заебись, как смешно, — шепчет она, давась слезами, выкручивая худое, до виднеющихся прожилок вен запястье. Лишь бы на боль отвлечься, лишь бы не на гулкую пустоту в словно разорванной грудной клетке... не на воспоминания эти проклятые, возвращающие её туда, где она никогда больше оказаться не хотела бы.

«М-м-м, так бы и зажал тебя в тёмном углу. Ах-ах, а что ты так смотришь? Просто в шутку, выражение такое»

— Ха-ха.

«Анька, я не знаю, что сделаю, если тебя кто-нибудь обидит. Ты мне дорога»

— А что ты сказал на утро? — Пальцы выворачивают кожу до сведенных мышц, до хруста кости.

«Слушай, я что — то расчувствовался и хрени какой-то наговорил вчера, не бери в

голову. Ах-ах»

— Поздно, мать твою, — выплюнула она со всхлипом. — Чёртов трус.

«Я тебе ничего не обещал»

— А-а-а-а, сука-сука-сука! — почти с размаху Аня уткнулась лбом в собственные колени и хрипло закашлялась в безуспешных попытках уговорить свою судорожно дёргающуюся в рыданиях грудь. — Проваливай!

— Ань, Анют, остановись, — раздалось совсем рядом, но так тихо, что она и не услышала.

Пытаясь разомкнуть её пальцы, застывшие в попытке вырвать собственные волосы, Тимур крепко прижал скрюченное, трясущееся тело к своему и зашептал:

— Остановись, слышишь? Ты себе делаешь больно, не ему.

— Уйди!

— Ань, пожалуйста.

В какой-то момент ему показалось, что она задохнётся слезами, но девушка лишь свистяще вытолкнула воздух сквозь зубы и тихонько завывла, уткнувшись в его футболку. Тимур постарался как можно осторожнее опуститься вместе с ней на мягкий ворс ковра, не разрывая объятий и негромко нашёптывая что-то утешающее. Ладонь его легла на рыжеволосую макушку и принялась аккуратно поглаживать, отчего девушка начала понемногу успокаиваться.

Он скрашивал своё одиночество прогулкой по пляжу, пока время не перевалило за полночь, а костёр, оставленный без присмотра, не затих сам собой. Перемолотые по несколько десятков раз мысли утомили Тимура настолько, что решение, простое и самое легкое, пришло уставшему сознанию само собой: пора ложиться спать. А завтра, на свежую голову, сказать уже, наконец, Ане всё, как есть. Потому что этой ночью он делать ничего совершенно точно не собирался. И потому что испробовал все средства, даже попытался наступить... нет, не просто наступить, он хотел собственной совести это горло разодрать. Но, оказывается, некоторые обещания важнее принципов.

А потом Кэролайн увидела Анну всю в слезах. Порой Тимур терпеть не мог вездесущий нос сестры, однако теперь был благодарен, что кому-то есть дело до его личной жизни. И больше всего боялся, что девушка с собой что-нибудь сотворит, а он не успеет остановить.

— Я не настолько дура, чтобы себе вредить, — будто прочтя его мысли, сипло пробормотала Аня.

— Ты сейчас чуть клочок волос не выдрала.

— Тимур — истерика, истерика — Тимур, приятно познакомиться. Частое явление, хоть и отходчивое. Это ты ещё не видел, как я кулаком о шкаф бью.

Он промолчал. Сомкнул челюсти настолько сильно, что стало едко от онемения. И крепче сжал объятия. Анна, не видя его помрачневшего лица, растолковала этот жест по-своему и попыталась отстраниться, но руки Тимура будто бы сделались из камня.

— Посидим пару минут так, ладно? — пробормотал он.

— Ладно. — Девушка шмыгнула носом. — Только салфетки дай, пожалуйста, а то ужасно стыдно, что я вся в соплях.

Пока она громко сморкалась и извинялась за промокшую футболку, Тимур с трудом ворочал в голове мысли. Возвращал себя к первоначальному плану и, кажется, наконец, видел причины, после которых глотки не разрываются. Они стираются в порошок.

Одна идея представлялась чудовищнее другой, но каждая неизменно звучала голосом

отца. Если бы тот держал в руках окровавленный мечете и смотрел тяжёлым взглядом исподлобья. И был серьёзен, как в те редчайшие моменты, когда ему действительно сносило крышу от чистой ярости.

— Знаешь... кхм, — голос будто бы скрипнул, когда Анна начала говорить, и ей пришлось слегка прокашляться прежде, чем продолжить: — Я не...

— Тебе не обязательно рассказывать, если не хочешь, — мягко перебил он.

— Я хочу.

— Тогда я послушаю.

И она поведала то, что ему и так было прекрасно известно. С того момента, как устроилась на работу, впервые познакомившись со своим начальником, до первых его, насмешливых и вроде бы ничего не значащих попыток ухаживать за ней. Которые всё не прекращались, нарастали точно снежный ком, пока не стали грубее и настойчивее.

— Я ведь тогда отбрыкивалась, как могла, — проговорила Аня. — Не реагировала на комплименты и откровенные заявления, что меня хотят; отшатывалась в сторону, когда его рука вдруг хватала меня за коленку. И всё это с такой добротой и юмором им преподносилось, что я уже сама начала задавать себе вопрос: «Ну, Ань, ну ты чего? Ничего ж такого не происходит, ты ему нравишься».

— Ты не рассказывала, — тихо отозвался Тимур.

— Знала, что ты на это ответишь.

«Что он блядский мудака», — подумал парень, но вслух ей говорить правду не рискнул.

— Несмотря на всё это, Максим казался мне тогда каким — то идеалом, до которого такой, как я, никогда не допрыгнуть, — продолжила Аня. — Взрослый, солидный, знающий, чего хочет. И дело даже не в личном бизнесе, связях и крутой тачке. Я действительно верила в его принципы, я восхищалась его рыцарскими поступками. Целый год, невыносимо долгий чёртов год он всё продолжал говорить, что я обалденная, умная, очень красивая... даже как-то раз ляпнул, что я дорога ему. Боги, да кто я была в своих глазах? Кем я себя считала? Девчонка из провинции, которой повезло выбраться из жуткой задницы, вырвать кусок нормальной жизни и вдруг, надо же, — тут она едва сумела подавить горькую, обещавшую перерасти во всхлип, усмешку, — стать личным помощником такого человека! Девчонка, каких миллионы, а он обратил внимание на меня, понимаешь? Как тут было устоять...

— Я не осуждаю, Ань, — осторожно ответил Тимур, ловя её взгляд, будто просящий принять оправдания.

— Но я ведь знала, что это неправильно, что так нельзя, — вздохнула Анна. — У него жена, дочка почти моего возраста, да и вообще он мой начальник. Но это, как выяснилось, волновало только одну меня. Блядь, ну какой же я была душой! — вдруг разгневалась девушка. — Секретарь и директор — какая ж пошлость! Старо как говно мамонта! Но, чёрт возьми, я была честна и с собой, и с ним! И если бы всё ещё продолжала верить в свою проклятую богиню, я бы поклялась перед ней, что действительно влюбилась без памяти!

— И вы переспали?

— Да. Ни в чём его упрекнуть нельзя, сраную романтику он устроил по высшему разряду: прогулка, ресторан, дорогой отель, как будто бы мечта сбылась, — с горечью в голосе сказала Аня. — За исключением одного «но». Это была не моя мечта. Я от нежности и желания переливалась через край и хотела лишь того же в ответ. А он — просто трахаться. Вот тебе и конец бульварного романчика. Я полнейшая кретинская идиотка, Тимур.

— Ты на себя злишься? — Он вновь аккуратно провёл ладонью по её растрёпанном

волосам. — Почему?

— Я сама виновата. Мне никто ничего не обещал, а я верила, что обойдусь без обещаний. Не обошлась. Захотела большего. О, нет, я не стала требовать развода, на кой мне чёрт брак с ним? Я вообще ничего не стала требовать. Просто в один прекрасный момент я, представь, я! Которая сама тебя убеждала, что ревность разрушает, я стала ревновать к другим. Я понимала, что не выношу, когда он на работе делает комплименты всем подряд, когда бросает свой оценивающий взгляд на каждую неприкрытую коленку. И при этом он продолжает целовать меня.

В течение нескольких месяцев я как сумасшедшая, придя с работы домой, едва оказавшись в квартире, била кулаком в шкаф, в стену, ревела ночами в подушку. Так длилось почти год. А потом ещё те чёртовы полгода, покуда мы с тобой не общались. И знаешь, вообще-то это ты помог мне понять, что всё нужно прекратить. В одно прекрасное утро я увидела твоё пожелание на день рождения, ну, то, на которое так и не ответила, и мне стало капец как стыдно. А ещё я вспомнила, что этот мудака меня вообще забыл поздравить.

— Стоит сказать ему спасибо, ты тогда мне впервые написала, — усмехнулся Тимур.

— На хер пусть идёт, спасибо ему ещё! — вновь с гневом отозвалась Аня. — Я в тот же день пришла на работу и сказала ему прямым текстом, что больше так не могу, не желаю слышать от него никаких «я тебя хочу» в свой адрес. Блядь, я умоляла его, по-человечески просила обходиться без пошлых шуточек и не распускать руки в мою сторону, я говорила, что мне очень тяжело. Требовала дать другую работу, перевести куда-нибудь. Хотела закончить эти невыносимые отношения.

— А он?

— «А между нами разве какие — то отношения?» и эта поганая его доброжелательная ухмылочка! — Она нервно вздрогнула, будто от пощёчины, и со злостью проговорила: — Нихрена, Тим, он вообще ни хрена меня не услышал, и продолжает вести себя как паскуда до сих пор!

Анна ощутила, что выдохлась, и резко замолчала. Казалось, эти последние слова выпотрошили нутро сильнее, чем все события, произошедшие на острове за последние несколько дней. Прижавшись спиной к его груди, она запрокинула голову так, что лица их оказались совсем рядом. Тимур, едва дотрагиваясь, провел руками по её плечам, коснулся острых локтей и взял в ладони запястья, чтобы следом переплести тонкие пальцы со своими.

— Ты его ещё любишь?

— Ненавижу, Тим, я его ненавижу! Ну зачем... зачем я с ним спала? Никогда себя не прощу...

— Анечка, милое моё солнце. — Он позволил себе коснуться губами рыжей прядки на её бледном виске. — Ты ни в чём не виновата.

— Я себя на тряпку половую отжала, понимаешь? — прошептала Аня, прикрывая покрасневшие, саднящие от слёз веки руками. — Всем лишь бы попользоваться да выбросить. Что родня моя гадская, что козёл этот... а по итогу никому я такая поломанная и не нужна.

— Мне нужна.

Прислушиваться к себе Анна не стала. Ничего там внутри уже не осталось. Опустошенная яростью, сухим ураганом из бессильной злобы, девушка холодно и спокойно проговорила:

— Ну так сделай это.

— Что?

— Хочу, чтобы ему было так же больно, как и мне.

— Ань, — позвал Тимур, аккуратно беря её заплаканное лицо в ладони, — ты понимаешь, о чём просишь меня?

— Я ужасна.

— Нет, мой ангел, ты очень красивая и очень честная в своих чувствах. Просто я боюсь того неподъёмного груза вины, который раздавит тебя, если я выполню твою просьбу, слышишь? Ты готова на это?

— А ты?

— А что я? — Его губы окрасила жесткая усмешка. — Мне наплевать. У меня нет ощущения, что я обязан хоть кому-то в этой жизни. Я сделаю это, потому что хочу уменьшить твою боль. И просто потому что могу. И я буду очень рад, Ань, если тебе хоть немного, хотя бы чуть-чуть станет легче.

Лихорадочный блеск в её больших карих глазах Тимур не понравился, но прежде чем он успел воззвать к своему здравому смыслу, Аня легко коснулась его губ своими, горькими от слёз, и прошептала:

— Сделай.

Он принес её сюда полусонную, убаюканную его тихими обещаниями, с головой, полной затуманенных мыслей. Соврал, что всё будет хорошо, а после осторожно уложил на свою утопленную в пол, жесткую кровать. Аня весила то всего ничего, но терпеть не могла, когда её поднимали на руки. Тимур вновь разрешил себе эту вольность, как тогда, у перевернутого автобуса, когда отключившуюся девушку нужно было как-то доставить к лодке, и так же, как и в тот раз, лишил Аню возможности вспомнить об этом при пробуждении.

Кэр заглянула к нему попозже, любопытно сунув нос за высокую плетеную оградку из плюща и проверив, так, на всякий случай, всё ли с Аней в порядке.

— Крепко спит, — проговорила она, возвращаясь к брату. Тот крутанулся на своём кресле и замер, наблюдая за тем, как Кэролайн привычно присаживается на стеклянную поверхность стола. — Это травы или твой гипноз?

— Я в этой истории, — ровным голосом начал Тимур, — с самого начала ещё тот подонок. Так что не вижу причин не быть им до конца. — Он в едва заметном, полном безразличия жесте пожал левым плечом. — Да, это мой гипноз.

— Анна знает? — хмуро спросила сестра.

— Я рассказывал, но не уверен, что она поверила мне тогда.

Кэролайн насупилась ещё сильнее. Недовольно прищурилась и взглянула на брата так, что не будь у него многолетней выдержки, он бы поежился от холода, пробежавшего по позвоночнику. В их небольшой семье в наследство доставалась не только сила внушения, а ещё и умение спросить одним выражением лица столько, сколько не напишешь и за десять лет трудов над толстовским «Война и мир».

— Да, — спокойно ответил Тимур.

— Ты серьезно? — опешила Кэролайн. — И про родителей?

— Да.

— Про контрабанду оружия?оборот наркоты?

— Да, и про это тоже.

— Дурак, — без намёка на шутку выговорила она. — Сумасшедший, по уши

влюблённый дурак. И эгоист! Зачем ты так подставляешь ни в чём не повинную девушку? А если твоя мать узнает? Тёмные небеса! Ладно, она, а если...

— Если ты не растреплешь, Кэр, никто ничего не узнает.

— Если ты не растреплешь, Кэр, — передразнила она писклявым голосом, но увидев выражение его лица, притихла.

Кэролайн прекрасно помнила, что значит эта напряженная поза, в которой застыл её брат: локти, упертые в подлокотники истертого компьютерного кресла, скрещенные пальцы рук у самого носа. И левый угол рта, чуть вздёрнутый то ли в усмешке, то ли с горечью.

— Что, думаешь, отец бы мной гордился?

— О, «Пиздец как!» — сказал бы он. Но не мне тебя судить, Сеймур.

В комнате его, просторной и вытянутой вширь, было до отчаяния тихо. Не гудели извечно шумные системы охлаждения позади черных мониторов; не играла музыка из чьего-нибудь плейлиста, подписку на который Тимур раздавал направо и налево, сам не особо нуждаясь в ней; не шумели даже заводные пластмассовые мышата, коих он пускал по полу каждый раз, когда нужно было решить особо забористую головоломку в уме. Лишь на дальней стене мерно тарахтел один единственный кондиционер. Он включился автоматически, решив своими электронными мозгами, что ближе к ночи пространство прогрелось достаточно, чтобы нагнать немного морозного воздуха. Тимур это было только на руку: остужало разгоряченный яростью мозг. Однако Кэролайн, поёжившись, вернулась за высокую стену плюща, торопливо прошла мимо кровати с неслышно посапывающей Аней и в одно касание заставила автоматические стенные панели разойтись в стороны.

Гардероб у её брата был разнообразный, если не сказать вычурный. Чего только стоили толстовки, отделанные ярко-синими боа, и парочка бананового цвета килтов. Они висели здесь не забавы ради, Сеймур правда напяливал что-нибудь этакое раз в пару месяцев, по настроению, но были у него и вполне себе стандартные наборы вещей. Поэтому Кэр, в надежде отыскать какой-нибудь кардиганчик потеплее, мельком осмотрелась и нырнула в шкаф с головой.

— Ты не могла бы приглядеть за Анной? — донеслось позади неё. — У меня есть одно незаконченное дело.

— Только недолго, — приглушенно отозвалась Кэр, выбрасывая из гардероба покоровьи пятнистые кожаные штаны. — К обеду я должна быть в Канберре.

— Думаешь успеть к отлету Шарлотты?

— Хотелось бы.

— Она будет с Мароаном?

— Да, папа тоже с ней, — ответила Кэролайн. — У греков спокойно.

— А её как всегда несет на новые раскопки, — протянул Тим, явно задумавшись над чем-то другим.

— Чего у мамы не отнять, так это страсти бывать там, где больше всего горит.

— Так оставалась бы дома.

— Не смешно, Сеймур, — буркнула она, оборачиваясь.

— А я смеюсь? — всё ещё без единой эмоции в голосе спросил он. — Впрочем, ладно. Прости за это. Дерьмовая ирония.

— Проехали.

— Передашь кое-что отцу?

— Кроме заверений, что ты в скором времени порадуешь наш бандитский архипелаг

своим королевским присутствием? — с усмешкой вернула ему шпильку Кэролайн.

— Не дождетесь, — легко отмахнулся Тим. — Мне нужно переправить в Грецию вот эту вещицу. — Он достал из кармана своих штанов небольшой серебристый контейнер, как две капли похожий на тот, который они с Анной забирали на Северном причале несколько дней назад. Единственным отличием было лишь то, что на крышке протянутого Кэролайн экземпляра красовалась порядочная вмятина.

— Что там? — спросила она, беря его в руки и осторожно осматривая со всех сторон.

— Просто поврежденный процессор.

— И мне попросить папу, чтобы он передал это кому-то в Греции?

— Да, — кивнул Тимур, — Мароан знает, кому именно.

— Окей.

— Буду должен.

— Ещё бы, — пробормотала Кэролайн, с удивлением наблюдая, как брат, тоже приблизившись к гардеробу, принимается стаскивать с себя футболку. — Ты чего?

— Неоконченное дело, помнишь? — он потянулся и пошарил рукой на самой дальней, забитой старым тряпьем полке.

— Уверен?

— Кто мы без семьи, блядь, такие, — с отвращением произнёс Тимур, надевая алую майку.

Did I ever tell you what the definition of violence is?

Эта история могла бы начаться с фразы о том, что что-то неладное он заподозрил больше года назад. Но ни Анино всё ухудшающееся настроение, ни их участвовавшие размовки не способствовали вторжению его гениальных мозгов на территорию личных отношений. Пресловутое дважды-два не сошлось в голове Тимура даже тогда, когда она начала засиживаться на работе допоздна, а после, возвращаясь глухими дворами от метро до своего подъезда, забывала позвонить ему, чтобы немного поболтать.

К сожалению, такое её поведение он спокойно приписывал обычным рабочим завалам, на которые девушка жаловалась как-то вскользь, всё больше отсутствуя в переписке, чем действительно приходя окунуться в их некогда теплую атмосферу общения.

Вскоре Тимур и сам с головой ушёл в важный для себя проект, тестируя процессор для аппарата коррекции зрения и тоже работая на износ, поэтому даже не заметил, как в один прекрасный день Аня просто пропала. То, что его сообщение так и повисло в их чате непрочитанной серой галочкой, Тимур понял через неделю. Получил пинка от Яны, когда от недосыпу вырубился на сутки, был вытащен погостить у брата в Перу, отдохнул, надрался крепкого мускатного бренди и разгромил какой-то модный клуб. И только после вспомнил об Анне.

Все доступные ему ресурсы и средства связи действительно позволяли выведать такое, что не снилось ни одной разведке мира, но единственное, что он сделал, так это не совсем легальными способами проверил, всё ли с ней в порядке. Жива ли? Не попала ли в больницу? Как оказалось — нет. Только взяла отпуск длиною в месяц и выкинула себя из всех социальных сетей.

Острые приступы одиночества, моменты, когда никого не хотелось видеть, бывали и у самого Тимура. Поэтому он спокойно оставил это право за Анной, понадеявшись, что девушка всё объяснит сама, как только сможет.

— Но вот какая штука, Фейз, — заявил он однажды на очередной встрече со своим личным психологом. — Эта засранка мне так ничерта и не сказала! Ни одной драной строчки за полгода! Типа, извини, у меня всё плохо, выпадает из общения. А я, между прочим, даже когда в клинику загремел, не переставал ей названивать! Что должно было случиться такого, что она меня просто вычеркнула из своей жизни?!

— Только ли тебя? — донесся уточняющий вопрос.

— Нет, с подругами она тоже не общается.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда, что, как мы выяснили с тобой прошлый раз, у меня проблемы с доверием, — хмуро выговорил Тим.

— Ты ведь узнал, что случилось с Анной на самом деле? — осторожно поинтересовалась молодая женщина по другую сторону экрана. — Я права?

— Конечно, узнал! Это же невыносимо! Вот так вот ни с хрена человека не становится в моей жизни. Какое она вообще право имела просто брать и уходить?! Молча! Неужели мне-то нельзя было сказать об этом своём романе с очередным мудаком!

— Прости, но здесь мне придется обратить твоё внимание на один немаловажный вопрос: ты нарушил границы её частной жизни. Ты осознаёшь это?

— Вынужденная мера, — отмахнулся Тимур.

— Разве?

— Это не то, что я буду сейчас обсуждать.

— Хорошо, — психолог смиренно кивнула в ответ. — Вернёмся к Анне. Ты зол на неё?

— Да придушил бы! Сначала заставил бы в лицо мне сказать, чем я заслужил выход в отставку, а потом придушил!

— Да, это неприятно, когда твой близкий человек так поступает. Вы ведь были достаточно близки, я правильно помню?

— Почему были? — ворчливо проговорил Тим. — Она до сих пор мой друг.

— И, по-моему, ты упомянул, что у нее роман с кем-то.

— Не буду вдаваться в подробности, не моя тайна, но она опять вляпалась в зависимые отношения.

— Беспокоишься за неё?

— Да, думаю да, — ответил Тимур после краткой задумчивой паузы. — Мне никогда не нравились её мужики, но кто я такой, чтобы ей советы раздавать? Мы ведь гордые, только позволяем указывать всяким козлам, как ей одеваться и что говорить. Будь я на их месте... — он вдруг осёкся, сам не до конца понимая, что только что произнёс.

— Ты бы хотел оказаться на месте её мужчины, Сеймур?

— Мы дружим десять лет.

— Это уход от прямого ответа, — произнесла Фейз с одной из тех своих нейтрально-мягких улыбок, призванных показать собеседнику, что деньги ей платят не для того, чтобы переливать из пустого в порожнее. И не для постоянной поддержки одних и тех же, нескончаемых состояний, когда человек просто не знает, как выбраться из замкнутого круга. Нет, Фейз не советовала как жить и не соглашалась с мнением, что другие могут тебе в этом помочь. Но она задавала вопросы, неудобные и прямые в своей откровенности, как раз те самые, которые помогали Тимуру идти дальше.

— Я никогда не рассматривал её в качестве своей пары, если ты об этом.

— Но тебе не хватает её как друга?

— Именно.

— Хорошо. — Психолог поправила аккуратные дужки очков и решила вывернуть обсуждаемую ими тему в другую сторону: — До этого ты сказал, что Анна не имела права выходить из вашей переписки. Я могу понять, почему ты так крепко держишься за ваши отношения, это действительно прочная связь. Но выбор есть у всех. И она свой, по всей видимости, сделала.

— Да, сделала, — проговорил Тимур, едва сдерживая раздражение. — Но я хотел бы, чтобы она пришла и выложила мне всё как есть. Чтобы у меня внутри не зияла чертова дыра от того, что её просто нет в моей жизни, а я не могу... нет, не хочу я мириться с этим! Она должна быть!

— Но её выбор — не быть.

— Мне от него херово.

— Херово — это как, Сеймур?

— Это так, будто меня бросили самым поганейшим образом.

— Что ты при этом чувствуешь?

— Ты же видишь: я зол.

— Злость вторична, особенно у тебя, — терпеливо проговорила Фейз то, что Сеймур слышал от неё уже тысячу раз. И в тысячу первый, к облегчению обоих, до него начало

доходить, как останавливаться в самых критических моментах и смотреть немного дальше, чем пугающе страшно.

— Это обидно, — тихо проговорил Тим, ловя полный сочувствия взгляд сквозь экран своего монитора. — И больно.

— Потому что она ушла?

— Нет. Потому что очередной мудака оказался в приоритете, а я же, который в жизни не посмел бы её обидеть... как её вообще можно обидеть... я...

Последние слова Тимур выговаривал едва слышно, переходя в шёпот на незнакомом Фейз малайском, а после вообще умолк. Отвернулся и пустым, направленным внутрь себя взором смерил соседнюю стену плюща.

— Сеймур? — позвала психолог после нескольких тягучих минут молчания, дав ему время на осознание.

— Фейз, — отозвался Тим, закрывая лицо ладонью. — Я идиот...

— Не поставила бы такой диагноз, — улыбнулась она. — Ты любишь Анну не как друга, верно?

— Когда умудрился только... Мы же столько лет общаемся, и я даже помыслить не мог. А тут стоило её потерять из виду... мать твою... и что мне делать теперь?

— А что бы ты хотел сделать?

— О, у нас с тобой сегодня тот ещё день откровений, — вкрадчиво протянул Тимур, вмиг меняясь в лице и поднимая угол рта в некрасивом, пугающем каком-то смешке. — Но ответ на этот вопрос, я, пожалуй, оставлю при себе. В рамках твоей врачебной этики, конечно же. И чтобы ты, в случае чего, могла сослаться на пятую поправку в суде.

Отсылка к сериалу «Клан Сопрано» Фейз тогда понравилась, хотя Тим подозревал, что с такими его заявлениями психолог рано или поздно откажется с ним работать.

Теперь, спустя несколько месяцев от того памятного разговора, он смотрел в лицо человека, ради которого всё это и затевалось. Потому что как бы Тимур не решал свои ментальные проблемы цивилизованным путём, а некоторые вещи в его мировоззрении были незыблемы. Как, например, тот факт, что на безнаказанное насилие — каким бы оно ни было: физическим или моральным — стоит отвечать тем же. Если не во сто крат жестче. Особенно, когда речь идёт о вреде, причинённом членам его семьи.

— Максим Сергеевич, — приветственно кивнул Тимур, внимательно наблюдая за тем, как Анин начальник ступает на последнюю ступеньку террасы. — Добрый вечер.

— Добрый, — усмехнулся мужчина в ответ.

Они смерили друг друга внимательными взглядами, и Максим, так и не дождавшись, пока ему предложат сесть, сам расположился за столиком напротив собеседника.

— Ром, виски? — предложил Тим.

— Не употребляю.

— Ну да, ну да, Аня говорила.

— Что ещё она говорила? — с хмыканьем спросил мужчина.

— Что ты хлещешь кофе на завтрак, обед и ужин. Но это уже не употребляю я. — Тимур протянул руку и пододвинул стоящую рядом с ним бутылку поближе к Максиму. По стеклянному, чуть запотевшему горлышку той стекали капли влаги, а внутри всплывали прозрачные пузырьки газа. — Могу предложить альтернативу.

— Что это?

— Минералка.

— Надеюсь, ничего не подмешал, — вновь ухмыльнувшись, собеседник с тихим шипением отвинтил крышку бутылки.

— Ничего такого, чтобы тебя убило, — вернулся ему насмешливый оскал.

В ответ Максим безразлично пожал плечами. Налил себе вспенившейся воды до половины высокого стакана, который так удачно оказался под рукой, и, не сводя с Тимура глаз, сделал несколько шумных глотков.

Мужчина догадывался, что хозяин виллы неспроста пригласил его на поздний разговор к себе на террасу. Удивлен он этим фактом не был, как и не выказывал ни малейших признаков страха. Максима лишь интересовало, что задумал этот тощий очкастый пацан, вечно таскающий на себе какие-то нелепые безразмерные майки.

Некоторые мысли на этот счет имелись. К примеру, Максим был уверен, что сидящий перед ним человек примеряет на себя романтический образ эдакого таинственного владельца острова, миллионера-затворника и гения в новомодной сфере информационных технологий (о чём-то таком упоминала Анна). Но на деле всё обстояло иначе. Прозаичнее, сказал бы Максим, если бы имел такой разносторонний словарный запас. Жизнь научила его не размениваться по мелочам, а ещё глядеть на вещи реалистично и многое взвешивать со своей, более опытной точки зрения.

Ещё в те разнузданные российские девяностые, когда вокруг царил безрежимный, неуправляемый хаос, Максим сумел воспользоваться ситуацией и сколотить какой-никакой бизнес, благодаря чему многим после успел поехать по Европе. Познакомился там с по-настоящему состоятельными людьми, приучил себя к дорогим вещам и эксклюзивному обслуживанию, хотя при всех его счетах средств на это не всегда хватало. Сейчас их не было вовсе, но Максим не переставал изредка почитать Форбс да слушать сводки какого-нибудь РБК. Новости экономики его интересовали мало, однако в них он вникал, чтобы быть в курсе мировых событий. К слову сказать, за последние несколько лет ни один из заголовков не пестрел сообщениями о новоиспечённом Илоне Маске или Билле Гейтсе. Отсюда напрашивался вывод, что Тимуру, который, по мнению Максима, пытался в чужих глазах причислить себе к гениям айти-сферы, просто-напросто повезло родиться в богатенькой семье. Та была в состоянии подарить сынку целый остров в Тихом океане, а заодно выделить место в совете директоров какой-нибудь многомиллиардной корпорации.

По крайней мере, эта версия выглядела правдоподобнее, чем какие-то там пираты и заказ на безопасника Петра. Но даже она не отвечала на вопрос, что парню понадобилось от самого Максима, владельца уже загнувшегося российского бизнеса, директора обычного питерского театра.

Или же дело было не в статусе?

— Сразу хочу предупредить, — заговорил мужчина, бросив подозрительный взгляд в сторону Тимура, — я не по этим вашим делам. Я натурал.

Парень, до того большим и указательным пальцем массиравший свои сведенные судорогой веки, резко замер. И, не отнимая от лица руки, пробормотал:

— Ты долбоёб.

— Ну-ка повтори.

— Тёмные небеса, мой русский не настолько плох, — вздохнул Тимур. — Читай по губам: дол-бо-ё-би-на.

— Думаешь, я не смогу тебе вмазать? — вмиг посерьезневшим голосом произнёс

Максим. — Меня уроды с пушками не остановят.

В краткой паузе Тим обвел рукой пустую террасу, окутанную ночными тенями и тихим шелестом листьев на сизо-белых столбиках балюстрады. Только тут до мужчины дошло, что последний раз он видел охрану, когда те закрывали вольеры с уже засыпавшими людьми и провожали преувеличенно бодрого Максима к бассейну. Наверх по ступеням он взбирался уже сам, поскольку сопровождавший его громила куда-то вмиг запропастился, а других поблизости не обнаружилось.

И теперь они оказались один на один. По лицу Тимура становилось ясно, что правила игры здесь устанавливает не тот, у кого за спиной больше прожитых лет. Но единственное, что года дали Аниному начальнику, так это выучку и умение держать себя в руках, когда недоростки с золотой ложкой во рту и вседозволенностью в мозгах начинают ему угрожать.

— Тимур, мы можем решить всё мирным путём.

— Разве?

— Что тебе нужно? Анна?

— Анна, блядь, — в злом смешке Тим поднялся на ноги и, опершись руками о столешницу, навис над собеседником. — О, нет, Максим Сергеевич, мне нужно кое-что другое.

— Не совсем понимаю суть твоей провокации, — проговорил мужчина, делая последний глоток минералки и с негромким стуком опуская стакан. — Но, повторюсь, я натур...

— Да-да-да, — раздраженно перебил его Тимур. — Все всегда только и думают, как бы потрахаться, особенно такие, как я, кстати, как там мы себя называем? Впрочем, неважно. Теория твоя чушь. Но сегодня ты прав как никогда: секс у тебя будет обязательно. Гарантирую.

— Если хоть пальцем тронешь меня, я проломлю тебе череп!

Парень скривился, с отвращением наблюдая, как мужчина сжимает свою массивную, лежащую на столе руку в кулак. Руку, что едва заметно начинала дрожать.

— Я рассказывал тебе, что такое насилие? — спокойно поинтересовался Тимур и тут же, не ожидая ответа на вопрос, продолжил: — На остров я вас привёз и в клетках запер — вот это насилие. Если захочу, прикажу своим людям всех избить до полусмерти — тоже насилие. Более того, стравлю твоих обожаемых подчиненных ради шанса на выживание, и будете у меня в сраных голодных играх участвовать, пока не переубиваете друг дружку. А вы переубиваете, в этом я более чем уверен. — Он продолжал пристально наблюдать за тем, как у сидящего напротив мужчины сменяются эмоции на лице: от непонимания и ошарашенного удивления до постепенно приходящего осознания. — Да, всё это ужасные и довольно мерзкие вещи. Последнее, что можно сделать с другими людьми, переходя черту адекватности, понимаешь, Максим Сергеевич? Но человек, который меня воспитывал, черты этой даже не видел. Хотел ли я вырасти таким, как он? Кто знает. К счастью, у меня перед глазами был и хороший пример. Да и сам я с возрастом стал осознавать, что мне повезло родиться в семье, где излюбленная твоя «нормальность» считается бранным словом.

— Что ты подмешал? — не своим голосом прохрипел Максим, цепко хватаясь пальцами за край стола. Ещё во время чужой бурной тирады он почувствовал, как желудок резко скрутило болью, а тело начало гореть будто бы изнутри.

— Разве мама не учила тебя, что у чужих дядь из рук ничего брать не следует? — попенял ему Тимур. — Да и перебивать невежливо. Мой отец за такое сделал бы тебе дырку

между глаз, но я же не он, правда? Я цивилизованный человек.

— С-сука.

Максим рывком попытался дотянуться до Тимура, то ли в попытке схватить его за горло, то ли вмазать по лицу. Но руки его уже не слушались. Замах вышел дёрганным, и мужчину вновь сковала судорожная, словно волной прошедшая по телу боль.

— Да, вижу, слушать ты меня не в состоянии. — Тим даже не шелохнулся. Выждал, покуда пройдёт очередной приступ, и помутневший взгляд собеседника вновь приобретет хоть какие-то крупицы осознанности, а после холодно произнёс: — Вникай, пока можешь, второго шанса я не дам. Дрянь внутри тебя начнёт действовать в полной мере минут через пятнадцать. Этого времени хватит, чтобы найти шприц и ввести себе вещество, способное облегчить твои страдания.

— Где? — только и смог выдохнуть Максим.

— Подсказку хочешь? Там, где вы впервые столкнулись с медведем, в отключке валяется твой безопасник. Поищи у него.

Едва Тимур успел проговорить последние слова, как мужчина подскочил на ноги с перекошенным от боли лицом. Стул под ним с гроыханием упал навзничь, но Максим не обратил на это никакого внимания. Он, скрюченный, с проступившей на лбу холодной испариной, кинулся вниз по ступенькам лестницы, и все мысли его занимали только лихорадочные попытки вспомнить, каким же путём они с Петром добрались до прибрежных скал несколько дней назад.

— Не думала, что слабительное с адреналином даст такой эффект, — с удивленным хмыканьем проговорила Мишель.

Удобно устроившись на ближайшей к обрыву возвышенности, она вот уже десять минут наблюдала, как Максим носится по джунглям. Орёт благим матом, спотыкается, падает, мнёт листья карликовых пальм и пытается отбиться от любопытной Настеньки, которая так и норовит мощным ударом лапы сбить такого здорового самца.

— Скоро там? — отозвался Хэ Ян, потягивающий зеленый чай из жестянки термоса.

Мишель приложила к глазам огромных размеров бинокль с надстройкой прибора ночного видения. Пару мгновений молчаливо поводила им из стороны в сторону, словно бы повторяя чьи-то зигзагообразные движения, а после воскликнула:

— О! Сейчас он пробегает расщелину и направляется к обрыву.

— Шприц нашёл?

— Обыскивает тело... та-а-а-к, ну же... да! Даже поставил себе укол!

— Хорошо, — кивнул Ян, легко поднимаясь с земли. — Пойду заберу медведя.

— Погоди, — остановила его Мишель, — там...

— Что?

— Там Сеймур.

— Он же не собирался... — Ян, видевший в высветленных полнолунием джунглях едва ли не лучше, чем днём, внимательным взглядом прошёлся вдоль острого контура темных скал, пока не наткнулся на фигуру брата.

Тимур стоял лицом к обрыву, глядя на будто бы застывший в ожидании океан. Красная майка-борцовка обтягивала его ссутуленную спину, не скрывала отчётливой вязи татуировок на алебастровой коже плеч. Подняв ладони, он снизу-вверх провёл ими по лицу, зарылся пальцами в собственные волосы, убирая их назад, да так и застыл со сцепленными в замок

руками на затылке.

В нескольких метрах от него Максим, всё ещё тяжело дыша, пытался прийти в себя. Все эти жалкие минуты хаотичного бега по джунглям растянулись для мужчины в часы. Но добравшись сюда, он наконец почувствовал облегчение. Припав на колени перед бессознательным телом Петра, Максим выронил пустой шприц из ослабевших пальцев.

Успел, он совершенно точно уложился в нужное время, и, кажется, тело действительно перестало так бешено трястись. Но теперь почему-то начало мутнеть сознание.

— Вот смотрю я на тебя, Максим Сергеевич, — задумчиво начал Тимур, — и понимаю не так уж родители были неправы, когда отrekliсь от вашего цивилизованного общества. Ведь оно так же спокойно принимает тебя — лицемера и ублюдка — как и с легкостью отвергает любого, кто выглядит, думает и говорит иначе.

Ответные слова ядовитой слюной застыли на языке, и Максим уже чувствовал, как в мозгу натянулась невидимая струна. Как тело его готово броситься на сукиного сына, чтобы доказать тому, что без боя здесь никто сдаваться не собирается. Но затихшие было спазмы скрутили внутренности с новой силой, словно бы между ними оказались раскалённые добела угли. Однако на этот раз всё чувствовалось иначе. Боли не было, а ощущения, тягучие и колкие, концентрировались где-то внизу живота. И будоражащими волнами спускались к паху.

— Что ты там мычишь? — спросил Тимур, встав вполоборота, чтобы видеть лицо собеседника. — А, я отвлёкся? Премного тебе благодарен, что следишь за ходом моей мысли. Ты, оказывается, умеешь слушать, хоть и не особо слышишь. Так вот, господин директор, мы с тобой не закончили одну интересную беседу.

Я ведь уже говорил тебе, что такое насилие?

Более страшное из его проявлений — это насилие моральное. Почему? Потому что в отличие от тех же синяков, оставшихся после побоев, надломленную психику никак не докажешь. Даже самому себе. И мир в одночасье скатывается в дыру, ведь никто вокруг: ни коллеги, ни друзья, ни родные — просто не понимают всего ужаса того, что с тобой на самом деле случилось. Да и сам ты особо не понимаешь. Но продолжаешь падать вниз. А там, на дне бездны, тебя ничего не ждёт. Кроме, пожалуй, изоляции от социума, депрессии и самоубийства... На твоё счастье, Максим Сергеевич, до последнего пункта Аня не добралась.

Помрачнев, Тимур сомкнул руки на своих плечах и на несколько долгих минут замер. В молчаливой задумчивости он наблюдал за лихорадочными движениями мужчины, который в попытках растормошить бессознательное тело перед собой, склонялся над ним всё ниже. Казалось, Максим старался не потерять связь с реальностью. Или порывался сделать Петру искусственное дыхание, но мысли его отчего-то наливались алой тяжестью свинца. Язык едва ворочался, потому прорычать Тимуру парочку матерных конструкций в ответ никак не выходило; да и дыхание становилось не столько затруднительным, сколько просто тяжелым. Как при сильном сексуальном возбуждении.

— Не отвлекайся, — с угрозой выговорил Тимур, подходя ближе и заставляя Максима вновь обратить на себя внимание приставленным к его подбородку дулом пистолета. — Знаешь, приятель, я тут подумал и понял, что поступаю нечестно. У нас же свобода слова, да? Но дай я тебе возможность высказаться, ты бы, безусловно, был против, чтобы тебе лили в уши какой — то бред. Ты бы начал отстаивать своё сраное мнение, требовал выпустить тебя, оставить в покое. Или пытался принизить в своей излюбленной манере, что-то вроде:

«Эй, парень, кто дал тебе право хамить мне?» — Тимур со злостью ухмыльнулся. — Но ответь мне только на один вопрос, Максим Сергеевич. Только один маленький, но ебущий мою голову вопрос: кто лично тебе дал право теми же способами измываться над ней?

Когда лица его коснулся холодный металл пистолета, Максим в вялой попытке спастись ухватил дрожащими пальцами запястье Тимура. Дёрнул было в сторону, чтобы отвести оружие от себя, но казавшаяся такой хилой чужая рука неожиданно налилась сталью. И ни на миллиметр не двинулась с места, какие бы остатки сил мужчина не прилагал.

До затуманенного, вспыхивающего странными образами сознания Максима с трудом доходило происходящее. Хорошо уже было то, что примятый его телом Пётр явно начал подавать признаки жизни. Всё ещё лёжа на спине, с закрытыми глазами, он принялся неразборчиво постанывать, протягивать к телу Максима руки, оглаживать бока и спину, словно бы в попытках что-то отыскать.

— Амилнитрит, который ты вколол себе, помимо прочего, расширяет анус, — назидательно изрёк Тимур. Точно знал, что Максим услышит и всё поймёт даже в том агонизирующем состоянии, в котором находится его мозг. Более того, он это запомнит, как и всё последующее, что должно произойти между ним и Петром. Безопаснику Мишель ввела афродизиак посильнее, чтобы совсем не соображал, кто перед ним находится, но с жаждой самца в период спаривания стремился удовлетворить одну вполне конкретную потребность.

Руку с пистолетом Тим отвёл в сторону. Все равно не собирался им пользоваться, так, подстраховался на всякий случай, если препарат вдруг даст сбой, и Максим будет брыкаться до последнего. Но даже тогда пришлось бы только припугнуть выстрелом в воздух, потому как смерть — это совсем не наказание.

— Эй, Максим Сергеевич, — позвал Тимур отчего-то вдруг низким до хрипоты голосом. — Я ведь ждал этого момента с тех самых пор, как понял, что не уберёг очень важную часть себя. Так ждал... и в итоге оказался страшно разочарован. Стоило ли оно того? Чёрт знает. Простит ли меня Анна? Тоже неизвестно. Но одно мне ясно точно: ты в её жизни больше не появишься. Никогда.

Он отвернулся, не желая смотреть, как очнувшийся, но бывший явно не в себе Пётр с рычанием опрокидывает тело Максима наземь. Что там произойдёт дальше, Тимура не интересовало. Каменистый выступ обрыва он покинул как раз в тот момент, когда два грузных мужских тела слились в страстных объятиях на фоне яркой тропической луны.

И забудешь всё, как страшный сон

Она снова очнулась ближе к обеду и даже не удивилась этому. Голова была звонко пустая, не тяжёлая, только чувствовалась резь в горле, то ли из-за вчерашних слёз, то ли из-за вдовсю гудящего кондиционера.

Распахнув глаза, Аня не узнала потолок своей комнаты. Вернее, потолок был знаком, но комната оказалась не её. И память наотрез отказывалась пояснять, как так вышло. Зато на ум первым делом пришли забавные события той ночи, когда они, до отупения наигравшись в приставку и изрядно отлупив друг друга подушками, валялись на шероховатом темно-фиолетовом ковролине, что устилал пол Тимуровой комнаты, и пялились в усеянный созвездиями потолок. На нём, иссиня-чёрном, с помощью нескольких сотен мельчайших лампочек отражалась карта полуночного неба, которое никогда не видел ни один житель земли.

— И ты всё сам придумал? — удивилась Анна, когда узнала, что над головой у неё вымышленные звёзды и галактики.

— Нет, — с улыбкой ответил Тимур, — мне бы фантазии не хватило. Что-то я брал из фильмов, что-то из прочитанных книг. Вон там, видишь, чуть левее звездочек в форме ветвистого дерева...

— Иггдрасиль, надо же, — прошептала девушка, следя взглядом за его рукой.

— Да. Так вот, там скопление будто бы мелкой такой белёсой пыльцы, ещё собаку напоминает, видишь?

— Вижу.

— Самая яркая из них, та, что на выкате морды — это Волчий Глаз.

— Волчий Глаз — знакомое что-то... — забормотала Аня, но тут же, словно осенённая, воскликнула: — Да ладно, ты же не читал!

— Почему? — отозвался он. — Читал.

— Сказал мне, что сопливая романтика и читать не будешь!

— Не говорил я такого!

— Говорил! Ещё как говорил!

— Ладно-ладно, — примирительно пробормотал Тим. — Но я правда прочёл.

— И как? — с любопытством спросили она.

— Ну, сказка.

— Фэнтези же, чего ты ожидал?

— Что будет не так красиво.

В ту ночь Аня попыталась отгадать все книги и фильмы, чьи звёздные вселенные раскинулись прямо на потолке. Но до этой части комнаты они так и не добрались, поскольку глаза девушки начали слипаться, да и постоянно вытянутая кверху шея давала о себе знать тягучими покалываниями где-то в районе позвонков.

Но зато теперь Аня решила рассмотреть карту созвездий до конца, как раз примеряясь к тому кусочку прямо над кроватью Тимура, который ускользнул от её внимания прошлый раз. Приподнявшись на локте, она вытянула правую руку и пальцем стала помогать себе, поводя из стороны в сторону, точно повторяя контуры на потолке.

До боли знакомые контуры, стоит отметить.

Вон та лампочка побольше, с опоясывающими кольцами камней из фосфоресцирующих точек — это станция Стракат; а вон те пять центральных и, должно быть, в ночи загорающихся алым — красные карлики Аниса. Относительно небольшие и не столь горячие, но собранные в центре галактики, чтобы на манер земного солнца греть теплом ряд других, более пригодных к жизни планет.

Как-то на третьем курсе (ей как раз стукнуло двадцать лет) Аня подалась в писательство. Поэтом она была давно, со своими трепетными, юными, но по-особенному теплыми стихами, а вот более фундаментальная проза так-то легко в руки не давалась. Это и не огорчало, Аня писала больше для души, чем действительно хотела зарабатывать чем-то подобным на жизнь, но с легкого пинка Тимура, первым прочитавшего её тогдашнюю повесть, решила подать заявку на участие в конкурсе романтической фантастики.

Конечно же, ничего она не выиграла. Даже в пятерку лучших не вошла. Однако придуманную историю, с далекой галактикой под названием Анис Алый, населенную народами, так похожими на древних славян (если бы у тех были высокоразвитые технологии будущего); со сбежавшей от убийц наследной княжной и космической станцией на удивительной, полностью покрытой океанами планете — это Анна помнила до сих пор. Она сама, кривенько, от руки, на тетрадных листах посреди лекций о славянской мифологии рисовала карту той вымышленной галактики... Карту, которую Тимур видел каждый раз, когда ложился в свою постель.

— Но почему именно мои звёзды, — прошептала она тихо и ошарашено. Опустилась на подушку, закрывая лицо ладонями, едва ли в силах сделать вдох от оглушительно бьющегося о грудную клетку сердца.

Как-то разом воспоминания подкинули и вчерашнюю её истерику, и его крепкие объятия, и ни разу не дружеский поцелуй в губы.

А ещё просьбу.

Насколько бы хорошо Аня не знала Тимура, но в то, что ему несложно залезть в мозги к человеку, тем более к такому непробиваемому манипулятору, как Максим Сергеевич, поверить было трудно. Как и в собственный остров. Как и в медведицу в роли домашнего питомца. Хотя всё это случилось на самом деле. Её повседневность, расколовшаяся на куски у перевернутого автобуса, казалось, слишком легко приняла новые правила игры. Но они нравились девушке гораздо больше тех, что существовали меж работой и домом, там, в далёком извечно пожухлом Питере.

За окнами всё это время раздавался какой-то гул, больше походивший на лирические напевы. Анна, наконец обратившая на него внимание, поднялась с постели и подошла к балконным дверям. Когда часть стеклянной стены с лёгкостью отъехала в сторону, девушка вышла на небольшой балкончик, едва ли в два человечески шага длинной. И в удивлении замерла.

На ровно выстриженном газоне заднего двора рядом выстроилась труппа Театра русской культуры. Они стояли со стеклянными глазами и ничего не выражающими лицами, но притом активно шевелили ртами, весьма вдохновлено выводя:

— Ой, цветёт кали-и-и-и-на, в поле у ручья...

— О, моя любимая, — изумленно проговорила Анна.

Её взгляд переместился на ссутуленную фигуру Тимура, который сидел тут же, на широких перилах балкона, свесив ноги вниз, и вместо палочки пытался дирижировать самокруткой.

— Парня па-а-а-любила на свою беду:

Не могу откры-ы-ы-ться, слов я не найду.

— А вот и ты! — Его губы растянулись в широкой улыбке, едва он заметил Анну. — Как спалось?

— Тим, у тебя зрачки расширены.

— Он живет — не зна-а-а-ет ничего о том,

Что одна дивчи-и-и-и-на думает о нем...

— Смотри лучше вниз, сейчас будет нечто более увлекательное.

Аня хотела возразить, но по чистой инерции вновь взглянула на коллег и поначалу даже не поняла, что происходит. К третьему куплету вокалисты ни с того ни с сего как по команде стали опускаться на землю, не переставая растягивать слова в подобие песни, с каждой строчкой становившейся всё тише и невнятной. Когда эти бессознательные тела наконец распластались на ярко-зеленой траве лужайки и, умолкнув, слаженно закрыли глаза, Анна осторожно поинтересовалась:

— Они что-то приняли?

— Да, мон ами, но всё абсолютно безопасно, — закивал головой Тимур. — Просто немного поспят и забудут события прошедших дней. Кое-кто, конечно, сохранит расплывчатые воспоминания о моём прекрасном острове, но не более того. Да и транспортировать их в таком состоянии куда как проще.

— Но как ты...

— О, не смотри на меня так. Я иду по пути наименьшего сопротивления, меня их благополучие мало волнует, в отличие от тебя.

— В отличие от меня? — Анну вдруг посетила запоздалая мысль о том, что когда её коллеги принялись неуклюже падать на газон, она ровным счетом ничего не почувствовала. Ни жалости, ни укоров совести, ни удовлетворения.

Эти люди, каждый день улыбающиеся ей люди, спрашивающие, как дела и болтающие о пустяках, закрывали глаза на всю творившуюся дичь. Начальник, что постоянно распускал руки и вываливал ворох пошлых шуток, как ушат ледяной воды за шиворот, для них был богом. Анна, к чьей помощи они постоянно прибегали — подушкой для битья. Поводом, чтобы почесать языки о её перемолотые кости. Что именно в тех сплетнях и слухах было — уже неважно. Что коллеги думали о ней — теперь тоже.

Никто друг другу. Простые люди, живущие своей простой жизнью. Без сочувствия и поддержки, они проходили мимо, пожимали плечами и принимали свою дозу повседневной нормы. Ничем ей не были обязаны.

И это правда. Нет смысла злиться на них. Как не нужно больше беспокоиться об их здоровье, счастье и потраченных нервах.

Она ведь тоже ничем им не обязана.

— Я устала. — Анна протянула руку, чтобы жестом попросить отдать ей свернутую в бумажную трубочку травку.

— Она крепкая, сильно не затягивайся, — произнёс Тимур, передавая ей сигарету.

— Я думала, ты завязал с наркотиками.

— Осуждаешь?

— У тебя была тяжелая реабилитация. — Аня аккуратно подцепила губами суженый край самокрутки и втянула в себя немного горящего дыма. — Я сильно переживала. Не хочу, чтобы ты из-за меня сорвался.

— Согласись, это лучше, чем героин.

— Не соглашусь.

— Я вменяем. И знаю, что делаю, — отрешенно проговорил Тимур. — Из зависимости бесследно не выходят, её заменяют на другую, ту, которая приносит меньший вред. И ты здесь не причём. Не напрямую, по крайней мере.

— Обнадёжил.

В повисшем между ними молчании словно бы тягучими пластами залёг влажный тропический воздух. В нём явственно ощущалась какая-то вопиющая недосказанность. И неозвученные вопросы из самой глубины сердца.

Анна затушила окурок и щелчком отправила его в полёт с балкона. Вниз, туда, где в живописных позах раскинулись бессознательные тела её коллег.

— Ань, не надо... — Тимур вздрогнул, когда тонкие руки обхватили его за талию, а на плечо опустился чужой мягкий подбородок.

— Потерпи пару минут, пожалуйста. — Аня смущенно потерлась носом о разгоряченную солнцем бледную кожу, попала в татуировку какой-то демонической рожи и улыбнулась. — Тим, я, кажется, в тебя по уши...

— Отойди, прошу, — сквозь зубы процедил парень, стараясь как можно аккуратнее отстраниться. — И подумай десять раз прежде, чем сказать то, что собиралась!

Анна застыла лишь на мгновение, за которое успела сделать тяжелый вдох и на выдохе пробормотать извинения. Руки она сразу же убрала, поспешно и как-то неловко, а после резко развернулась, чтобы уйти с балкона.

«Так будет лучше», — подумалось Тимуру вскользь.

Пусть бы злилась на него. Пусть бы к вечеру села на катер вместе со своими коллегами и уехала на материк. Да, пришлось бы потом долго просить прощения за грубость. Объяснять, что правда дорожит их дружбой... Но нет же, в груди всё рвалось наружу от этого её расстроенного голоса и проклятой сосущей пустоты, которая вновь накрыла с головой, когда она разорвала объятия.

— Ну что ещё!.. — громко выговорил Тим, заставляя Анну замереть у балконной двери. — Что ещё мне сделать, чтобы всё было хорошо, а? Аня, я же неадекватный! Придурков этих петь заставил, думал, тебе настроение поднять! Начальников твоих наркотой накачал, чтобы они друг друга отымели!

— Ого, — тихо донеслось в ответ.

— Ого? Ты серьезно? У меня родители преступники, я наркоман бывший, псих наполовину! Ты обо мне такое знаешь, что я сам порой удивляюсь, нахрена тебе всё это рассказал! И ты мне собираешься в чувствах признаваться?

— Уже нет, — пожал плечами она, уводя повлажневший от слёз взгляд куда-то в сторону. — Ты же меня только что отшил.

Он чертыхнулся и ловко слез с перил на эту сторону балкона. И шага не сделал, чтобы оказаться рядом — настолько тут было мало места, но Анна все равно умудрилась шарахнуться от него в сторону и спиной вжаться в стеклянную стену позади себя.

— Прощу, не бойся, — хмуро проговорил Тимур. — Я не наврежу.

— Ты уже.

Он осторожно коснулся её сцепленных на груди ладоней и, не встретив сопротивления, взял их в свои теплые руки. Неторопливо потянул вверх, к губам, и принялся осыпать аккуратными поцелуями каждый сантиметр кожи на её тонких, едва дрожащих пальцах.

— Прости меня.

— Тимур...

— Люблю тебя, слышишь? — горячо пробормотал он, носом поводя по её запястьям. — Не могу так больше ... какие мы, нахрен, друзья, если при виде тебя у меня внутри всё переворачивается? Хочу, чтобы ты моей была, целовать тебя хочу, в постель свою затащить... ты не представляешь, каких мне усилий стоит держать себя в руках. Compliments не делать, не подкатывать к тебе, потому что этот мудлан разбил твоё сердце! Всё, что мне остаётся — быть другом. Я даже лишний взгляд в твою сторону позволить себе не могу!

— Почему? — прошептала Аня.

— Потому что я гораздо хуже твоего начальника.

— Собрался трахать меня по случаю и параллельно заигрывать со всеми остальными вокруг, делая вид, что моих отказов не существует? — угрюмо пошутила она. — О, тогда это не хуже, это мне знакомо, ничего нового.

Столь же аккуратно, как брал до этого, Тимур опустил её руки вниз. Выпрямился и с мыслями, что он заслужил любую реакцию, которая последует за его признанием, усмехнулся своему мутному отражению в стекле напротив. То с кривой ухмылкой отсалютовало в ответ.

— Как только ты исчезла из нашей переписки, я сделал всё возможное, чтобы выяснить, куда ты пропала, — ровным тоном начал Тимур. — Хотя поначалу не собирался лезть в твою личную жизнь. Но ты всё продолжала молчать, а когда, наконец, объявилась спустя полгода, тебя можно было спокойно принять за мертвеца. Ни чувств, ни эмоций, одна бесконечно усталая оболочка, которой уже совершенно наплевать на всё вокруг.

Как ты понимаешь, я не задавался вопросом, что с тобой произошло. Я знал.

— Что ты знал? — переспросила Анна, уже подозревая, какой ответ услышит.

— Это ведь моя работа, Ань, — проговорил он. — А взломать телефон Эдуарда, который втихую записывал твои разговоры, ума много не надо. Перехватить сигналы прослушек, что по всему театру натыкал этот вояка-безопасник — мне тоже раз плюнуть. Чуть сложнее было с приглашением вашего единственного и неповторимого коллектива на выставку в Таиланде. Но это даже не задача для меня, так, пара лишних звонков.

— Ты организовал гастроли? — изумилась девушка.

— Да, организовал. И твоё присутствие на них, кстати говоря, исключалось. Ума не приложу, куда этот ваш чертов режиссер запропастился в самый последний момент... — Тим провел рукою по спавшей на глаза челке, убирая её назад, и кратко выдохнул. — Я не хотел затащить тебя на свой остров вот так. Но накануне ты сказала, что тоже летишь со всеми. Уже тогда мне стоило понять: добром это не кончится. Надо было сразу отменять все свои планы, а я же, как дурак, поддался желанию увидеть тебя.

Да, многое из того, что случилось после аварии автобуса, было просчитано мной заранее, но в остальном я не врал. И твоё сотрясение, и Настенька — это всё моя вина, но ты пострадала по чистой случайности, а не потому, что я хотел навредить, Ань.

— Что это были за планы, Тимур? — напряженно отозвалась девушка.

— Если кратко, то вся их суть сводилась к твоей вчерашней просьбе.

— Зачем? — опешила Аня. — Почему так важно было, чтобы я просила тебя сделать больно другому человеку?

— Другому? — со злостью усмехнулся он. — Нет, мой ангел, не просто другому. Я

хотел, чтобы ты дала мне разрешение сделать больно совершенно конкретному ублюдку, который выпотрошил все твои чувства, а после с наслаждением продолжал топтаться по их пепелищу. Ты спрашиваешь: «Почему»? Потому что я не могу, как обычные люди, смириться, закрыть глаза или прийти пожаловаться другу. Потому что гнев разрывает мне нутро до тех пор, пока тот, кто причиняет моим близким боль, не будет наказан.

Но ты не вещь, у тебя есть право выбора. Я лишь хотел, чтобы этот выбор прозвучал в мою пользу. И, знаешь, не стану забирать себе лавры главного мудака, потому что делать мне практически ничего не пришлось, Максим прекрасно довёл тебя сам, на что я и рассчитывал.

— Рассчитывал он...

— Можешь меня не прощать.

— И не собиралась! — звонким от гнева голосом воскликнула Анна. — Спасибо, что хотя бы не убеждаешь, что всё это было ради меня! Только этим от моего начальника и отличаешься! Хотя оба манипуляторы хреновы!

— Я хуже. Я гораздо, гораздо хуже.

— Ты...

Слова её заглушил неожиданно прогремевший взрыв. Где-то у самой кромки пляжа раздались невнятные вопли и послышались звуки пальбы, заставив Тимура резко обернуться, а Аню испуганно вздрогнуть.

— Иди в комнату, — кратко бросил он, тут же с ногами забираясь на балконные перила.

— Ты куда собрался, мать твою! — возмущенно ругнулась девушка. — Мы ещё не закончили!

— Мы закончили, — отрезал Тим. — Всё, Ань, на этом всё. Не важно, какие у меня чувства и как сильно я хотел тебя защитить, поверь, я понимаю, что поступил как сволочь. И рядом со мной тебе делать нечего. Иди в свою комнату, собирай вещи. Через несколько часов отплываем на материк, вернёшься домой и забудешь всё, как страшный сон.

Сказав это, он ловко спрыгнул вниз. Вдалеке, будто специально добавляя моменту напряженности, прогрехотало ещё раз.

В негодовании Анна хотела хлопнуть балконной дверью, но та лишь мягко притворилась, отрезая девушку от неясных шумов у пляжа. Ей мигом сделалось тревожно. Кажется, происходило нечто незапланированное, хотя кто этого засранца Тимура разобрал бы, что у него там запланировано, а что — нет.

— Интриган чёртов, — вновь ругнулась она, пиная с досады ножку стола и злобно надеясь, что прыжок с третьего этажа подарил парню как минимум пару переломов.

Как ни странно, плакать ей больше не хотелось. Хотелось хорошенько накостылять хозяину виллы, напиться его дорогущего рома, а потом, возможно, сказать ему, что никуда она не уедет, пока он не вымолит прощения за весь этот гребаный цирк. Хотя другая сторона, разумная и хладнокровная, явно находящаяся в меньшинстве, повторяла, что Тимур расчетливо подвёл её к тому, в чём сам так отчаянно нуждался, и сделал это только ради собственной выгоды.

А потом всё ей рассказал, ну кто так вообще поступает? Каков остолоп... а ещё говорит, что любит.

Но и она ведь тоже.

Поскольку маяться бездельем в комнате Тимура ей не хотелось, тем более что от ожидания непонятного чего в голову начинали закрадываться отвратительные мысли о вине, ответственности и других людях, Анна решила спуститься на первый этаж, чтобы раздобыть у Мишель таблеток от мигрени.

Среди гулких, высланных белоснежными коврами коридоров она не встретила ни единой живой души, что не могло не настораживать, но добравшись до двери врачебного кабинета, Аня услышала чьи-то голоса и с облегчением выдохнула.

— Ох ты ж мать твою! — удивленно воскликнула девушка, едва преступив порог. — Кто его так?

— В пещеру к крыланам заглянул, — ответила Мишель.

— А-а-а-а! — тут же вторило ей с кушетки напротив.

— А нечего было будить мирно спящих зверей.

— Что ты там вообще делал, Эдик? — обеспокоенно спросила Аня.

Вид длинных кровоточащих царапин на лице её коллеги вызывал брезгливую смесь жалости и отвращения, но девушка даже не пыталась это скрыть. Не из злорадства или мести, а просто потому, что Эдуард, даже не заслуживавший таких увечий, наверняка на них нарвался сам.

— Ш-ш-шлучавно... — с трудом пробормотал парень, переводя перепуганный взгляд на Аню.

— Чего? — не поняла она.

— Случайно, — перевела Мишель. — Вдобавок ко всему в джунглях его укусила ядовитая змея. Антидот я вколола, но опухоль пошла на слизистую, и говорить нормально он пока не может.

— И Тимур тут, конечно же, не при чём, — саркастично процедила Аня.

— Не-е-е... — Эдик попытался замахать руками, но те, как и всё остальное тело, были прикованы к кушетке. Даже голову предусмотрительно закрепили ремнями так, чтобы пациент не мог сделать ни малейшего движения в сторону.

— Гляди, как пыжится, — хмыкнула врач, поднося к своим глазам тонкую дужку хирургической иглы.

— Ты знала, что Тим всё это спланировал? — хмуро поинтересовалась Анна.

— Нет, милая, голова Сеймура — тёмный лес. Он никогда никого не посвящает в свои планы и никому ничего не рассказывает.

Пинцетом прихватив края самой глубокой раны на лице Эдика, Мишель одним выверенным движением проткнула кожу иглой, от чего пациент истошно взвыл от боли. Кляп из скомканного бинта тут же пришёлся ему точно меж зубов, и стоны стали приглушенней, да и сам парень под угрожающим взглядом врача как будто бы решил вести себя чуточку потише.

— Мужчины такие дураки, когда влюбляются, — как ни в чём не бывало проговорила Мишель. — Молчишь, дорогая? Значит, он и признаться успел, ну, надо же... и что ты ответила?

— А он дал ответить?! — возмущенно буркнула Аня, усаживаясь на табурет у медицинского стола. — Нет, ты только послушай: сначала меня отшил, потом сам признался, а затем опять отшил!

— Ох, Сеймур, — покачала головой собеседница, преспокойно продолжая накладывать

стежки.

— Ты спроси, почему он это сделал!

— И почему же?

— Потому что плохой человек и, о, боги!.. — Анна умолкла в полной драматизма паузе и картинно приложила руку ко лбу. — Мне не место рядом с ним!

Вторило ей лишь очередное, полное страданий мычание Эдуарда, на что девушка ворчливо произнесла:

— Да дай ты ему обезболивающее.

— Обойдётся, — отмахнулась Мишель. — Энни, я думаю, что Сеймур просто боится.

— А мне было совсем не страшно, когда человек, которого я столько лет знаю, вдруг заявил, что выкрал меня и замучил моих коллег, следуя плану в своей башке?!

— О, милая, я понимаю твоё негодование, — мягко донеслось в ответ. — Но хочу тебе также напомнить, что я была врачом Сеймура едва ли не с младенчества.

— То есть в этой ситуации ты на его стороне? — нахмурилась Анна.

— И в этой, и в любой другой. — На ярко накрашенных губах Мишель появилась извиняющаяся улыбка. — Всегда.

Девушка умолкла и перевела свой помрачневший взгляд к ослепительно-белому холодильному шкафу, что стоял прямо напротив. С его стеклянных полочек на Аню словно бы с укоризной взирали ампулы раствора свёртываемости крови.

Для миллионов людей на этой планете услуги личного врача являлись не просто роскошью, а чем-то столь далеким от реальной жизни, что увидеть подобное можно было лишь в кино или сериалах. Но впервые оказавшись здесь, в кабинете Мишель, Анна не стала с интересом вертеть головой в попытках осмотреть дорогостоящее медицинское оборудование. Не стала она спрашивать и о препаратах, явно сделанных на заказ в самых передовых лабораториях современности. Девушка старательно прятала глаза, всё порываясь быстрее покинуть пределы светлой, стерильно-чистой комнаты, с нежным узором голубых лилий на широких ромбовидных плитах пола.

Беспокойство — вот что она испытывала каждый раз, приходя к Мишель на перевязку. Тревожное и какое-то ранимое, оно заполняло сердце до краёв и постоянно заставляло Анну переживать собственную беспомощность. Ту самую, которую ощущаешь, когда близкий тебе человек чем-то неизлечимо болен.

— Это ведь не повод причинять вред другим, — почти жалобно отозвалась Аня, вздрогнув из-за раздавшегося со стороны кушетки стопа. — Прошу, не делай ему больно только потому, что Тим так сказал.

— О, нет, он не говорил. — Мишель затянула нить на ране в узел без особой аккуратности, едва дернула, несильно и почти не нарочно, а после похлопала Эдика по здоровой, вмиг скривившейся в муках щеке. — Умничка.

— Тогда зачем ты...

— Сеймур держит данное тебе обещание не вредить никому. Но я-то ничего не обещала. И мои нынешние негуманные действия продиктованы лишь собственной мстительной натурой, не более того. Это ведь совсем несправедливо, что твои коллеги могут проткнуть меня вилкой, — Мишель осторожно помахала своей перебинтованной ладонью, — и им за это ничего не будет.

— Никто бы не пострадал, если бы Тимуру не пришла в голову гениальная мысль затащить всех на свой остров!

— Ну-ну, не сердись, птичка. Вам просто нужно... — Мишель смолкла на полуслове — отвлеклась на захрипевшую рацию, что лежала в кармане её халата. — Вот чёрт! Энни? Энни у меня! — тут же прокричала она в микрофон. — Да, я поняла!

— Что случилось?! — взволнованно спросила Анна, наблюдая за тем, как Мишель заметалась по кабинету.

— Хватай под столом чемоданчик и бегом за мной! — тоном, не терпящим возражений, тут же распорядилась врач. Пока девушка соображала, насколько всё серьезно и какой ещё чемоданчик ей нужно хватать, Мишель успела скинуть с себя халат, достав откуда-то из-под кушетки болотного цвета брюки и тяжеленные шнурованные ботинки.

Послышавшуюся за стеной автоматную очередь практически сразу прервал грохот очередного взрыва. Настолько оглушительного, что дребезжащие оконные стекла должны были вот-вот рассыпаться на миллион осколков, но этого не произошло.

Мишель, умудрившись переодеться и в пару быстрых движений открепить ремни от конечностей Эдика, взвалила тощее, постанывающее сквозь кляп тело на своё плечо. Строить из себя пострадавшего парню просто не дали: весьма бесцеремонно потащили к выходу с попутными угрозами оставить тут подыхать, если не начнёт перебирать ножками самостоятельно.

— Бежим к тренировочной площадке за виллой. — Врач целеустремленно направилась по коридору в сторону кухни.

— Что случилось? — вновь спросила Анна, стараясь не отставать от неё.

— На месте объяснят. Но пока не доберёмся, чтобы от меня ни на шаг, поняла?

— Да.

За высоченной зеленью кустов у самого края тренировочной площадки им пришлось затаиться, потому что возле стоек с длинными бамбуковыми жердями кто-то был. Двое, в темном камуфляже с тяжеловесным оружием в руках. Отчего-то Аня сразу поняла, что к здешней охране они не имеют никакого отношения.

— Зачем ты... — прошептала она, завидев, как Мишель в одно точное касание лишает Эдика сознания и очень тихо опускает его тело на землю, а затем прикладывает палец к губам, жестом показывая поставить чемоданчик, который девушка всё это время сжимала в руках. Открыв его, врач аккуратно извлекла кожаный чехол, в чьих узких отделениях обнаружили тонкие, длинную с вязальную спицу метательные иглы.

Поскольку Анна выросла в семье, где каждого мужчину с младенчества учат охотиться подручными средствами, как бросают тяжелые ножи, она видела бесчисленное число раз. Но два лёгких, столь неразличимых глазу взмаха в исполнении Мишель смотрелись, будто движение в танце, а не смертоносный укол, который тут же с точностью до дюйма получили два стоящих на тренировочной площадке человека. Как их тела падают на землю, Аня разглядеть не успела. Чужая хваткая рука сомкнулась на запястье девушки, и её потащили в сторону джунглей.

Среди спутанных корневищ под ногами и пышных зеленых папоротников Мишель ориентировалась как рыба в воде. Аня потеряла счет минутам, но за всё время их бесцельного, казалось, блуждания им удавалось скрываться от групп одетых в чёрные бронежилеты людей и удачно пережить вспышки коротких перестрелок, будучи никем не

замеченными.

— Держи, — проговорила Мишель, когда они в очередной раз затаились где-то между подростком джунглей и прибрежными скалами. — Осторожней, он без предохранителя.

— Я не буду убивать, — замотала головой девушка, отказываясь брать протянутый ей пистолет.

— Ты будешь защищать свою жизнь, — строго произнесла врач, но, заметив чужой взгляд, миг ставший затравленным, продолжила чуть мягче: — Энни, милая, я должна проверить, что там впереди, это недолго. Сиди тихо и не высовывайся. Хорошо?

Едва спина Мишель скрылась в окутанных лианами зарослях, как всё подозрительно стихло. Земля перестала вздрагивать, а до слуха больше не долетали столь знакомые звуки выстрелов.

Аня крепче сжала в пальцах длинноствольный пистолет, не забыв по старой привычке шустро отщелкнуть обойму, чтобы проверить количество патронов, да по ладони примерить тяжесть рукоятки.

И сколько лет прошло с того момента, когда она последний раз брала в руки оружие?

Триста метров — самое плевое, даже в мочку уха попала бы, кабы не калибр (и на кой чёрт стандартному магнуму расширенный магазин?). Чем мощнее, тем больший выхлоп на выходе и тем сильнее по её отвыкшим запястьям рябью пройдёт отдача. Надо будет придерживать второй рукой. Какое позорище, чтобы она, амбидекстр, ещё и что-то там придерживала. Но если всё-таки понадобится...

Аня опустила руку с пистолетом. Устало вздохнула и прижалась спиной к мягкому, всю поросшему ворсисто-желтыми кочками древесному стволу. Донельзя натянутые нервы крепко держались за внешнюю её сосредоточенную отстраненность. Трястись от страха она решила потом. Как и вытирать пошедшую носом кровь. Нет. Тимура, поганца такого, заставит вытирать. Не самой же ей в голову пришло во всем этом принять непосредственное участие. Вот пусть теперь рыскает по близлежащим островам и рифам в поисках чистых платков.

Анна и подумать не успела, как тело её в резком развороте рефлекторно выбросило руку вперёд. Палец, зажатый на курке, даже не дрогнул. Девушка вовремя заставила себя остановиться, потому как открывшаяся перед ней картина уже не требовала постороннего вмешательства. Под её изумленным взглядом широкоплечий, весь затянутый в пятнистый камуфляж мужик, гремя своей вооруженной обвеской, грохнулся навзничь.

По всей видимости, он пытался бесшумно подобраться к Ане со спины, но прыгнувшая на его плечи циветта оказалась шустрее. Зверёк с остервенением принялся раздирать чужую голову, метя в прорези черной балаклавы и текуче уворачиваясь от рук, что пытались схватить его. Молчаливая схватка эта длилась не больше минуты, пока резко обернувшаяся Анна не заставила нападавшего шарахнуть в сторону. Он споткнулся о торчащий из земли корень и, приложившись затылком о землю, потерял сознание.

Аня тут же бросилась помогать застрявшему под грузным телом зверьку. Он поначалу с шипением отреагировал на чужие руки, оказавшиеся так близко, но девушка старалась не мешать ему перебирать передними лапками. Кошак всё пытался подтянуться вверх, но задняя часть его туловища была намертво пригвождена к земле, и очередной, ни к чему не ведущий рывок, грозил забрать остатки воздуха и без того в не самых больших лёгких зверька.

Попытки с третьей Ане удалось немного приподнять тяжеленную тушу мужика, и,

пыхтя от натуги, она с трудом проговорила:

— Ну же... беги.

Циветта вякнула то ли что-то благодарное, то ли ругательное в ответ и, приволакивая заднюю лапу, направилась к ближайшей кустистой лиане, чьи большие листья веером заслонили проход к кем-то вытоптанной тропинке. Анна подняла взгляд, подумав, что ей показалось. Но нет, за мелькнувшим знакомым силуэтом последовали громкие возгласы. Действуя на свой страх и риск, девушка подхватила под мышку ковыляющую циветту и решительно двинулась вперед.

Спустя десяток осторожных шагов она вышла на небольшую каменистую возвышенность, как раз к истоку ручья, того самого, где обитали огромные бабочки. Сейчас они, потревоженные грохотом и человеческим присутствием, суматошно порхали у самых макушек деревьев, тогда как внизу, на поляне...

— Ну-ну, будет тебе, господин директор, — раздался насмешливый голос Тимура. — Как там у вас в России говорят, один раз — не пидорас, да?

Парень стоял к ней спиной и рукой зажимал кровоточащую рану на левом плече. Чуть поодаль, в паре метров, застыл Максим Сергеевич. Он держал Тимура на прицеле точно такого же черного магнума, какой достался и Анне. Потому примерную летальность попадания при том мизерном расстоянии, что отделяло их друг от друга, она могла рассчитать с точностью до процента. И один к девяноста девяти — в данном случае было про неожиданное чудо в виде резкого поноса у её начальника.

Сам Максим выглядел ужасно. Без рубашки, весь в разводах какой-то жидкой грязи и изрядно помятых, рваных штанах этот человек больше не создавал впечатление этакого солидного хозяина жизни, уверенного в себе рыцаря в сияющих доспехах, вечно улыбающегося и спешащего всем на помощь. Глаза его горели озверелой яростью, а изо рта вылетали истеричные, срывающиеся на фальцет выкрики:

— Заткни пасть, ты, больной на всю голову урод!

— Ага.

— Я убью тебя, сука... слышишь? Я...

— Стреляй уже, — перебил его Тимур и, будто желая вывести собеседника окончательно, со смешком добавил: — Натурал.

Едва парень умолк, как раздался выстрел. Максим с болезненным стоном упал на подломившиеся колени, а после лицом впечатался во влажную глину у самого берега ручья.

— Я ему яйца отстрелила? — ошарашено проговорила Аня.

— Нет, бедро, — ответил Тим, поворачиваясь к ней. — Почему ты одна, где Мишель?

— Я здесь! — Врач, словно по мановению волшебной палочки, бесшумно вынырнула из-за зарослей позади Анны. — Уж извини, Сеймур, но твоя птичка слишком пряткая и не слушается, когда ей советуют сидеть на месте.

— Ну, она мне только что жизнь спасла.

— Всегда пожалуйста, — буркнула Аня, осторожно примериваясь ногой к скалистым выступам, чтобы спуститься на поляну. Поскольку в одной её руке была порядком охреневшая от такой наглости циветта, а в другой — пистолет, девушка едва могла держать равновесие и в какой-то момент сама, вслед за Максимом, чуть не свалилась в ручей. Тим подался к ней навстречу — хотел придержать за локоть, но на его протянутую, всю запачканную собственной кровью ладонь, Анна взглянула с опаской.

— Сеймур, что с рукой? — деловито поинтересовалась Мишель, в мгновения ока

оказавшись на поляне. Ей сноровки, в отличие от неуклюже спускающейся девушки, хватило, чтобы просто спрыгнуть вниз, да ещё и таща при этом металлический кейс.

— Пустяки, — нехотя проворчал Тим, кивая в сторону валявшегося на земле Максима: — Займись лучше этим.

— Сеймур...

— Мне же не стоит говорить, что это приказ?

Мишель недовольно качнула головой, от чего волосы на её затылке, собранные в высокий хвост, нервно метнулись в сторону, но возражать не стала. Направилась к мычащему от боли Максиму, который в попытке добраться до выроненного пистолета лишь ещё больше изгваздался в грязи и вымочился в ледяных водах ручья.

— Не кусайся! — ойкнула Аня, повыше подтягивая напомнимшего о себе зверька.

— Дай сюда эту вонючку, — сказал Тим.

— Ничего он не вонючка!

— Давай, а то поцарапает.

Кошак настороженно затих. Примерил свои шансы на выживание, а заодно трезво оценил настроение хозяина (тот опасно пах собственной кровью), и решил действовать наверняка. Жалостливое урчание далось ему не так чтобы хорошо, больше похоже было на скрип несмазанных дверных петель, но следом циветта вцепилась в Анну так, что сразу стало ясно: покидать пригретое местечко в сгибе чужого локтя животина не намерена.

— Как видишь, он паинька. — Анна чмокнула зверька в кожистый нос. — А ещё большая умница, потому что подрался из-за меня с каким-то громилой. И не хамил, как некоторые.

— А сейчас он что, по-твоему, делает? — Тим усмехнулся, наблюдая за тем, как кошак принимается грызть нагрудный кармашек её рубашки.

— По крайней мере, я нравлюсь ему. — Ткань с характерным треском пошла по шву. — Ну, или мои шмотки.

— Мне тоже.

— Дать поносить?

Судя по явному нежеланию смотреть собеседнику прямо в глаза, Аня всё прекрасно поняла. Но предпочла в шутливом тоне скрыть и недосказанность между ними, и много чего ещё.

Легко было отталкивать её там, на балконе, третья доза травки давала такую ясность мозгам и чёткость действиям, что Тимур совершенно точно видел, как следует поступить, чтобы ситуация была наиболее выгодна для обоих. И в плане безопасности, и в пользу рационального выбора, наперекор чувствам. Но теперь, когда адреналин в крови схлынул, а его отпустило, Аня, хоть и появилась очень вовремя, совершенно неожиданно пальнув в своего начальника, привносила в мысли хаос гораздо больший, чем вообще всё происходящее на острове.

И очень некстати вспомнилось, что он ей там наговорил про поцелуи и затащить в постель.

— Энни, ты не могла бы мне немного помочь? — раздался голос Мишель.

Укол со снотворным она с легкостью и некоторой долей садизма всадила в плечо Максима минутой ранее, и, дождавшись, пока это изрыгающее проклятия тело отключится, попыталась разорвать ткань штанов, чтобы добраться до ранения.

— У меня тут тоже пострадавший, — отозвалась девушка, подойдя ближе.

— А кровь на лице у тебя почему?

— Да так. — Аня неловко потёрлась носом о ткань рубашки на своём плече. —

Пустяки.

— Где-то я это уже слышала. — Мишель бросила краткий взгляд на притихшую циветту. — Задние?

— Да.

Взмахом ладони она подозвала Аню склониться чуть ниже и осторожно коснулась свисавших из-под её руки пятнистых лапок. Легко прошлась пальцами по жестким подушечкам, от чего зверёк опасливо вздрогнул, а после принялся вырываться с удвоенной силой, на что Мишель бодро отрапортовала:

— Этот здоров. Следующий!

Не успела девушка изумиться, как циветта уже выскользнула из её объятий и плавно спружинила на землю.

— А теперь, — продолжила врач, — возьми скальпель и разрежь штанину, пока я буду переворачивать этого кабана.

Аня окинула тело Максима подозрительным взглядом, словно бы ждала, что он вновь распахнет глаза и начнёт нести какую-то околесицу. Однако мужчина всё оставался лежать в неподвижном полузабытьи, даже когда она носком своего кеда аккуратно подпихнула его грязную лодыжку.

— Ты извини, — брезгливо поморщилась девушка, — но я к нему больше не прикаснусь.

— Что ж, — вздохнула Мишель. — Могу понять. Тогда бери в чемоданчике пластыри и антисептики да ступай перевязывать благоверного, а то скончается от своей гемофилии, что я его матери скажу? — Дождавшись от Анны согласного кивка и наконец справившись с тканью чужих штанов, она взглядом выискала Тимура, который успел отойти на другой конец поляны, и громко позвала:

— Сеймур, пуля навывлет прошла?

— По касательной, — ответил он. Убрал плюющуюся матами рацию от уха и нахмурился.

Новости Ян принес неутешительные, и теперь приходилось лихорадочно соображать, какие брату выдать указания на случай тех или иных проблем. Хотя какой, к черту, случай? Проблема была одна. Огромная. И решение ей тоже полагалось весьма громоздкое.

— Прости, что тебя во всё это втянул, — произнёс Тимур, когда Аня подошла к нему и попросила приподнять пострадавшую руку.

— Что вообще происходит?

— Из-за сигнала бедствия от вашего безопасника ко мне заявила штурмовая группа австралийского Интерпола. Что странно, они сработали очень быстро.

— Кэролайн разве не для этого отправилась на материк? Чтобы разобраться?

— И это вторая странность. — На лице Тимура залегла тень неподдельного беспокойства. — Похоже, она тоже влипла в неприятности.

— Что будешь делать? — тихо спросила Анна, стирая салфетками кровь с его плеча.

— Вытаскивать её, что же ещё. Но ты не волнуйся, с твоими коллегами теперь уже точно всё будет в порядке, в задачу штурмовиков как раз входит освобождение заложников. Всех сгрузят на свою вертушку, довезут до материка, там разберутся. В новостях, конечно, засветитесь, но вашему коллективу только на пользу. Бесплатная реклама и всё прочее.

— Да плевать мне на этих...

Громыкнуло. Анна едва удержалась на ногах с мыслями, что либо остров сейчас перевернется кверху дном, либо это сделает её подскочивший к горлу желудок. Устоять ей помогли разве что руки Тимура, который не раздумывая прижал перепугавшуюся девушку к себе.

— Это сервера были? — поинтересовалась Мишель, спокойно всаживая очередную дозу какого-то препарата в бедро Максима.

— Да. Надеюсь, Ян успел разнести мою виллу до того, как туда наведались гости, — вздохнул Тим. — Ну и разгребать же мне придётся.

— А говорил, спокойно у тебя тут, — хмыкнула Аня. Носом она уткнулась в изгиб его шеи, почувствовала разгоряченный запах крови и едва различимый пота, да так и замерла в кольце чужих рук.

— Аня, — тихо позвал он, крепче сжимая объятия. — Зачем ты сказала мне?

— Что?

— Ну, что влюбилась...

— Как я могла не сказать? Тем более тебе.

— Ты... — Тим нервно закусил нижнюю губу и, словно бы решившись на что-то, вновь заговорил: — Ты очень честная, Анют, и очень смелая, я всегда это знал. Но я всего этого попросту не заслуживаю, нельзя мне тебя... такую.

— Тимур, ну что за глупости? — возразила она. — Почему нельзя?

— Потому что права сестра: я эгоист и придурок. И мне так хотелось оторвать башку этому, — Тим кивнул в сторону бессознательного тела Максима. — Я был так зол! На него, на обстоятельства, из которых ты не можешь выбраться, так хотел уничтожить причину твоей боли, что умудрился забыть о самом главном.

— О чём же?

— Без тебя самой это всё не имеет смысла. Потому что не все проблемы на свете можно решить насилием. Этот поступок меня не красит, вообще, я в глазах любого здравомыслящего человека выгляжу сумасшедшим маньяком, и тебе бы держаться от меня подальше...

— Нет.

— ...но ты говоришь «нет», а ещё говоришь, что нравлюсь.

— Но ты правда нравишься мне, Тим, — мягко произнесла Аня, с боязливой надеждой заглядывая в его глаза: — Это ведь взаимно?

— Да, — отозвался он со счастливой улыбкой, — тысячу раз — да, рыжее моё солнце.

«И именно поэтому я не могу оставить тебя рядом с собой».

Не будь на острове толпы штурмовиков с автоматами, что в любую секунду могли выскочить из-за кустов; не испытывай он такого сильного сожаления от того, что пришлось похерить полюбившийся дом, собственную комнату, столь долгое время наполнявшуюся дорогими сердцу вещами; и, конечно же, не блести глаза Ани так нервически взбудоражено из-за стресса, Тимур бы поцеловал её.

Но сейчас было не время и не место, грозила реальная опасность, с которой и он, и его люди могли легко справиться. Только на том условии, что не придётся параллельно защищать случайно втянутую в заварушку девушку.

— Ты что?! — Аня резко вырвалась из объятий, едва заметив, как Тим снимает очки. — Не вздумай вырубать меня!

— Вечно ты мои мысли угадываешь, — усмешка у него вышла кривоватая и совсем не веселая. — Ань, посмотри на меня.

— Хрен там! Даже не подумаю! — запротестовала девушка, разворачиваясь к нему спиной и для верности закрывая глаза ладонями.

Мишель, которой изрядно надоела эта многосерийная романтическая недокомедия, потянулась к своему чемоданчику за очередной дозой снотворного. Но рука её остановилась на полпути, когда Тимур отрицательно покачал головой, показывая, что с этой ситуацией в состоянии разобраться сам.

— Ань.

— Нет!

— У меня есть твои голые фотки.

— Чего? — Девушка, забывшись, удивленно уставилась на него. — Ты шутишь?

— Конечно, шучу, смотри на меня.

— Тим, пожалуйста, — донесся её жалобный шёпот, но взгляд бесцветных глаз завораживал. Как сокрушающие тишиной сумерки тропических островов. Как тьма самой глубокой океанической впадины. Там, на дне бездны, убаюкивающим прибоем звучали слова признания только для неё одной. Кто-то давал обещание вернуться и почему-то вновь просил прощения.

Кажется, Анне предстояло забыть, почему именно.

Эпилог. Лучшие гастроли русского народного

Две недели положенной при увольнении отработки пролетели для неё незаметно. Закончила дела, отсортировала всё срочное, скинула в мусорку неважное. Попутно отвечать всем и каждому «Максим Сергеевич на больничном» Анне даже понравилось. За несколько лет непрогибаемого труда ей ещё никогда так легко не работалось, она бы сказала, что уходить даже немного жаль, но коробки с документами, ждущие, когда же их наконец соизволят спустить в архив, не оставляли и свободной минутки, чтобы отвлекаться на какую-то там легкую грусть или, чего хуже, ностальгию.

С момента их по истине скандального возвращения в Россию телефоны, электронные ящики да и двери Театра русской культуры атаковали репортеры и журналисты всех новостных каналов. Казалось, что даже самой захудалой газетёнке есть дело до того, где же целую неделю пропадали артисты вместе с верхушкой администрации, и почему их поиски едва ли не обернулись дипломатическим скандалом между Австралией и Россией.

Или эти новостные заголовки опять раздули из мухи слона?

По крайней мере, с самой Анной разъяснительных бесед никто не проводил. Как только она вышла на работу, весь коллектив собрали в одном единственном зрительном зале и настоятельно попросили не давать никаких интервью. Впрочем, это было и ни к чему. Участники предполагаемых событий все равно ничего не помнили. Лишь испуганно переглядывались по гримёркам артисты, да настороженно перешептывались дамы из бухгалтерии. Всё хотели выпытать у взмыленной Марго хоть что-нибудь о случившемся. Та уже устала отщучиваться в духе, что это секретная информация, её природный оптимизм, и без того подкошенный свалившимися директорскими обязанностями, скатился в унылую деловитость. Анна не могла ей не сочувствовать, но на уговоры остаться на месте секретаря не поддавалась.

До конца последнего рабочего дня оставались считанные минуты, и Аня, забирая со своего бывшего уже стола блокнот со стихами, окинула приёмную прощальным взглядом. Задержалась на приклеенной к стене табличке с витиеватыми инициалами Максима Сергеевича, усмехнулась. Что-то подсказывало девушке, что в скором времени их заменят на новые.

Дверь за собой она притворила бесшумно (ключи теперь были в безраздельном пользовании Марго), а после направилась по лестничному пролету вниз. Гулкими шагами пересекла пустующий в летний сезон вестибюль и остановилась, поняв, что покинуть здание театра через главный вход попросту не получится.

За высокими дверьми из стали и стекла собралась целая толпа репортёров. Мелькали камеры, разноцветные микрофоны с логотипами новостных каналов, лезли друг на дружку какие-то совсем уж сумасшедшие физиономии, словно бы норовя снести выставленную впереди тумбу, видно, для чьего-то поистине смелого выступления.

— Анна, что это вы тут стоите? — со смешком произнесла Марина Петровна. Разодетая в летний брючный костюм, она была собрана и деловита, и, казалось, совсем не беспокоилась по поводу беснующейся за дверьми толпы. — Хотите вместо меня сделать официальное заявление?

— Это вы сами как-нибудь. — Девушка отступила на шаг назад, подальше от любопытных объективов камер.

Марина Петровна с прищуром взглянула на репортёров, нахмурилась и возмущенно выдала:

— Налетели как стервятники! Все телефоны нашему Максиму Сергеевичу оборвали, ну как так можно, скажите на милость? Никакой совести у людей нет, одна хамка даже попыталась...

Анна не стала слушать. Лишь в кратком и совсем уж безразличном жесте пожала загорелыми плечами и направилась обратно. Как научил её некогда один человек, выходов из ситуации можно найти множество. А из здания и подавно.

Вдоль по узким коридорам с истёртыми ковровыми дорожками и хламом из старых декораций; через тугие деревянные двери и мимо многочисленных гримерных комнат, из которых не доносилось ни звука. Уже у самого служебного выхода её окликнула Марго, но девушка, не замедляясь ни на шаг, прокричала ей:

— Опаздываю на встречу, прощай!

Из театра и до метро она практически бежала, не только потому, что действительно поджимало время, но и от того, что так хотелось. Лететь без оглядки из этого удушливого, забитого кокошниками и прогорклым фольклором места, где каждый хотел быть услышанным, но никогда не останавливался, чтобы послушать.

За полчаса она удачно добралась до всенародно известной в Питере улицы лёгкой любви и плохой выпивки. Нашла нужный подвальчик, что прятал за своими выщербленными ступенями и облепленными наклейками дверьми небольшой бар, и вошла в его полутемное нутро.

Сегодня здесь проходил один из тех поэтических вечеров, где современные лирики пытались удивить и без того ошарашенную этим миром публику. Получалось плохо не из-за излишней предвзятости критиков, а потому, что в баре пьяны были даже столики. Присаживаясь за один из них, Анна кивнула знакомой девушке-организатору, и достала из сумки блокнот со своими записями.

— Можно составить вам компанию? — раздался голос над склонённой Аниной головой, которую она не подняла, а лишь отрицательно качнула в ответ.

— И всё же?

— Не стоит.

— Море и беды.

— Что? — удивилась девушка, всё же вынужденная взглянуть на собеседника.

— Это ведь ваше стихотворение, — с улыбкой произнёс темноволосый молодой человек. — И я знаю, что вы сегодня выступаете. Меня Кирилл зовут, кстати. Разрешите всё-таки присесть?

— Ну ладно, — пробормотала она, в легком недоумении пожимая протянутую руку.

Кирилл оказался симпатичным парнем, зеленоглазым и тонконосым, будто бы слегка растрёпанным, но той новомодной несобранностью, которая сейчас как раз набирала популярность среди людей их возраста.

— Хотите, угощу? — Он поставил на столик высокий пивной бокал, уже пустой наполовину, и тут же принялся взглядом выискивать куда-то запропастившуюся официантку.

— Нет, спасибо, — отмахнулась Аня, нахмурившись. Только сейчас заметила

перекинутый через шею собеседника черный ремень фотоаппарата. Объектив на чужой груди слегка качнулся в сторону, светя никоновским лейблом, и девушка неприязненно сказала: — А, вы из этих. Я не даю интервью.

— Считайте, что я здесь просто отдыхаю, — улыбнулся Кирилл, тоже опуская взгляд на свою камеру. — Но и не прочь сделать пару-другую снимков.

— Я прочь.

— Что?

— Ничего, — задумчиво пробормотала она, отвлекаясь на замахавшую ей руками организатора. Та громким объявлением в микрофон уже торопила Аню подняться на невысокую импровизированную сцену.

Софиты, приглушенные в тон атмосферы бара, все равно слепили глаза, отчего и зрители, на нетрезвых лицах которых не читалось и намёка на желание внимать высокой поэзии, и остальное пространство небольшого подвала были практически не видны. Будто их заволочло полупрозрачной сизой дымкой, столь похожей на ту, что в первые предрассветные часы спускается на сонный тропический пляж.

Это порядком снизило градус её волнения, и Аня без вступления заговорила:

— кому-то даровано право молчать.

зыбко.

а кто-то больше не смог написать ни

ноты

когда бы ещё мне увидеть твою

улыбку

как не за миг до отчаяния, срезая на

поворотах

и в бледно-мерцающих буднях было бы

пусто

без сотни советов прохожих выжить не

просто

я вновь раскрываю тебе все свои

чувства

ты грезишься мне уплывающим на

остров

В баре не образовался вакуум, и не повисла звенящая тишина. Всё также продолжали галдеть студенты на галёрке, да нечленораздельно спорить в первом ряду бедные интеллигенты. Заплодировал только один единственный человек — зеленоглазый парень с фотокамерой на груди. Кирилл, кажется. Он так и остался сидеть, потягивая своё светлое пиво, но всё-таки сняв с объектива крышку, чтобы запечатлеть то ли её выступление, то ли всеобщую картину алкогольного потопа в одном отдельно взятом питерском ковчеге.

— Мне лестно, — слегка поклонилась Анна, когда уже у самого столика Кирилл вновь воодушевлено и вполне искренне похлопал ей. — За столь высокую оценку моего творчества я отвечу вам на вопрос.

— А...

— Только на один.

— Хорошо-хорошо, — задумчиво пробормотал парень. — Вы правда ничего не помните?

— Это не тот вопрос.

— Вот чёрт.

— Ну же, Кирилл, ещё одна попытка, — лукаво улыбнулась она, заглядывая в чужие глаза. Будто приглашала к участию в занимательной игре, правила которой были известны лишь ей одной.

— Ла-а-а-дно, — протянул собеседник, — а не поделитесь ли впечатлениями от вашей поездки?

— О, для начала скажу... так, погодите... — Анна удобно устроилась на стуле, ведь беседа обещала затянуться надолго, и воодушевленно продолжила: — Знаете, мой бывший начальник считает, что это были одни из лучших гастролей нашего русского народного. И я с ним, в общем-то, согласна.

Больше книг на сайте - Knigoed.net